

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

6/2017

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Thomson Reuters.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

Москва
Гуманитарий

Международный редакционный совет

Председатель международного редакционного совета **Гусейнов А.А.**

Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Далльмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция);
Кастийо М., д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Попович М.В.**, д.филос.н., проф., директор ИФ НАН Украины; **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Шгольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Степин В.С.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., декан филос. фак-та РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, директор ИП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Павлов А.Т.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; Северикова Н.М., к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Степин В.С.**, ак. РАН, руководитель секции философии, социологии, права и психологии отделения общественных наук РАН, почетный директор ИФ РАН, президент РФО; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., зав. лабораторией философии образования Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Редактор международного отдела Чикин А.А.

Литературный редактор Феоктистова Т.А.

Научный редактор Липский Е.Б.

Ответственный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPhS

RUSSIAN JOURNAL OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

6/2017

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Thomson Reuters' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Council:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, PhD, Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, PhD, S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Popovych M.V.**, D.Sc., Prof., Director of the Skovoroda Institute of Philosophy at the National Academy of Sciences of Ukraine; **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, PhD, George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Stepin V.S.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RAS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, PhD; **Feldshtein D.I.**, RAE Full Memb., Vice President of the Russian Academy of Education (RAE); **Gubin V.D.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, PhD; **Mikhaylov I.A.**, PhD, Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin. Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pavlov A.T.**, D.Sc., Prof., MSU; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, PhD; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, PhD, Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Stepin V.S.**, RAS Full Memb., Head of the Section of Philosophy, Sociology, Law and Psychology, Department of Social Sciences, RAS, Honorary Director of the Institute of Philosophy RAS, President of the Russian Philosophical Society; **Tolstykh V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Head of the Laboratory for the Philosophy of Education at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

International Department's Editor Chikin A.A.

Literary Editor Feoktistova T.A.

Science Editor Lipsky E.B.

Responsible Editor Komissarova L.B.

Executive Secretary Pruzhinina A.A.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**БУДУЩЕЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**

**Действительность и перспективы
русской модернизации ■**

О.Н. СМОЛИН

Социэкономика:
труд – бюджет – пенсии

7

**МОДУСЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

Социум:

Традиции. Интенции. Тенденции ■

А.Н. ДАНИЛОВ (Белоруссия)

Время великих предчувствий

23

Постсовременность:

поиски новых путей взаимодействия ■

ОТ РЕДАКЦИИ

Формирование феномена
«новой современности» как новая
перспектива исследования

32

В.И. СПИРИДОНОВА

«Новая современность»
и традиционные ценности

35

Р.И. СОКОЛОВА

Возможен ли диалог
России и Германии
в эпоху «новой современности»?

50

КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО

**Социально-философские аспекты
научного знания ■**

В.А. БАЖАНОВ (Ульяновск),

Е.Е. ШАБАЛКИНА (Ульяновск)

Проблема поиска
нейрофизиологических оснований
морали: нейроэтика

64

С.Р. КОГАЛОВСКИЙ (Шуя)

О природе математики

80

Б.И. КУДРИН

Онтология технической реальности

96

ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО МИРА

**Цифровая цивилизация:
вызовы и трансформации
современности ■**

<i>Т.С. АХРОМЕЕВА, Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, С.А. ПОСАШКОВ</i>	Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика	104
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (Санкт-Петербург)</i>	Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе	121
<i>А.А. ЛИСЕНКОВА (Пермь)</i>	Философия агрессии в цифровую эпоху	137
<i>О.Н. ВЕРШИНСКАЯ</i>	Адаптация людей старшего возраста к виртуальному миру	148
	■	
	Contents	160

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<http://www.phisci.ru/publish-terms>

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 10.05.2017 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ
Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».
E-mail: humanist@academyrh.info



**БУДУЩЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ
ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ**



**Действительность и перспективы
российской модернизации**



СОЦИОЭКОНОМИКА: ТРУД – БЮДЖЕТ – ПЕНСИИ

О.Н. СМОЛИН

Аннотация

В статье приводится обоснование авторской позиции в отношении проблем пенсионного обеспечения граждан России, функционирования пенсионной системы и соответствующего законодательства.

Главная особенность авторского подхода и главный тезис статьи состоит в том, что низкий уровень пенсионного обеспечения и искусственное сокращение числа получателей пенсий вредны не только с социально-гуманитарной, но и с экономической точки зрения.

Используя как повод рассмотрение Государственной Думой Федерального Собрания РФ законопроекта о возобновлении индексации пенсий в полном объеме, автор приводит аргументы в пользу такого возобновления.

1. Политика «недоиндексации» пенсий ведет к дальнейшему снижению уровня жизни одной из самых незащищенных групп российского населения.

2. Эта политика искусственно тормозит экономическое развитие страны, поскольку снижается платежеспособный спрос на товары отечественного производства.

В статье анализируется одно из ключевых положений так называемого плана Кудрина (в недавнем прошлом министра финансов РФ, а в настоящее время заместителя председателя Экономического совета при Президенте РФ) о необходимости повышения пенсионного возраста в стране. Основные возражения автора против этого предложения состоят в следующем.

1. Рост безработицы и затрат на выплату соответствующих пособий.
2. Увеличение заболеваемости и затрат на охрану здоровья граждан.
3. Сокращение ожидаемой продолжительности жизни.
4. Ухудшение условий и качества воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Автор приходит к выводу о том, что повышение пенсионного возраста в России уже началось и породит группу новых бедных, лишенных источников дохода в виде как пенсий, так и заработной платы. В 2017 г. их количество может составить 70 тыс. человек, а с 2020 г. в таком положении окажется каждый седьмой из тех, кто имеет право выйти на пенсию при современном пенсионном возрасте.

Идея А.Л. Кудрина представляется автору особенно архаичной на фоне ожидаемого массового высвобождения работников во всем мире в

результате цифровой революции и развития робототехники, когда в наиболее передовых государствах обсуждается вопрос о так называемом базовом доходе для всех граждан.

На взгляд автора, достойное пенсионное обеспечение старшего поколения представляет собой инвестиции в человеческий потенциал, который и в данной случае способен превращаться в человеческий капитал и оказывать существенное влияние на модернизацию экономики и социальной сферы.

Ключевые слова: пенсионная система, индексация пенсий, повышение пенсионного возраста, единовременная денежная выплата, прожиточный минимум, трудоспособное население, роботизация производства, технологическая безработица, демографическая нагрузка, человеческий капитал.

Смолин Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, действительный член Государственной академии наук «Российская академия образования», первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке.

<http://www.smolin.ru/>
smolin@duma.gov.ru
smolin@omgpu.ru

Цитирование: СМОЛИН О.Н. (2017) Социоэкономика: труд – бюджет – пенсии // Философские науки. 2017. № 6. С. 7–22.

В апреле 2017 г., с опозданием на девять месяцев, Госдума рассмотрела предложенный мною проект Федерального закона № 1165805-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части индексации пенсионных выплат».

Воспользовавшись парламентским обсуждением как поводом, хочу еще раз привлечь внимание профессионального сообщества и социально ориентированных организаций к вопросу об отечественной пенсионной системе, причем не только с социальной, но и с экономической точки зрения.

Экономия на индексации: история вопроса

По действовавшему до 2016 г. законодательству все пенсионеры (работающие и неработающие) должны были получить индексацию пенсий на уровне официальной инфляции. По официальным данным, инфляция за 2015 г. составила 12,7%.

Однако измененным законодательством и бюджетом 2016 г. индексация пенсий неработающим пенсионерам предусматривалась на уровне 4%, а работающим не предусматривалась вовсе.

При этом в федеральном бюджете на 2016 г. были заложены два резервных фонда (правительственный и президентский) общим объемом более 340 млрд руб., которые, по неофициальным заявлениям

представителей социального блока в правительстве, предназначались, среди прочего, для так называемой доиндексации пенсий.

Во всяком случае, в ответ на мой вопрос на «правительственном часе» 24 февраля 2016 г. заместитель Председателя Правительства О.Ю. Голодец дала понять, что считает доиндексацию вполне возможной [ГД 24.02.2016].

Смолин О.Н.: «Уважаемая Ольга Юрьевна... пенсии работающим, в том числе инвалидам, не индексируются вообще, а неработающим лишь на 4%. Вопрос: каковы шансы сохранить в полном объеме поддержку инвалидов и проиндексировать пенсии? Будет ли социальный блок правительства продолжать бороться, чтобы это было сделано?»

Голодец О.Ю.: «Вопрос об индексации – да, полностью подтверждаю: мы будем последовательно выступать за доиндексацию» [ГД 24.02.2016].

Однако наступило лето 2016 г., и Председатель Правительства Д.А. Медведев объявил: индексации не будет; вместо нее будет компенсационная выплата в размере пяти тыс. руб. в январе 2017 г.

Содержание законопроекта

Изложу его, цитируя собственное выступление на заседании Госдумы 20 апреля 2017 г. [ГД 20.04.2017].

«Когда в прошлом году стало ясно, что “доиндексации” пенсий не будет, мы внесли законопроект, который сегодня представляем вашему вниманию. Конечно, мы рассчитывали, что он будет рассматриваться осенью прошлого года, но, как говорят острословы, лучше поздно, чем никому.

Законопроект содержит две основные идеи.

1. “Доиндексация” пенсий неработающим пенсионерам с 1 сентября 2016 г. Напоминаю: резервные фонды бюджета это позволяли.

2. Возобновление индексации пенсий работающим пенсионерам.

Мы понимаем: время для принятия законопроекта в таком виде, как он внесен, упущено. Однако считаем по-прежнему актуальными две его концептуальные идеи.

Первая: индексация пенсий работающим с той базы, которая должна быть по закону на январь 2017 г.

Вторая: возобновление индексации пенсий работающим пенсионерам.

Если закон будет принят в первом чтении и ко второму чтению в нем останется только вторая концептуальная идея... мы очень сильно продвинемся вперед и поможем, среди прочего, исполнить поручение Президента Правительству России представить план, который бы обеспечил темпы роста нашей экономики выше средних мировых.

Страна с нищими пенсионерами быстро развиваться не будет».

«Недоиндексация»: социально-экономический негатив

Приведу аргументы, которыми я пытался убедить депутатов принять законопроект.

Первое и самое очевидное. Политика «недоиндексации» пенсий ведет к дальнейшему снижению уровня жизни одной из самых незащищенных групп российского населения.

Не все знают: средняя пенсия в Греции после всех кризисов, еще до падения курса рубля, была примерно вдвое выше в перерасчете с евро на рубль, чем средняя пенсия в России. Теперь выше примерно в 2,5 раза.

По заявлению лидера ФНПР М. Шамова, в Германии беженец получает 360 евро на себя, 180 — на ребенка.

По заявлению министра труда М. Топилина на съезде «Единой России» 20 января 2017 г., в ближайшие годы жизненный уровень пенсионера будет только падать, поскольку правительство и Госдума отказались от индексации пенсий работающим.

Второе. Единовременная денежная выплата в 5000 руб. оказалась в 2,5–5 раз меньше того, что должен был получить пенсионер со средней пенсией при нормальной индексации за 2016 г.

Действительно, в 2016 г. при росте цен за предыдущий год почти на 13%, пенсии неработающим проиндексировали лишь на 4%. При средней пенсии 12 800 руб. с февраля 2016 г. неработающему пенсионеру недоплачивали 1155 руб., а за 11 месяцев ему недоплатили 12 700 руб. Единовременная выплата в 5000 руб. оказалась примерно в 2,5 раза меньше.

Работающим пенсионерам в 2016 г. пенсия не была проиндексирована вовсе. При той же средней пенсии за 11 месяцев работающий пенсионер недополучил 26 400 руб. Другими словами, пятитысячная единовременная выплата оказалась в пять раз меньше того, что он должен был получить.

Третье. В заочной полемике с автором этих строк депутат Госдумы А.К. Исаев утверждал, что единовременная выплата сделана именно в интересах самых необеспеченных пенсионеров. Однако на самом деле она представляла собой попытку частичного перераспределения денег от бедных — к нищим. И при этом отнимала деньги у тех и других.

Приведенное выше утверждение депутата А.К. Исаева не выдерживает не то что критики, но простой арифметики. Согласно официальным данным за 2016 г., низкими (т.е. ниже прожиточного минимума пенсионера) считались пенсии на уровне 8803 руб. Вычислив 9% от этой суммы (то, что «недоиндексировали» неработающим пенсионерам) и умножив это число на 11 месяцев, получим 8715 руб., а не 5000 руб.

Если же такую пенсию получает работающий пенсионер, то, взяв от нее недоплаченные ежемесячно 13% и помножив их на 11 месяцев,

получим еще почти в 1,5 раза больше – 12590 руб. Следовательно, малообеспеченному неработающему пенсионеру за год недоплатили более 3700 руб., а работающему пенсионеру – почти 7600 руб.

Четвертое. Правительство объявило своим достижением возобновление индексации пенсий с 2017 г. Однако работающим пенсии по-прежнему не индексируются, а неработающим они проиндексированы с базы 2015 г. плюс 4%.

То есть при средней пенсии в России на начало 2017 г. в 13 170 руб. работающий пенсионер ежемесячно с февраля недополучает 1 185 руб., а за год недополучит более 13 000 руб.

Работающий же пенсионер ежемесячно будет недополучать уже $12,7\% + 5,8\% = 18,5\%$, или 2 437 руб., а за год недополучит 26 800 руб.!

Пятое. Политика неиндексации пенсий искусственно тормозит экономическое развитие страны. Очевидно: основными двигателями рыночной экономики являются платежеспособный спрос и дешевый кредит. Условия получения кредита в России на порядок хуже, чем в Европе, США или Китае.

Теперь же политика в отношении пенсионеров убивает и платежеспособный спрос. Это особенно плохо для отечественного сельского хозяйства. Стоит ли удивляться, что по так называемому базовому сценарию Министерство экономического развития при прежнем министре предполагало двигаться вперед «ползком» – по 1,5% в год, наращая отставание от мировой экономики!

Шестое. Судьба получателей социальных пенсий, которые индексируются по прожиточному минимуму, формально несколько лучше, чем у работающих пенсионеров. Однако их социальное положение еще хуже.

В 2016 г. социальные пенсии были проиндексированы на 4% с 1 апреля при официальной инфляции за 2015 г. 12,7%. С апреля 2017 г. эти пенсии проиндексированы на 1,5%, хотя официальный рост цен за 2016 г. составил 5,8%. Причина – манипулирование расчетами прожиточного минимума, который Росстат периодически снижает, несмотря на рост цен!

Как известно, Указом Президента РФ от 3 апреля 2017 г. № 141 Росстат передан в ведение Минэкономразвития. Есть основания предполагать, что количество и масштаб статистических подтасовок от этого только вырастут.

Работающие пенсионеры и инвалиды: мерку сеял – мерку жал?

Особо вредным, на взгляд автора, является отказ от индексации пенсий работающим пенсионерам и инвалидам. Именно об этом я спрашивал Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева во время его отчета в Госдуме 19 апреля 2017 г. Цитирую по стенограмме [Медведев 2017].

Смолин О.Н.: «Уважаемый Дмитрий Анатольевич! Мой вопрос про 15 млн работающих пенсионеров, которым второй год подряд отказывают в индексации пенсии. Это приводит к снижению уровня жизни, платежеспособного спроса, тормозит экономическое развитие страны, но самое главное – стимулирует людей не продолжать работу, но ее прекращать.

По данным экспертов, близких к правительству, в прошлом году Пенсионный фонд сэкономил на этом примерно 25 млрд рублей. Однако около 3 млн пенсионеров либо прекратили работу, либо стали работать без трудовых книжек. Потери того же Пенсионного фонда – около 20 млрд рублей.

Уважаемый Дмитрий Анатольевич! С учетом того, что мы заработали больше, чем планировали:

– стоит ли из-за пяти млрд отказывать в индексации пенсии 15 млн граждан и вызывать их недовольство?

– когда будет возобновлена индексация пенсий работающим?

– нельзя ли для начала проиндексировать пенсии хотя бы работающим людям с низкой заработной платой или хотя бы инвалидам с низкой заработной платой, чтобы они оставались на работе?»

Медведев Д.А.: «Тема действительно хорошо известна правительству. Вы понимаете, в каких условиях мы работали в прошлом году. Я, выступая, – вот только что от трибуны, – говорил о том, что нам вообще пришлось принять, скажем так, не очень популярное и сложное решение о том, чтобы изменить порядок индексации именно в силу того, что бюджет формировался очень трудно. Тем не менее в определенный период мы смогли деньги изыскать для того, чтобы провести так называемую единовременную компенсационную выплату в размере 5000 рублей. Я напому, что эта выплата, кстати, была сделана в отношении всех пенсионеров, в том числе работающих пенсионеров.

Но ситуация остается не самой простой. Цифры, которые вы называете, они не совсем точны, нужно еще раз проверить, какое количество средств потребуется для включения в индексацию работающих пенсионеров, потому что мы, конечно, при принятии решений ориентируемся, прежде всего, на индексацию выплат тем, кто не может трудиться. Я думаю, что это вполне справедливый подход. Если человек способен трудиться, то все-таки у него немножко другой финансовый статус.

Но проблема существует, тему эту мы не закрываем, мы вернемся к обсуждению этого вопроса и в ближайшее время сформулируем позицию о том, каким образом поступать дальше, потому что применительно к работающим пенсионерам есть разные предложения. Я слышу и предложения от КПРФ – это, в общем, вполне серьезные предложения. Но будем определяться, исходя из комплексного ана-

лиза ситуации с пенсионными выплатами и с Пенсионным фондом в целом.

Так что обсудим это еще раз и на площадке Государственной Думы, и в правительстве».

Как заметил читатель, Председатель Правительства России в обоснование политики отказа от индексации пенсий работающим ссылался именно на то, что их положение лучше, чем у других пенсионеров – именно потому, что они работают! Парадокс в данном случае заключается в том, что отечественные системные либералы рассуждают с точки зрения уравнилельной психологии!

На самом же деле именно в данном случае экономическая абсурдность пенсионной политики проявляется наиболее ярко, ибо попытка экономить на бедных якобы в пользу нищих оборачивается потерями бюджета, сравнимыми с так называемой экономией. Как тут не вспомнить русскую пословицу: мерку сеял, мерку жал – ни зерна не потерял.

Пенсионный возраст: вновь на те же грабли?

Не надо быть пророком, чтобы предсказать: вскоре после президентских выборов 2018 г. Правительство поставит перед Государственной Думой вопрос о повышении пенсионного возраста. На этом уже много лет настаивает заместитель председателя Экономического совета при Президенте РФ А.Л. Кудрин.

Проанализируем некоторые положения его доклада на VIII Гайдаровском форуме «Россия и мир: выбор приоритетов», касающиеся темы пенсионного возраста [Кудрин 2017]. Цитирую: «...демографический инерционный тренд по прогнозу Росстата показывает, что мы перешли к тренду непрерывного снижения численности трудоспособного населения... Данный вызов означает и то, что к 2030 г. у нас молодое поколение в трудоспособном возрасте сократится на 10 млн человек. В то время как в категорию старшего поколения перейдет всего лишь три млн человек... Прогноз Центра стратегических разработок исходит из повышения пенсионного возраста и вовлечения, в том числе, в трудоспособное население тех, кто сегодня уже уходит на пенсию».

Упоминание о «тех, кто сегодня уходит на пенсию», двусмысленно: речь может идти либо о повышении возраста будущих пенсионеров, либо о принудительном возвращении на работу части тех, кто уже вышел на пенсию. Но и помимо этого аргументация весьма спорная, особенно на фоне последних прогнозов массовой роботизации производства и даже сферы обслуживания.

В то время, когда главный по должности экономист России явно не верит в технологические прорывы, в наиболее развитых странах активно обсуждается предстоящая в связи с роботизацией многомил-

лионная технологическая безработица и даже проблема введения так называемого базового дохода для каждого гражданина, независимо от того, сколько он зарабатывает сам.

Продолжу цитату из доклада А.Л. Кудрина: «...мы предлагаем повышение пенсионного возраста для женщин до 63 лет, для мужчин до 65 лет... Когда мы говорим о повышении пенсионного возраста, мы в первую очередь думаем о том, чтобы поддерживать пенсии на достойном уровне».

О поддержании пенсии на достойном уровне в современной России говорить, по меньшей мере, несерьезно: на 1 января 2017 г. ее средний размер без учета единовременной пятидесятичной выплаты составил — 13170 руб., а жизненный уровень пенсионеров продолжает снижаться.

По данным опроса, проведенного специалистами Российского государственного социального университета (РГСУ) [Известия] представления граждан России о достойной пенсии распределились следующим образом:

30—40 тыс. руб. и более — 22,7%;

20—30 тыс. руб. — 36,5%;

15—20 тыс. руб. — 28,1%;

10—15 тыс. руб. — 11,4%.

Другими словами, почти 90% населения считает современную российскую пенсию явно не справедливой!

Необходимость повышения пенсионного возраста отечественные системные либералы объясняют обычно крайне неблагоприятной демографической ситуацией. И это, отчасти, справедливо. В 1990-х Россия пережила так называемый русский крест, т.е. одновременное резкое повышение смертности в трудоспособном возрасте и падение рождаемости. После введения мер поддержки семей с детьми, включая материнский капитал, правительство страны в качестве главного достижения некоторое время рекламировало положительную динамику роста населения — превышение рождаемости над смертностью. Но в 2017 г. смертность вновь превысит рождаемость приблизительно на 70—80 тысяч человек.

Однако отечественные системные либералы, скорее всего, умышленно, статистическое понятие демографической нагрузки (т.е. отношения числа граждан трудоспособного возраста к числу граждан нетрудоспособных возрастов) подменяют соотношением количества работающих и пенсионеров. Если же считать демографическую нагрузку правильно, легко убедиться: в настоящее время она меньше, чем была в 1970 г. Тогда количество неработающих (включая детей и пенсионеров) составляло примерно 790 человек на одну тысячу работающих, а в настоящее время — 710 [Шейн 2017].

Помимо сомнительности приведенного А.Л. Кудриным аргумента в пользу повышения пенсионного возраста, помимо крайней поли-

тической непопулярности данного решения, существует целый ряд заслуживающих внимания аргументов против него.

Во-первых, рост безработицы и затрат на выплату соответствующих пособий.

Не только в России, но и в самых развитых странах наибольшее число безработных – молодежь и люди предпенсионного возраста. При более позднем выходе на пенсию число последних резко увеличится, а, следовательно, безработица также вырастет в абсолютном размере и в процентном отношении к занятому населению.

Разумеется, пособие по безработице в России и других странах ниже пенсии, а потому определенная экономия бюджетных средств возможна. Однако во всех остальных отношениях, включая социальную и политическую психологию, «заслуженный отдых» несравненно предпочтительнее статуса безработного.

Некоторое представление о масштабе предстоящего бедствия дают следующие данные [Шейн 2017]. 10 лет назад уровень заработной платы работников в возрасте 30 и 60 лет был приблизительно одинаков. В настоящее время, по данным Росстата, после достижения работником 40 лет зарплата начинает снижаться и к 60 годам падает примерно на 20%. Причина – новые технологии, в том числе информационные, отсутствие необходимых навыков. За рубежом эта проблема решается с помощью системы повышения квалификации. Например, в Швеции 65% работников в возрасте 60 лет ежегодно квалификацию повышают. В России этот показатель составляет около 5%. Иначе говоря, повышение пенсионного возраста означает не замещение недостающей рабочей силы, но увеличение числа людей, которые работы не получают [Кувшинов, Прокопенко 2017]. Поскольку министр М.С. Орешкин на заседании Госдумы 7 июня 2017 г. отрицал, что этот документ представляет собой официальную позицию министерства, скорее всего, речь идет о неутвержденном проекте. И, тем не менее, приведенные в нем данные показательны. Согласно документу, если не повышать пенсионный возраст, к 2035 г. количество пенсионеров вырастет на 5,4 миллиона человек. Если же повысить, – сократится на 7 миллионов. Другими словами, пенсионеров окажется на 12,5 миллионов меньше, чем могло бы быть. При этом предполагается создание лишь одного миллиона новых рабочих мест. Иначе говоря, более 10 миллионов человек на склоне лет до получения социальной пенсии останутся и без работы, и без иных источников дохода!

Во-вторых, увеличение заболеваемости и затрат на охрану здоровья граждан.

Очевидно: чем старше работник, тем среднестатистически он чаще болеет. При этом при длительном лечении размеры выплат по больничным листам для отдельного гражданина могут быть вполне сравнимы с размерами затрат на его пенсию. Сторонниками эконо-

мии бюджета за счет повышения пенсионного возраста в публичном пространстве эта тема практически никогда не «озвучивалась», и, вероятно, соответствующие дополнительные расходы не учитывались в расчетах.

Между тем, потери российской экономики, связанные с временной нетрудоспособностью работников, по официальным данным, в 2011 г. составили 151,7 млрд руб. при современном пенсионном возрасте [Фонд социального страхования].

Но еще важнее другое: экономические потери, связанные с высокой смертностью. Согласно статистике, число потерянных от преждевременной смертности трудолет в стране достигает восьми. Иначе говоря, человек работает и создает валовой внутренний продукт в среднем на восемь лет меньше, чем мог бы. В России на сто тысяч человек ежегодно от сердечно-сосудистых заболеваний умирают 550, а в Европе 127 человек, в том числе во Франции – 55 и даже в Албании – 154 человека, т.е. почти в четыре раза меньше, чем в России [Шейн 2017]. По экспертным оценкам, Россия ежегодно от преждевременной смертности теряет 12% валового внутреннего продукта, или более 10 триллионов рублей.

Если государственные расходы на здравоохранение в стране поднять с 3,7 до 6% от ВВП, что соответствует нормативу ВОЗ, преждевременная смертность уменьшится не менее, чем наполовину, и только в результате этих действий дефицит Пенсионного фонда можно будет ликвидировать!

В-третьих, сокращение продолжительности жизни. По данным ректора Финансового университета при Правительстве РФ М.А. Эскиндарова, в настоящее время до пенсии не доживают около 10% женщин и 30% мужчин [Эскиндаров 2015]. На основании демографических таблиц можно рассчитать, сколько граждан не доживут до пенсии после «реформы». Однако есть все основания предполагать, что в действительности их число будет значительно больше такого прогноза.

Разумеется, работа в зрелом возрасте способна продлить и продлевает жизнь многим людям творческого труда либо труда в благоприятных экологических условиях (ученые, деятели искусства, садоводы и т.п.). Однако это происходит лишь при условиях добровольности труда, его посильности и психологического комфорта. Ничего подобного у подавляющего большинства вынужденных принудительно продлить трудовую жизнь по определению не будет. А, следовательно, смертность в предпенсионной возрастной когорте увеличится.

В-четвертых, ухудшение условий и качества воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Триумфально объявленная властями победа над очередями в детские сады оказалась, мягко говоря, далекой от реальности. С

одной стороны, статистка очередей не учитывала детей в возрасте от полутора до трех лет. С другой, вопрос сплошь и рядом решался за счет переполнения групп в детских садах до 35 и более человек. А с третьей, с 2017 г. очереди детей даже в возрасте трех – семи лет вновь стали расти и к середине года достигли, по разным данным, от 60–70 до 120 и более тысяч.

Очевидно, в настоящее время государство не вполне реализует гарантированное Конституцией право граждан на общедоступное и бесплатное дошкольное образование, и его вынуждены замещать молодые пенсионерки. После повышения пенсионного возраста придется либо смириться с уменьшением числа работающих женщин фертильного возраста, либо вернуться к программе строительства детских садов и развития групп продленного дня в младшей школе. Будут ли эти финансовые затраты в совокупности с затратами на пособия по безработице и дополнительную медицинскую помощь меньше расходов на современные пенсии, предстоит рассчитать актуариям.

В-пятых, опыт наиболее развитых стран. Обычно он используется для доказательства необходимости повышения пенсионного возраста в России, поскольку возраст выхода на пенсию в подавляющем большинстве таких стран заметно выше, чем тот, что достался нашей стране от «проклятого прошлого». Однако данный аргумент вполне обратим: так называемые сроки дожития, т.е. пребывания на пенсии, определяемые как разность между средней продолжительностью жизни и возрастом выхода на пенсию, в большинстве таких стран превышают российские. Отсюда вывод: необходимо прежде добиться повышения продолжительности жизни, а затем при необходимости решать вопрос об увеличении пенсионного возраста.

В-шестых, наиболее «непопулярные» (т.е. бесчеловечные) меры предусматриваются в отношении женщин, чей пенсионный возраст предполагается повысить не на пять, как у мужчин, а на восемь лет.

В мае 2017 г. А.Л. Кудрин уточнил концепцию пенсионной реформы. Помимо повышения пенсионного возраста, предлагается следующее.

А. Увеличить пенсионный стаж, необходимый для назначения пенсии. По действующему законодательству к 2014 г. он должен составить 15 лет, а затем, по предложению А.Л. Кудрина, увеличиться до 20 лет.

Б. Увеличить количество баллов, необходимых для получения пенсии. Напомню: для того, чтобы получить страховую пенсию, каждому пенсионеру в настоящее время необходимо набрать не менее 30 баллов. При этом один балл присваивается за год работы при заработной плате около ее минимального размера. А.Л. Кудрин предлагает поэтапно увеличивать необходимое количество баллов до 52-х. Грубо

говоря, чтобы получить страховую пенсию, согласно «плану Кудрина», необходимо будет 26 лет иметь заработную плату на уровне двух минимальных ее размеров.

В. Поднять пенсионный стаж, необходимый для назначения досрочных пенсий для учителей и врачей, минимум, до 35 лет (в настоящее время 25 лет — у педагогов и врачей на селе и 30 лет — у врачей в городах). Другими словами, учителю и сельскому доктору для того, чтобы заработать досрочную пенсию, придется трудиться на 10 лет дольше, а получить ее он сможет лишь в возрасте, превышающем необходимый для современной пенсии по старости.

Г. Повысить возраст выхода на социальную пенсию, которую получают граждане, не заработавшие пенсию страховую, — до 68 лет (в настоящее время 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин);

Д. Уменьшить количества пенсионеров к 2035 г. на 9% по отношению к настоящему времени. Если увеличение выплат будет пропорциональным, средняя пенсия в современных ценах вырастет с 13170 руб. до 14355 руб. Другими словами, женщине придется работать больше на восемь лет, чтобы получить прибавку в 1185 руб.!

Е. При этом отношение между средней пенсией и заработной платой (так называемый коэффициент замещения) не изменится, т.е. останется на уровне 34%, хотя, согласно Конвенции № 102 Международной организации труда, это соотношение должно быть не менее 40%.

Другими словами, речь идет не о том, чтобы за счет сокращения числа пенсионеров увеличить их пенсии, но о том, чтобы за счет повышения пенсионного возраста и уменьшения количества получателей пенсий фактически сохранить эти пенсии на прежнем полунисненском уровне. А поскольку люди с высокими доходами, как правило, в среднем дольше живут, можно утверждать, что А.Л. Кудрин предлагает очередную классовую пенсионную реформу.

Если верить упоминавшейся публикации в газете «Ведомости», Минэкономразвития предлагает пойти еще дальше и к 2035 г. уменьшить коэффициент замещения с современных 34-х до 22% [Кувшинова, Прокопенко 2017].

Другими словами, в этом случае при зарплате в 30 тысяч рублей гражданин будет получать страховую пенсию на уровне 6600 рублей! Абсолютное большинство пенсионеров окажутся за чертой бедности.

Неожиданный аргумент в пользу повышения пенсионного возраста автору довелось услышать в частной беседе от бывшего министра, а ныне помощника Президента: при современной ситуации вполне трудоспособных людей, достигших 55 или 60 лет, в том числе способных руководителей, принудительно отправляют на пенсию.

Проблема действительно существует, но лишь в тех регионах и муниципалитетах, где руководители сознательно ставят себе задачу омоложения кадров любой ценой без учета их реального профессионального уровня. Повышать же пенсионный возраст во имя борьбы с управленческой глупостью – все равно, что лечить головную боль гильотиной. Несравненно проще внести изменения в законодательство (например, в Трудовой кодекс), устанавливающие, что достижение пенсионного возраста не может служить основанием для прекращения трудового договора.

Между тем на фоне продолжающихся дискуссий повышение пенсионного возраста де-факто в России уже началось. 7 июня 2017 г. на пленарном заседании Госдумы об этом справедливо напомнил депутат О.В. Шеин.

Действительно, примерно 70 тыс. человек, достигших пенсионного возраста (т.е. женщин, родившихся в 1962 г., и мужчин, родившихся в 1957 г.) в 2017 г. страховых пенсий по старости уже не получают. Причина – переход на так называемую балльную систему.

Эта система предполагает, что для получения одного балла гражданин должен иметь примерно год трудового стажа при минимальной заработной плате. Для получения страховой пенсии в 2017 г. необходимо 11,5 баллов, в 2018 г. – 14 баллов, в 2019 г. – 16 баллов. А в итоге – не менее 30 баллов.

Таким образом, независимо от предложений А.Л. Кудрина, Минфина и Минэкономразвития, повышение пенсионного возраста угрожает примерно 30 млн российских граждан. Напомню: в стране примерно 78 млн человек трудоспособного возраста; из них 3 млн – предприниматели без образования юридического лица; однако взносы в Пенсионный фонд платят лишь около 45 млн человек. Другими словами, 30 млн в настоящее время имеют 0 баллов. А это означает, что если даже предложения А.Л. Кудрина и его сторонников не будут приняты, эти граждане смогут получить пенсию только на пять лет позже, и не трудовую, но лишь социальную, средний размер которой в настоящее время примерно на пять тысяч рублей меньше. Среди таких граждан:

- сельскохозяйственные рабочие;
- часть торговых работников;
- часть строителей;
- часть водителей и моряков;
- дистанционные работники иностранных компаний.

И если две последние категории имеют шанс скопить деньги на старость, то у остальных таких шансов практически нет. По данным О.В. Шеина, уже в 2020 г. каждый седьмой гражданин страны, достигший пенсионного возраста, пенсии вовремя не получит. Потенциально это огромный пласт новых бедных – чтобы не сказать нищих!

Работа над статьей была завершена, когда Премьер-министр России Д.А. Медведев дал поручения по итогам отчета Правительства РФ Государственной Думе 19 апреля [Резолюция]. Одно из них звучит так: «Минтруду России (М.А. Топилину), Минфину России (А.Г. Силуанову), Минэкономразвития России (М.С. Орешкину) совместно с Пенсионным фондом Российской Федерации дополнительно проработать вопрос по возврату к индексации пенсий работающим пенсионерам, включая финансово-экономическое обоснование данной меры, исходя из комплексного анализа ситуации с пенсионными выплатами и с Пенсионным фондом Российской Федерации в целом. О результатах доложить в Правительство Российской Федерации. Срок – до 24 мая 2017 года» [Правительство РФ].

Каким будет результат, говорить пока рано. Однако промежуточный успех очевиден: несколько миллионов работающих граждан старшего поколения получили шанс на возобновление индексации пенсий.

7 июня 2017 г. во время «правительственного часа» в Госдуме министр экономического развития РФ М.С. Орешкин в ответ на вопрос автора этих строк об отношении министерства к вопросу о возобновлении индексации пенсии работающим пенсионерам и инвалидам с невысоким уровнем заработной платы заявил следующее: «Важно идти по пути повышения МРОТ. Повышение МРОТ будет приводить к тому, что те, кто одновременно получают пенсию и работают в российской экономике, получали бы достойный уровень заработной платы. Таким образом, через этот канал уровень жизни людей будет подниматься» [ГД 07.06.2017]. Другими словами, министр фактически высказался против.

Между тем совершенно очевидно: повышение минимального размера оплаты труда с современных 7800 руб. до прожиточного минимума работающего человека (10701 руб. в I квартал 2017 г.) ситуацию принципиально не изменит. Если разрыв в уровне пенсий работающих пенсионеров с низкой зарплатой и неработающих пенсионеров будет увеличиваться, это в любом случае дестимулирует граждан к официальному оформлению трудовых отношений, а, следовательно, приводит к потерям для Пенсионного фонда.

Возможно, с учетом этого факта, а также под давлением со стороны социального блока в российском правительстве и социально ориентированных депутатов Госдумы министр финансов А.Г. Силуанов почти одновременно с министром экономического развития высказался иначе: заявил о возможности возобновления индексации пенсии работающим с 2020 г. Цитирую:

«Мы считаем, что необходимо поддержать в первую очередь пенсионеров, которые имеют небольшие доходы, только от пенсии. Работающие пенсионеры получают еще и доходы от трудовой деятельности. Думаю, что этот вопрос (индексации пенсий) требует дополнительного

обсуждения. Мы могли бы к нему вернуться при подготовке бюджета на 2020 год и посмотреть наши возможности» [Силуанов 2017].

По вопросу о возобновлении индексации пенсии работающих автором направлен официальный запрос Председателю Правительства РФ Д.А. Медведеву, однако на момент подготовки материала к публикации ответ не получен.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГД 24.02.2016 – Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы ФС РФ от 24 февраля 2016 г.

ГД 20.04.2017 – Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы ФС РФ от 20 апреля 2017 г., вопрос № 8 повестки дня.

ГД 07.06.2017 – Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

Известия – Известия. – URL: <http://izvestia.ru/news/660330#ixzz4X2TeX4fZ>

Кувшинова, Прокопенко (2017) – *Кувшинова О., Прокопенко А.* Пенсии кризиса не преодолению // Ведомости. 2017. 31 мая. № 4332.

Кудрин 2017 – *Кудрин А.* Устойчивый экономический рост: модель для России // VIII Гайдаровский форум «Россия и мир: выбор приоритетов». Москва. 13 января 2017 г. – URL: <https://akudrin.ru/news/ustoychivyy-ekonomicheskiy-rost-model-dlya-rossii-vystuplenie-na-gaydarovskom-forume-13-01-2016>

Медведев 2017 – *Медведев Д.А.* Стенограмма выступления в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства Российской Федерации за 2016 год. 9 апреля 2017 г. – URL: <http://government.ru/news/27338/>

Правительство РФ – Официальный сайт Правительства РФ. – URL: <http://government.ru/orders/selection/401/27479/>

Резолюция 27.04.2017 – Резолюция от 27 апреля 2017 года № ДМ-П13-2692.

Силуанов 2017 – *Силуанов А.Г.* Выступление в Госдуме при обсуждении поправок в бюджет 2017 г. 9 июня 2017 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/06/09/693821-siluanov>

Фонд социального страхования – Статистические данные Фонда социального страхования Российской Федерации. – URL: <http://fss.ru/ru/statistics/47775.shtml>

Шеин 2017 – *Шеин О.В.* Выступление на Заседании Государственной думы // Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы от 7 июня 2017 г.

Эскиндаров 2015 – Возраст несогласия. «Деловой завтрак» с Михаилом Эскиндаровым // Российская газета. 2015. 20 октября. № 6808 (237).

SOCIO-ECONOMICS: LABOR – BUDGET – PENSIONS

O.N. SMOLIN

Summary

The article is devoted to the problems of pension provision for Russian citizens, operation of the pension system and corresponding legislation.

The key aspect of the author's approach and the main thesis of the article is that the low pension income and the artificial reduction of the number of pension recipients are harmful not only from a social and humanitarian, but also from an economic point of view.

Using the case of State Duma's consideration of the law on the renewal of full-scale indexation of pensions, the author argues in favor of such a renewal.

1. The policy of "under-indexation" of pensions leads to a further decline in the standard of living of one of the most vulnerable groups of the Russian population.

2. This policy artificially defers the economic development of the country, so far as the effective demand for domestic commodities decreases.

The article analyzes one of the key proposals of the so-called A.L. Kudrin plan (who is a former Russian Minister of Finance and incumbent Deputy Chairman of the Economic Council under the President of the Russian Federation) on the need of increase in the retirement age. The main objections against this proposal are as follows.

1. The growth of unemployment and of spending on unemployment allowances.

2. The rise of morbidity and of spending on health insurance.

3. The decrease in life expectancy.

4. The deterioration of conditions and quality of education for children of preschool and primary school age.

The author comes to the conclusion that increase in the retirement age in Russia has already begun and will create a group of new poor people, who are deprived of income in the form of both pensions and wages. In 2017, their number can reach 70 thousand people, and since 2020 one in seven of those who have the right to retire at a modern retirement age will be in such a condition.

The idea of A.L. Kudrin seems to be especially outdated in the light of the expected widespread unemployment around the world as an outcome of the digital revolution and the progress of automation, when in the most developed countries the issue of universal basic income is discussed.

In the author's opinion, the decent pension income of the older generation is an investment in human potential, which in this case is able to turn into human capital and have a significant impact on the modernization of the economy and social sector.

Keywords: pension system, indexation of pensions, increase in the retirement age, lump-sum payment, living wage, working-age population, manufacturing automation, technological unemployment, demographic burden, human capital.

Smolin, Oleg – Deputy of the State Duma, First Deputy Head of the State Duma Committee for Education, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, D.Sc. in Philosophy, Professor.

<http://www.smolin.ru/>

smolin@duma.gov.ru

smolin@omgpu.ru

Citation: SMOLIN O.N. (2017) Socio-Economics: Labor – Budget – Pensions. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 7-22.



МОДУСЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ



Социум:
Традиции. Интенции. Тенденции



ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПРЕДЧУВСТВИЙ*

А.Н. ДАНИЛОВ

Аннотация

В статье раскрываются системные изменения мирового порядка, произошедшие в XX в. характеризуется современное геополитическое противостояние, новые глобальные вызовы, несущие стратегическую нестабильность и непредсказуемость мира, создающие пугающий образ глобального хаоса. Распад Советского государства привел к ухудшению политической ситуации в мире. Оставшаяся единственной сверхдержавой США считает, что она должна властвовать над всем миром. Хотя за прошедшие четверть века мир заметно изменился, на политическую арену вышли новые силы, оспаривающие гегемонию Запада: Китай и силы, противостоящие его давлению (Россия и ее союзники). Россия уже выходит из затянувшегося, во многом трагического, но неизбежного в данном случае периода адаптации к новым условиям существования, – обновленной, экономически окрепшей и политически сплоченной... уверенно обретает статус былого величия. Заявляют о себе и новые независимые государства, где интенсивно идет процесс формирования национальной идентичности и укрепляется суверенитет. Теперь Запад вступил в полосу политической турбулентности. Насколько устойчивой может получиться конструкция нового мира и может ли она прибавить благополучия и счастья на Земле покажет время великих предчувствий, в которое мы вступаем...

Ключевые слова: новый мировой порядок, системная трансформация, геополитическое противостояние, глобальный хаос, бесполосный мир, интеграция, Россия, США.

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, профессор, доктор социологических наук.

a.danilov@tut.by

Цитирование: ДАНИЛОВ А.Н. (2017) Время великих предчувствий // Философские науки. 2017. № 6. С. 23–31.

* Статья подготовлена на основе пленарного доклада на XVII Международных Лихачевских чтениях «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего». Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 г.

За XX век мир прошел заметную трансформацию: от противоборства двух непримиримых систем, однополюсной гегемонии, породившей глобальный хаос, и наконец, вступил на зыбкий путь строительства нового мирового порядка. Бесплюсный мир, феномен, известный своей неопределенностью, исторически и геополитически чрезвычайно опасный, когда ни на минуту не утихает борьба всех против всех, возникают и исчезают всевозможные союзы, блоки, интеграционные образования, когда исключительно сиюминутная выгода и жесткий прагматизм становятся главным мотивом любых преобразований. Этот период опасен еще и непредсказуемостью последствий. Во что он выльется, и какой образец миропорядка победит, вряд ли кто решится спрогнозировать. Это — период смены основополагающих принципов жизнедеятельности людей на Земле, их ценностей, уклада жизни целых народов, когда борьба сил, формирующих новый порядок, принимает острые формы, чреватые трагическими последствиями для человеческой цивилизации. Чаще такая ситуация складывается после мировых войн, глобальных потрясений, кризисов, когда измученные и истощенные народы жаждут спасения и мира любой ценой.

Начало XXI в. оказалось катастрофически нестабильным, жестоким и совершенно не предсказуемым. Мира нет, и даже не просматривается в будущем. Иногда кажется, что нет силы на Земле, чтобы образовать Homo Sapiens, прояснить его разум и заставить задуматься хотя бы о худом мире. Почему Добро, которое всегда побеждает, просто на глазах сдает свои позиции Злу? Есть желающие строить новый мировой порядок, но почему-то из этого словосочетания уходит понятие «порядок» и получается только глобальный хаос. И можно ли вообще что-то строить без зримых ориентиров, ублажая лишь свои всевозрастающие потребности, руководствуясь исключительно личными интересами и эгоистическими притязаниями. Насколько устойчивой может получиться подобная конструкция и может ли она прибавить благополучия и счастья на Земле? Сомнительная перспектива...

Стратегическая нестабильность XXI в. создает пугающий своей непредсказуемостью образ глобального хаоса. Чаще всего образ века складывается после его завершения, определяется ключевым событием, освещающим весь его дальнейший путь, выстраивающим в одну логическую цепочку неизбежность последующих действий, событий, формирующих некий невиданный, малоощутимый тренд человеческих судеб, поколений нового века, включенных во все в нем происходящее. Мы здесь не просто современники, свидетели, но и создатели новых утопий и антиутопий, непосредственные участники событий, которым суждено определить его облик в исторической хронике времен. Этим ключевым событием определятся и судьбы

поколений, в нем живущих... И никому не дано избежать его духовного плена.

Таким ключевым событием, окрасившим своим цветом XXI в., с моей точки зрения, стал распад Советского государства (1991), который нарушил существующее мировое равновесие и задал тренд дальнейшего противостояния. Распад Советского союза не был карой Божьей. Его породили человеческий эгоизм, авантюризм, непомерные амбиции политических лидеров. Платой за неразумение, попрание всякой морали, манию величия отдельных персонажей стало горе, страдания тысяч и тысяч ни в чем не повинных людей, опустошение целых регионов, утрата веры в будущее. Падение красного полюса развязало руки худшим политическим и геополитическим инстинктам оставшейся сверхдержавы. США до сих пор полагают, что для обеспечения своего благополучия они должны властвовать над миром или хотя бы осуществлять полный контроль над процессами, формирующими его облик. Вновь восстановить былое равновесие, как восстанавливают положение на шахматной доске, конечно же, не удастся. Трансформация в целом — это определенный выход из того сформированного политиками тупика, который возник со второй половины XX в. Начался мучительный процесс геополитической перестройки, формирование новых полюсов силы. Теперь мы точно знаем, что этот процесс завел весь мир в тупик...

Мир находится в поиске нового лица, контуры которого все яснее проступают сквозь новые военные столкновения, передел территорий, борьбу за влияние и ресурсы. Конечно, равновесие будет достигнуто и уже отчасти достигнуто через трансформационный процесс, включающий цветные революции, глобальные кризисы и катастрофы, которого жаждал западный политический мир, — теперь он преопределит и лицо самого Запада. Россия во многом уже выходит из затянувшегося, трагического, но неизбежного в данном случае периода адаптации к новым условиям существования, — обновленной, экономически окрепшей и политически сплоченной, уверенно обретает статус былого величия. Испытания оказались слишком тяжелыми и болезненными, но народы России, похоже, их преодолевают. Теперь Запад вступил в полосу политической турбулентности. Трансформация для постсоветского мира стала уже историей — сколь многое с высоты прожитых лет мы увидели другими глазами!

Генри Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» отмечает: «Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам, а вместе с тем формируется беспрецедентная взаимозависимость: распространение оружия массового уничтожения, дезинтеграция бывших государств, последствия хищнического отношения к окружающей среде, сохра-

нение, к великому сожалению, практики геноцида и стремительное внедрение новых технологий угрожают усугубить привычные конфликты, обострить их до степени, превосходящей человеческие возможности и границы разума» [Киссинджер 2016, 10–11].

Что и говорить, и сегодня есть много желающих проектировать стратегическую нестабильность, придумывать очередную догматическую утопию будущего, а может лучше – антиутопию, чтобы якобы излечить современников от иллюзий и социальной слепоты, предостеречь от возможных катастрофических последствий? Нам, пережившим основные перипетии XX в., естественно, выпала уникальная возможность передать свой исторический опыт, ценности, традиции, знания, веру новым поколениям, сформировать основные идеи начала нового века, попытаться изменить трагический ход событий. При этом задача, которая видится почти невыполнимой сегодня – не делать потомков продолжателями наших заблуждений, нашей внутренней несвободы, трагической слепоты, нетерпения, зачастую нашей исторической безответственности.

Сегодня в мировом общественном мнении существует хорошо обозначившая себя ностальгия по прошедшей эпохе биполярного мира, в котором две сверхдержавы – СССР и США – соперничая друг с другом за влияние по итогам Второй мировой войны, разделили мир на своих сторонников и противников. Каждая из противодействующих сторон стремилась ограничить влияние другой. Однако с учетом того, что обе стороны владели смертоносным оружием, которое могло бы положить конец жизни на Земле, военное столкновение между ними в последнее десятилетие XX в. было немыслимым. Это делало миропорядок устойчивым, исключающим возможность военных катаклизмов мирового масштаба.

Стремление создать однополюсный мир после развала СССР Соединенным Штатам не осуществилось. Однако эта страна и сейчас намерена сохранить миропорядок, максимально отвечающий ее интересам, сложившийся после Второй мировой войны и закрепившийся после распада СССР. США вместе с группой ведущих западных стран и сегодня рассматривает весь мир как сферу приложения своих интересов, говоря о новом мировом порядке в контексте своего доминирования. Однако за прошедшие четверть века мир заметно изменился, на политическую арену вышли новые силы, оспаривающие гегемонию Запада: Китай и силы, противостоящие его давлению (Россия и ее союзники). Это усложнение на мировой шахматной доске, к сожалению, чревато новыми конфликтами и новыми геополитическими столкновениями. Мир пока не стал ни более безопасным, ни более благополучным. Человечество ищет пути своего развития, самореализации в условиях непрерывной борьбы. В этих целях создаются региональные и глобальные союзы, коалиции, военные структуры.

Заявляют о себе и новые независимые государства, где интенсивно идет процесс формирования национальной идентичности и укрепляется суверенитет. На международной арене они все громче настаивают на своем праве занять законное место в новом миропорядке и внести в этот миропорядок свое понимание жизни, свой исторический и социальный опыт. В настоящее время мы как раз приближаемся к точке бифуркации, когда возникает потребность начать разговор о новом миропорядке, который бы создал основы мирного развития хотя бы на ближайшее время. Республика Беларусь принадлежит к числу этих государств. Со времени обретения независимости она ставит своей задачей привнести в мировое сообщество свой вклад, выступая за взаимовыгодное экономическое сотрудничество народов и государств, за сохранение суверенитета, развитие миропорядка под эгидой Организации Объединенных Наций. Исход глобальной нестабильности еще не предрешен. Очевидно лишь, что мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной.

«Общество спектакля», по меткому выражению Сергея Кара-Мурзы, — созданное телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы» резко усилили давление на человека. Пропаганда формирует брезгливо-опасливое отношение к жертвенному, альтруистическому и аскетическому сознанию, старательно вытраивает национальное сознание, призывает к десакрализации таких понятий, как «Родина», «Отечество», «родная земля», «родная природа». Мир переводится из настоящего, с реальными проблемами, чувствами, ценностями в некий виртуальный. Социальные институты и государственные структуры в нем — глобальная сеть, а главное действующее лицо — управляемый пользователь. Он включен в потребление программного продукта, и, как наркоман, навсегда становится зависимым и уже не может выйти без посторонней помощи из этого искусственно созданного состояния.

Управляемый и безвольный человек — характерное состояние для современного глобального хаоса. И человек ли это вообще? Здесь нет эмоций, сопереживания, парализована его воля, вера, нравственность, мораль, милосердие. Такой серый тип, внешне похожий на человека, полностью погружен в мир игры. Ему кажется, что у него есть много жизней, и незачем ими дорожить. Культурная среда, в которой формируются новые поколения граждан, наполняется некими артефактами, которые далеки от реальных смыслов человеческого сосуществования, они искажают, фальсифицируют и виртуализируют историческую правду. В ней все искажено до неузнаваемости, и традиции, ценности, смыслы. Здесь человеческие отношения строятся на выгоде, семья на расчете, подвергаются очернению герои и высмеиваются высоконравственные поступки. Поэтому, и в своей славянской семье, разобраться не можем. Интеграция — это когда

всем сторонам выгодно?! А если не выгодно, то значит и не родные, не братские народы, получается? Так можно далеко уйти и, кстати, уходим. Получается некая имитация интеграции, видимость родства... Кто же так умело нас разводит?

И вообще, можно ли строить будущее — светлым, добрым — без реальных ориентиров, представлений о счастье, добре, нравственности в условиях хаоса? Почему Россия, несмотря на зримые успехи, пока так и не стала образцом для подражания постсоветской молодежи? Почему большинство из нового поколения склонны видеть свое будущее на Западе и принимать их образ жизни, ее организацию и смыслы за образец для подражания? И это при тех проблемах, которые Запад сегодня преодолевают. Глобализация растоптала тайну человеческой души, породила новую волну национализма и этнического неравенства. В защите нуждаются наши представления о совести, чести, достоинстве, нравственности. Без таинства внутреннего мира человека наступает эра невежества, ханжества и насилия. Мир технологий манипулирует самым святым, что есть в человеке — его совестью. Почему же мы так пассивны в своей правоте?

Мы все же строим общество по чужим лекалам, с «грамотным потребителем» в основе нового мироздания. Насколько устойчива такая опора? Ведь эти первичные ступеньки человека-разумного в потребительском обществе становятся не опорами личной свободы, счастья и благоденствия, а наоборот — источником формирования эгоизма, агрессии, человеческой нетерпимости друг к другу. Объяснение — в области современной морали, где отклонения от принятых правил человеческой жизнедеятельности и поведения признаются нормой и законодательно закрепляются как должная защита права меньшинства, а в искусстве и культуре сплошь наблюдается отход от прекрасного и высоконравственного. Семья, извечно построенная на любви мужчины и женщины, подается как отживший анахронизм, человеческая жертвенность, подвижничество, геройские проявления осмеиваются и подвергаются остракизму, где так называемая свобода нравов — превыше всего... Эта реальность современной жизни ведет мир к хаосу, народы и люди теряют способность договариваться, теряют потребность к диалогу. Появляется реальная возможность небольшой группе людей диктовать и безраздельно править миром. Теории, ранее воспринимавшиеся как самые фантастические утопии, могут превратиться в реальность.

На чем же сегодня держится мир, чтобы не сгинуть на веки вечные? Я все же убежден — на подвижничестве человека-нравственного, с его верой в добро и справедливость, его жертвенном служении истинным ценностям, которые формируются в семье и передаются из поколения в поколение. Культурная среда укореняет в человеке многообразие

смыслов понимания жизни и постижения его созидательной роли на Земле...

Великий русский композитор Георгий Свиридов писал: «Искусство нашего века несет большую ответственность за то, что оно настоятельно и талантливо проповедовало бездуховность, гедонизм, нравственный комфорт, кастовую, интеллигентскую избранность, интеллектуальное наслажденчество и еще того хуже: упоенно воспевало и поэтизировало всякого рода зло, служа ему и получая от этого удовлетворение своему ненасытному честолюбию... Дело добра могло бы казаться совершенно безнадежным, ибо души, подвергшиеся столь сильной обработке и омерщвлению, воскресить, пожалуй, уже невозможно. Но мудрость жизни заключена в ней же самой: новые поколения приходят в мир вполне чистыми, значит, дело в том, чтобы их воспитать в служении высокому добру... Размежевание идет по самой главной, основной линии человеческого бытия — по линии духовно-нравственной. Здесь — начало всего — смысла жизни! Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть — вот что Россия принесла в мировое сознание. А ныне — есть опасность лишиться этой высокой нравственной категории» [Свиридов 2017, 795].

Все же нельзя не согласиться с сутью, заложенной в известном афоризме — «кто контролирует прошлое, тот программирует будущее». В мире правит прагматизм... и всполохи пламени костров современной инквизиции, как в период Средневековья, все больше и больше обжигают гуманитарное и социальное знание, сокращая их преподавание, финансирование исследовательских проектов, умалчивая о возможностях и не замечая явных достижений, подвергая публичной обструкции ученых-гуманитариев. Иногда даже трудно понять и объяснить тот феномен, когда в настоящее время, принимая западные образцы за идеал для подражания, наши чиновники с завидным упорством разрушают существующую систему образования, легко соглашаются на резкое сокращение базовых гуманитарных дисциплин.

Нельзя забывать, что именно развитие культуры, искусства, литературы, гуманитарного знания, науки в целом всегда было эффективным инструментом развития человека, через расширение горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащение духовного мира человека. И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений. Гуманитарная наука (философия, социология, филология, история, литература и др.) — как раз и есть то необходимейшее условие жизни и развития человека.

Общественным запросом для современной гуманитарной науки становятся ее возможности увидеть будущее, построить общество

людей счастливых. Нельзя ничего получить в готовом виде извне, все должно вырасти внутри национального социума. Современная наука стоит на плечах гигантов прошлого. Но, справедливо признавая этот факт, современная наука утратила бы свое значение, если бы, опираясь только на наследие прошлого, не связывала свою теорию, свой исследовательский потенциал с учетом новых научно-технических, экономических и социальных реалий, сложившихся на рубеже XX–XXI вв.

Но готовы ли мы построить глобальный мир таким, чтобы он сделал всех людей счастливыми? Пожалуй, еще нет, а ведь время и ресурсы уже на исходе. Мешает человеческий фактор, амбиции вождей, превращающиеся в амбиции стран, разделяющих всех нас на имущих и неимущих, белых и черных, счастливых и несчастных. Но сколько это еще может продолжаться? Пока сбываются предсказания гениального русского композитора и мыслителя Георгия Васильевича Свиридова: «Будущее – пехтерь с сеном, привязанный перед мордой запряженной лошади. Она бежит, бежит, бедная, надрывается из последних сил, ей не пожрать (вкусить) своего корма: пехтерь с сеном бежит перед нею и она *никогда* его не достанет» [Свиридов 2017, 516].

Как уже отмечалось выше, ключевым событием, определившим XXI в., стал распад СССР. В этой связи хотелось бы привести слова известного историка и политического аналитика В.М. Фалина: «В 1990 году подводилась черта под войной холодной. В ней были свои торжествующие и побежденные. Первым номером среди последних шел СССР, руководство которого предало забвению истину: мудрость есть распознавание пределов возможного, высшая мудрость – это распознавание пределов собственных возможностей. Будут ли свежие победители мудрее? Время покажет. Пока особых причин для оптимизма не приметно. Апеллировать к морали по современным понятиям смешно. За нее сегодня ломаного гроша в базарный день не допросишься. И остается взывать к прагматизму, позаимствовав у Вольтера его сарказм: низвергая памятники, пощадите пьедесталы – они еще могут сгодиться» [Фалин 2016, 573].

Мир замер в ожидании нового прочтения своей истории, утверждения нового мирового порядка. В большой шахматной игре наступает время великих предчувствий...

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Киссинджер 2016 – *Киссинджер Г.* Мировой порядок. – М.: АСТ, 2016.
Свиридов 2017 – *Свиридов Г.В.* Музыка как судьба. 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2017.
Фалин 2016 – *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. – М.: Центрполиграф, 2016.

A.N. DANILOV

Summary

The article describes the systemic changes of the world order that occurred in the 20th century, characterizes the modern geopolitical confrontation, the new global challenges, supporting strategic instability and unpredictability of the world, creating a frightening image of global chaos. The Collapse of the Soviet State has led to the deterioration of the political situation in the world. Remaining the only superpower, the United States believes that it should dominate the world. Although over the past quarter of century the world has changed, a new force challenging the hegemony of the West came in the political arena: China and the forces opposed to its pressure (Russia and its allies). Russia is emerging from a long, largely tragic, but inevitable in this case, the period of adaptation to new conditions of existence, – updated, economically stronger, and politically cohesive... confidently takes on the status of its former greatness. New independent states, where the process of formation of national identity is intensively going on and sovereignty is being strengthened make themselves known. Now the West has entered a period of political turbulence. How sustainable may be the design of the new world and whether it can add prosperity and happiness on Earth will show a time of great presentiments, which we are entering.

Keywords: new world order, system transformation, geopolitical confrontation, global chaos, apolar world, integration, Russia, USA.

Danilov, Alexandr – D.Sc. in Social Sciences, Corresponding Member of the Belarus National Academy of Sciences, Head of the Department of Sociology at the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University, Professor.

a.danilov@tut.by

Citation: DANILOV A.N. (2017) The Time of Great Presentiments. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 23-31.

REFERENCES

- Kissinger H. (2016) *World Order*. AST, Moscow (in Russian).
Sviridov G.V. (2017) *Music as Destiny*. Molodaya Gvardiya [Young Guard], Moscow (in Russian).
Falin V.M. (2016) *The Second Front. Anti-Hitler Coalition: conflict of interest*. Centrpoligraph, Moscow (in Russian).

**Постсовременность: поиски
новых путей взаимодействия**

**ФОРМИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА
«НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»
КАК НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследование наиболее актуальных для каждого исторического периода России тем, таких как «российское государство и глобализация», «цикличность в развитии российского государства», «пространство как культурно-исторический фактор в развитии российского государства», «человек и российское государство», «целостность, жизнеспособность и суверенитет российского государства в эпоху постсовременности», начиная с 2000 г. по сей день, стало уже традицией для сектора философских проблем политики Института философии РАН.

В настоящее время к числу исследовательских предпочтений сотрудников Сектора относится проблема дальнейшего развития Российского государства в динамично меняющемся глобальном политическом пространстве.

Предыстория совместной научной работы авторов над темой государства началась еще в 2003 г., когда был выпущен труд под названием «Государство в современном мире». В тот период жизни страны тема российского государства находилась в полном забвении в среде ученой общественности, несмотря на центральное значение этого института в политическом бытии и философии российской действительности.

В дальнейшем научный проект «Эволюция идей российской государственности в условиях меняющегося мира» стал главным в работе Сектора, который возглавил В.Н. Шевченко. За последние полтора десятилетия коллективом были разработаны такие важные проблемы, как судьба государства в эпоху глобализации, жизнеспособность российского государства, проведен анализ современной бюрократии, раскрыта связь существенных черт бюрократии с типом государства, в рамках которого она складывается и функционирует. Были изучены антропологические аспекты баланса между человеком и государством и, в частности, обосновано такое специфическое социальное явление, как «русское чудо», удивительная способность страны к возрождению после поражений и катастроф.

В пределах фундаментальной проблематики развития российской государственности основные усилия были сконцентрированы на анализе трансформации представлений о государстве западной и российской мысли в сравнительно-историческом ракурсе. Явные и

скрытые глобальные угрозы для национальной безопасности России предопределили необходимость изучения факторов сохранения целостности российского государства, возможностей выхода из порочного круга циклического развития страны, смены чередования периодов распада и нового синтеза.

Во внутреннем плане, как известно, у нас существовал и до сих пор существует широкий спектр разнообразных, нередко полярных, точек зрения по поводу дальнейших путей реформирования государственного устройства нашей страны. Успешное продвижение по пути модернизации в сложных обстоятельствах глобальной перестройки мировой системы требует, однако, консолидации российского общества, достижения общенационального согласия. Поэтому особенно актуальными стали исследования влияния внешних и внутренних детерминант и их взаимодействия на выбор российской властью вектора стратегического развития государства. С неизбежностью возникла необходимость пристального внимания к анализу нового понимания идеологии как комплексного, многопланового феномена, организующего социальную жизнь. Логическим завершением поиска прогрессивных возможностей в освоении новых путей эволюции государственности стало обращение авторского коллектива к теме: «Стратегия и развитие современных государств-цивилизаций в условиях нового этапа глобализации». Поскольку позиционирование России в качестве самостоятельного центра влияния, концептуально оформленного в виде государства-цивилизации, в меняющейся структуре глобального мира является наиболее перспективным, то изучение этой проблематики показало себя как крайне важное. При этом аналитически на первый план вышел вопрос о соотношения Традиции и Современности (Modernity), или «Новой Современности», если следовать терминологии западной науки. Взаимодействие этих центральных понятий в рамках изменившейся мировой ситуации, очевидно, требует глубокого и всестороннего анализа.

Статьи, представленные В.И. Спиридоновой и Р.И. Соколовой в данном номере «Философских наук», являются результатом начальной стадии изучения этого широкого, но малоизученного аспекта политической философии.

В целом, в результате совместной работы в секторе над обозначенными темами были опубликованы следующие работы:

- Этатистские модели модернизации / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2002;
- Соколова Р.И., Спиридонова В.И. Государство в современном мире. — М.: ИФРАН, 2003;
- Судьба государства в эпоху глобализации / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2005;

- Жизнеспособность российского государства как философско-политическая проблема / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2006;
- Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2008;
- Антропологическое измерение российского государства / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2009;
- Современное государство, социум, человек: российская специфика / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2010;
- *Шевченко В.Н., Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Буров В.Г.* Политические стратегии российского государства как философская проблема / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2011;
- *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Российское государство: Опыт философского прочтения / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: Прогресс-Традиция, 2012;
- *Шевченко В.Н., Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Буров В.Г.* Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества» / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2013;
- Социально-исторические и идейные основы современного российского государства» / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2014;
- *Шевченко В.Н., Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Буров В.Г.* Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты / отв. ред. В.Н. Шевченко, В.И. Спиридонова. — М.: ИФРАН, 2015;
- *Шевченко В.Н., Соколова Р.И., Спиридонова В.И.* Современные проблемы российского государства. Философские очерки / отв. ред. В.Н. Шевченко. — М.: Прогресс-Традиция, 2015;
- *Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н.* Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред. В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. — М.: ИФРАН, 2016.

От редакции

«НОВАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ» И ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

В. И. СПИРИДОНОВА

Аннотация

Геополитические сдвиги в современном мире, преобразование однополярного мира приводят к противоборству двух тенденций мирового развития – глобализма и изоляционизма. В теоретическом плане трансформируются взаимоотношения между «модерном», «постмодерном» и традицией. В рамках этих изменений как на Западе, так и в России возникает понятие «новой современности». В европейской научной литературе идут горячие дискуссии о контурах нового общества, которое получает наименование «гипермодерна», «сверхмодерна», «метамодерна». Происходит переосмысление понимания «пространства», которое утрачивает прежнюю связь с нацией и государством, сохраняя за собой лишь достоинство «провозглашенной ценности». Возникает новый человеческий психотип – «индивид гипермодерна», в жизненном мире которого устойчивой становится категория «не-места», «ничейного пространства», лишённого историчности и усиливающего его отчужденность. Нового человека характеризуют гиперактивность, гиперкоммуникабельность и гиперстресс. Вовлеченность России в процессы глобализации, как и на Западе, приводит к разочарованию в идеях постмодерна, породившего гипертрофированные формы индивидуализма. Российское понимание «сверхмодерна», однако, концентрируется на поисках «новой сакральности» с опорой на традиционные российские социально-моральные ценности справедливости и равенства, на попытках сочетания просвещенческого рационального начала с традиционно-ценностным.

Ключевые слова: глобализм, традиция, «новая современность», «сверхмодерн», «гипермодерн», «метамодерн», ценности, сакральность, пространство, индивид.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

vspirid@yandex.ru

Цитирование: СПИРИДОНОВА В.И. (2017) «Новая современность» и традиционные ценности // Философские науки. 2017. № 6. С. 35–49.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования двух противоборствующих тенденций мирового развития, которые не только определяют конкретную политическую жизнь, но и составляют главную теоретическую дилемму общественной науки. В сфере «real politics» борьба разворачивается между так называемыми «глобалистами» и «изоляционистами». Что касается концептуального осмысления происходящего, то здесь бытует одновременно несколько терминов, но все они, на глубинном уровне, стремятся осознать столкновение

того, что называется «Новой современностью» и Традицией. В чем суть проблемы?

Прежде всего, следует сказать, что широко трактуемое ныне понятие «глобализация», которое на Западе непосредственно связывают с явлением «новой современности», или «гиперсовременности», возникло в 1980-х гг. как понятие строго экономическое. Экспансия транснациональных корпораций, под которой тогда и понимали глобализацию, интересовала исключительно экономистов. Они, собственно, и ввели в науку термин «глобализация». Однако после окончания холодной войны это понятие стало обрастать дополнительными смыслами, превратившись, в конечном счете, в явление всеобъемлющее и занявшее центральное место в общественных науках.

Для геополитики важной стала «теория конца территорий», которая вкупе с идеей мирового лидерства США, по признанию экспертов, была призвана решить проблему справедливого перераспределения истощающихся мировых ресурсов. Социология обратила внимание на создание единого информационного пространства и всеобщую взаимозависимость нового типа общества — « сетевого», которое в перспективе должно было привести к глобальному гражданскому обществу и «перезаключению» общественного договора с мировым правительством. В существование этносов вторглась идея мультикультурализма. Наконец, на уровне индивидуальности возник кризис идентичности, который породил множество проблем для так называемого человека 2.0.

Эти различные аспекты трансформации современного мира заставили западных исследователей заговорить о новом качестве современности, которая пройдя эпоху модерна и постмодерна, трансформируется сегодня в состояние, получившее наименование «гипермодерна», «сверхмодерна», «новой современности». Центральной проблемой спора во всех его проявлениях (геополитическом, территориальном, социальном, национальном и индивидуальном) становится проблема идентичности, а это есть именно то, на чем зиждется Традиция как культурно-исторический код нации. Именно так рождается дилемма: «Новая современность» — Традиция.

Достаточно неожиданно, на первый взгляд, но тем более показательно выглядит дискурс об идентичности в «территориальном» аспекте проблемы глобализации, создающий один из ключевых моментов «новой современности» в западной литературе. Наиболее ясно эта тема сформулирована в концепции «конца территории» известного политического философа, профессора целого ряда ведущих французских университетов и сотрудника французского Центра международных исследований Бертрана Бади [Badie 1995]. Данная теория была предложена французским аналитиком еще в середине

90-х гг. прошлого века и стала логико-теоретическим продолжением хрестоматийного «конца истории» Ф. Фукуямы.

Теория «конца территории» вовсе не оспаривает проблему значимости территориальных захватов или территориальных агрессий в реальном мировом пространстве (которые, как мы наблюдаем в последнее время, вовсе не ослабевают), а говорит об «изъятии значительной части территориальной идентичности», об «освобождении» пространства от связи с традиционным понятием нации как культурно-идеологическим феноменом. «Великий спор о территории, судя по всему, закрыт», этими сакраментальными словами начинается предисловие к большому коллективному труду «Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства», написанное Б. Бади. «Суверенитет утрачивает территориальную форму, а национальные интересы формируются заново, следуя сложной логике взаимодействия и робким попыткам совместного управления общим имуществом» [Бади 2014, 6]. Знаменательно, что территория при этом сохраняет и даже усиливает свое символическое значение как возможность заявить конкретное право на идентичность. Отсюда ужесточение реальной физической борьбы за то, чтобы отстоять отменяемые глобализацией понятия суверенитета и территориального пространства. Б. Бади признает суть возникшего противоречия: «Территория, лишившись прежнего инструментального значения, сохраняет в неприкосновенности свое достоинство *провозглашенной ценности*» [Бади 2014, 6]. Более того, отныне пространство и идентичность становятся центральными категориями, которые требуют переосмысления в новом миропорядке.

Переосмысление пространства в «новой современности»

Полноценное описание альтернативных качеств пространства, или территории, которое в связке с изменившейся антропологией творит «новую современность», представлено в работах одного из крупнейших на сегодняшний день специалистов в области пост-современности, профессора Высшей школы социальных наук во Франции Марка Оже.

В своей знаменитой книге «Ничейные пространства. Введение в антропологию сверхсовременности» [Augé 1992a] он называет новое состояние общества «надсовременностью», или «сверхсовременностью» (la surmodernité). По его мнению, главная модальность «сверхсовременности», которая радикально отличает ее от традиционных обществ, — это «перенасыщение», «переизбыток», «чрезмерность» (l'excès). Он выделяет три главных ареала новизны, три модификации такой «избыточности» — «перенасыщение времени», «перенасыщение пространства» и «перенасыщение индивидуальности» [Augé 1992b].

Прежде всего, речь идет о параметре времени, оно в сверхсовремене перегружено событиями, которые историки не успевают истолковывать, создавая тем самым историческое единство восприятия. В то же время, эти события «с избытком» комментируются изолированными социальными акторами разного рода, поддерживая мозаичность восприятия эпохи [Augé 2016]. Исчезновение «больших нарративов», исторических проектов, исчерпание идеи прогресса приводит к тому, что мы более не ищем «истоки», а только «различия». Мы утрачиваем память, а вместе с ней уходит идентичность как основа Традиции.

Во-вторых, происходит трансформация пространства, возникают «ничейные пространства», «не-места», которые, по мнению М. Оже, являются наиболее яркими выразителями новой философии. Фактически речь идет о полном размывании идентичности как фокуса Традиции в эпоху глобализации. Конкретное место – «антропологично», оно всегда связано с определенностью человеческого пребывания, с устойчивостью взаимосвязей, с памятью и реальными контактами. «Пространство, которое нельзя определить как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, есть не-место», – пишет он во введении к антропологии «сверхсовременности»; цит. по: [Скопина 2013].

В традиционном обществе «место» определялось такими классическими понятиями как «маршрут, перекресток, центр». Такое «место» было пронизано историей, насыщено человеческими отношениями и взаимодействиями. Именно «антропологическое место» соединяло прошлое и современность. Современная интерпретация пространства уходит от этой социально-центричной картины восприятия и предлагает человеку совершенно другие опыты. Аэропорты, автомагистрали, транспортные развязки, подземные переходы, гостиницы, вокзалы, супермаркеты и т.п. «не-места» – примеры территории «сверхсовременности». В них люди не взаимодействуют друг с другом, а молча и анонимно «циркулируют». Все здесь подчинено конкретным прагматическим целям. Эти «не-места» являются пространствами, в которых одиночество и людское единообразие подменяют собой идентичность и взаимоотношения.

В «сверхсовременности» количество и значимость «не-мест» возрастает по экспоненте, что связано с возрастающей мобильностью современного индивида. Давление «ничейных пространств» выражается в росте номадизма в современной культуре и связанных с ним явлений бесследного существования, незапоминания, неизбежного и быстрого забвения. Но это и есть потеря идентичности, которая формально сводится к демонстрации чисто официальных документов (паспорта, водительских прав, кредитной карточки и пр.) как единственно ощутимых признаков конкретного человека. Мир превращается в фикцию. «Фикция все более набирает силу:

она уже не только задает кавычки, а просто поглощает реальность, намереваясь преобразить ее» [Оже 2016]. «Не-места» создают новый «общественный договор» на фундаменте одиночества» [Augé 1992a], — пишет Марк Оже. Таким образом, можно говорить о новом качестве общества — обществе «сверхмодерна». «Сверхсовременность» — это сосуществование разрозненных, однообразных, совершенно равнодушных друг к другу индивидуальностей, и она питается надеждой на возвращение к подлинной идентичности.

Стандартизированная информация, рожденная в таких «не-местах», заставляет людей замыкаться в своем «кокон». И это непосредственно связано с третьей чертой «общества сверхмодерна» — с «избыточностью индивидуализации», сосредоточением на «я-субъекте». «Человек мира» полагает, что все вокруг создано только для него и это «индивидуальное» производство смыслов постоянно ускоряется и умножается. Однако то же самое явление оборачивается для него усталостью. «Именно тогда, когда, казалось бы, земное пространство в целом становится обозримым для индивида и когда укрепляются крупные межнациональные сети, именно тогда усиливается партикуляризм. Человек все более стремится остаться один, или, напротив, обрести прежнюю утраченную родину. Мессианизм одних и консерватизм других как бы говорит на одном и том же языке — языке почвы и корней» [Augé 1992b].

Несмотря на тревожные симптомы, которые порождает «новая современность», в западной философии присутствует определенного рода оптимизм, который питается надеждами на рождение из хаоса и пороков сегодняшнего дня новой, позитивной идентичности. Такая «антропологическая мутация» должна, по логике авторов, сопутствовать появлению общества нового типа. Формируется ожидание нового мифа.

В ожидании «гипермодерна»

Симптомы вероятного появления новой идентичности, или «антропологической мутации» в лице так называемого индивида гипермодерна, обсуждались представителями самых разных гуманитарных специальностей на коллоквиуме в Париже в 2003 г. [Aubert 2013b]. И хотя для западных исследователей до сих пор остается нерешенным вопрос, действительно ли существует общество гипермодерна, они определенно сходятся на том, что уже реально сложился новый «психотип человека» — индивид гипермодерна. По мнению Николь Обер, профессора социологии Высшей школы коммерции в Париже, формирование индивида гипермодерна предшествует появлению самого общества гипермодерна. Первые представители нового человеческого типа, считает она, возникли уже в 70-е гг. XX в. в Европе и Северной Америке. Зачатки же самого общества начали создаваться в

1990–2000-х гг. в экономически наиболее развитых странах западного мира [Hypermodernité 2016].

Исследователи «новой современности» далеки от того, чтобы утверждать, что рождающееся или грядущее общество гипермодерна представляет собой радикальный разрыв с принципами модерна. Напротив, они полагают, что гипермодерн наследует и продолжает главные принципы последнего — эмансипацию, приоритет разума, ориентацию в будущее, конвенциональные и контрактные практики социального бытия. Таким образом, преемственность в отношении просвещенческой парадигмы как основы западного мира заменяет собой Традицию. Можно сказать, что Традиция обрезается на уровне ценностей Просвещения, или общества модерна, с которых начинается отсчет Нового века.

Характеристики «нового человека» современности сочетают в себе парадоксальные черты, из-за чего у некоторых исследователей возникает негативное восприятие его самого и общества, которое он порождает. Странники данного подхода считают, что индивида сегодня отличает инфантилизм, отказ от «свободы-независимости», которые выражаются в призывах к усилению социальной безопасности и желании вернуть те преимущества, которые давало социальное государство. Такая позиция расценивается как утрата «революционного духа» 60-х, как стремление «построить свое маленькое счастье», которое ассоциируется, главным образом, с материальным благосостоянием, удовольствием и комфортом. Ключевое слово современности, ее «пароль» — «покупательная способность» индивида, превратившая человека в «гиперпотребителя», а мир — в место, где все — школа, религия, семья — стало предметом потребления [Липовецки 2001]. Но это означает не только утрату критического духа 60-х, но и фактически потерю интеллектуальной автономии — главного пафоса и фундамента постмодерна. Такая «игра на понижение» вызывает разочарование и ощущение отступничества от идеалов свободного индивидуализма. Отсюда и негативно-оценочное определение современного состояния западного общества как *«гиомодерна»*.

Странники позитивного восприятия антропологической и социальной эволюции, признавая «парадоксальность» как главное качество современного человека, акцентируют тот момент, что новый человек радикально отличается от прежнего «ветхого» человека традиционного общества. Традиционная личность, соответствовавшая «доиндивидуализированному» миру, предполагала приоритет ответственности перед коллективными нормами и интериоризацию этих норм. Современный человек «стирает» эту зависимость, отрекается от такой «структуризации принадлежности» и отстраняется символически и когнитивно от связи с целым. Он больше не считает нужным смотреть на себя с точки зрения общего [Aubert 2013a]. Личность «ги-

пермодерна» — это личность радикально и фундаментально индивидуалистичная. Она вписана в глобальное пространство и мыслит себя в глобальном мире. Она живет в интенсивном ритме жизни, пусть и в чрезмерном упоении потреблением, но все же под постоянным давлением и стрессом. В поисках постоянного насыщения она «сжигает» себя своей гиперактивностью. Новейшие технологии добавляют к характеристикам современного человека такие свойства как гиперкоммуникабельность и гиперстресс. Возникает настоящая мания коммуникации, желание постоянно «быть на связи» через мобильные телефоны, электронную почту, факс, скайп и т.п., «пользоваться жизнью по максимуму», «жить на скорости 200 км в час» [Aubert 2006]. Жизнь «нового человека» характеризуется интенсивностью и устремленностью, а это позволяет, полагают сторонники позитивной веры в гипермодерн, как и прежде, говорить об увеличении автономии, свободы и независимости современного индивида. Именно такой идеальный тип рассматривается как сущностный для общества гипермодерна, подчеркивает Н. Обер [Faily 2006].

Российский «сверхмодерн»

Последние два с половиной десятилетия Россия была активно вовлечена в процессы глобализации, отражением которых в интеллектуальной сфере были отчасти идеи постмодернизма, породившие на Западе гипертрофированные формы индивидуализма. Вслед за разочарованием в постмодерне в российской интеллектуальной мысли, так же, как и на Западе, стала оформляться идея «сверхсовременности». Однако то явление, которое на Западе обозначается как «гипермодерн», радикально расходится по смыслу с той категорией, которая предлагается российскими исследователями и называется «сверхмодерном» [Черняховский 2013, Кургинян 2017] (и отчасти «метамодерном», отзвуком современного западного течения в искусстве [Серова 2016]). Именно это различие позволяет лишний раз убедиться в определенном расхождении истоков и социальных перспектив двух цивилизационных матриц — европейской и российской.

Западный «гипермодерн» есть историческое и культурное продолжение постмодерна, фиксация его кризисных экстремальных проявлений в социальной среде и в антропологии, стремления преодолеть их в рамках парадигмы Просвещения. Российский «сверхмодерн» возлагает надежды прежде всего на духовный и творческий потенциал личности, взыскует «новой сакральности» с опорой на традиционные социально-моральные ценности справедливости и равенства. Объединяет оба направления одновременность проявления в современной кризисной реальности, а также то, что оба констатируют необходимость перемен.

Особенность российской ситуации заключается в том, что, в отличие от Запада, Россия, если и порывала с традицией как воплощением «сакрального», то это были периоды кратковременные — «эпохи смуты», частичной утраты святоотеческого наследия. Восстановление страны всегда было связано с возвращением к ядру культурно-исторических ценностей, разумеется, с «поправкой» на новации и технологический уклад. В отличие от европейской цивилизации, которая отказалась от универсальной истины бесповоротно и в эпоху Модерна пришла к аксиологическому релятивизму, доведенному до своего логического завершения в постмодерне, Россия, а позднее Советский Союз, как полагают некоторые авторы, сумела на определенном этапе развития соединить просвещенческое рациональное начало и традиционно-ценностное. Такой синтез позволяет современным философам определять подобные периоды как реализацию формата Сверхмодерна уже в то время, когда на Западе о нем не было и речи.

С.Ф. Черняховский считает, в частности, что проблема современной России не в том, что она «недомодернизирована», а в том, что ее уже четверть века насильственно пытаются повернуть от развития в форматах Сверхмодерна — соединения рационального и традиционно-ценностного — к Постмодерну. «Модернизация России (в конструктивном смысле слова, а не в смысле «вестернизации») имела ту уникальную особенность, — пишет он, — что при утверждении рациональности не были разрушены ценностно-сакральные ядра. Именно в этом была суть Советского проекта: равновесие сакральности и рациональности» [Черняховский 2013, 19–20].

Российская перспектива «новой современности», как и западная «гиперсовременность», отталкивается от проекта Модерн, стремясь преодолеть его по-своему, с опорой на выстраивание новой метафизики, новой духовности. Замысел нового направления российской истории предлагает, в частности, С.Э. Кургинян, обозначив его также как «Сверхмодерн» — «четвертый мировой проект по отношению к трем существующим проектам — Модерну, Постмодерну и Контрмодерну, как следующий уровень развития человечества после окончания проекта Модерн» [Кургинян 2017]. Исследования Сверхмодерна прочно связываются автором с коммунистической традицией, имеющей истоки в марксизме. Ее недостатком, считает он, была излишняя материалистичность, отсутствие или утрата национального метафизического наследия, заложенного еще русским космизмом. Создание нового проекта (Pax Russica) должно опираться на все имеющиеся в российском интеллектуальном поле концепции и идеи. Необходимо выработать свою собственную систему смыслов, которая сможет противостоять концепту «конца истории». «Теперь все должно быть “сверх” — Сверхусилие, Сверхистория, Сверхмодерн» [Волков 2016]. Ядром и движущей силой нового проекта, пишет он,

может стать «Коллективный Разум», который следует воспринимать в духе русской традиции Общего Дела [Кургинян 2017].

Подобные размышления свидетельствуют о том, что в поле общественного обсуждения набирает силу стремление к возрождению Традиции, пусть и опирающейся в некоторых случаях на недавние истоки советского проекта существования. Они стремятся преодолеть феномен расколотого сознания, который возник в результате исторической дискретности российской истории, неоднократных попыток разрыва традиции, революционной смены ценностных систем. Они предлагают возврат к «вечным ценностям», которые присутствовали в народном сознании во все эпохи. Главные среди них это – справедливость и социальное равенство, подкрепленные этическими требованиями создания «нравственного государства».

Специфика российского «метамодерна»

Глобальное измерение современного миропорядка с необходимостью порождает реактивность интеллектуальной ситуации в России на соответствующие трансформации на Западе. Специфическим центром притяжения в этом отношении стало явление, получившее в евро-американском мире наименование «метамодерна». Этот термин был предложен в 2010 г. голландскими философами Т. Вермюленом и Р. Аккером в статье «Заметки о Метамоде́рнизме», который, как они полагают, становится «доминирующей культурной логикой современности» [Вермюлен, Аккер 2014]. Авторы прокламируют восстановление «смыслов», размытых и утраченных в постмодернизме. В определенном контексте это может восприниматься как начало возврата к Традиции. Идейно новое понятие метамодернизма, поясняют авторы, ближе не к префиксу «мета-» (греч. *μετά-* – между, после, через), а к платоновскому «*metaxu*» (греч. *μεταξύ*), означающему нечто «среднее» между чувственным миром и миром идей. Современный человек, согласно этой концепции, призван, подобно маятнику, постоянно двигаться между полюсами идеализма и иронии, преодолевая наивный модернизм и циничный постмодернизм через непрерывное раскачивание между ними и взаимное дополнение.

Намечается глубокий мировоззренческий сдвиг, нацеленный на возрождение трансцендентных идеалов в эстетике и интеллектуальном пространстве Запада [Вермюлен, Аккер 2016]. Как отмечает молодой ученый из Йельского университета Б. Демпси в статье «Реконструкция: Метамоде́рнистская “трансцендентность” и возвращение мифа», получившей многочисленные отклики, такая реконструкция присутствует в метамодернистских формах искусства, которые обращаются вновь к библейским сюжетам, переосмысливая их в рамках реалий и катастроф XXI в. Эта новая, «высокопробная» трансцендентность, уже стала частью современной культуры,

формируя метамодернистский миф. Она использует, например, приемы классической иконографии для критики экологической обстановки на планете, библейские сюжеты греха и искупления и многие другие, вписанные в современный контекст и заставляющие зрителей задуматься над современностью в терминах обновленной религиозной парадигмы. Наряду с библейской тематикой возрождается терминология героического, эпического существования. Такой процесс можно охарактеризовать, считает Б. Демпси, как «хрупкий метамодернистский “теизм”» [Демпси 2017]. Этот феномен является реакцией современного человека на бессмысленность потребительского существования, отражает стремление к поиску новой глубины и новых смыслов человеческого бытия.

В России отношение к новому феномену «метамодернизма», куда он не обрел четкие очертания, колеблется от снисходительного до открыто восторженного. Эта новация обсуждается российскими авторами, имеющими разные идеологические позиции, оценивается позитивно и либералами, и умеренными, и новыми консерваторами.

Дмитрий Быков пишет: «Я, в общем, за метамодернизм, то есть за новых умных, грубо говоря» [Метамодернизм 2016]. Профессор кафедры философии РАНХиГС О.А. Митрошенков, анализируя историческое место «метамодернизма» в новой философской парадигме, расценивает его как преодоление хаоса и растущего социального риска постмодерна. Итогом, полагает он, стали напряжение и усталость от постоянных деконструкций неонклассики [Митрошенков 2017]. На этом фоне идет процесс возвращения к очевидным, традиционным ценностям, обращения к надежным и понятным нормам, к уважительному цитированию «высоких» образцов. Более того, считает он, эстетической базой для формообразования в метамодерне могут стать элементы соцреализма. «Большой стиль» вызывает сегодня интерес самых различных, в том числе рафинированных аудиторий [Митрошенков 2017]. Он полагает, что духовная культура и аксиология грядущего социума и человека будут предполагать приоритет «вечных ценностей», «светлого будущего», концепт счастья и т.п., снижающих ощущение риска повседневности.

Процесс российского обсуждения нового поворота в развитии общества интересен тем, что в нем намного сильнее и конкретнее, чем в западной научной литературе, проявляются фундаментальные коды российской Традиции, взыскующие «новой духовности» [Истомина 2017]. Недавно в Интернет-пространстве был создан сайт российского варианта проекта «Метамодерн». Его «кураторы» подчеркивают, что в нашем обществе запрос на «духовные» «метафизические» основы перемен особенно силен. Сегодня нужна положительная программа, вертикальный вектор, способные отражать «ментальную,

глубинную, нематериальную суть нации, проявленность которой в поле культуры совершенно необходима для нормального развития общества и его самоидентификации», — пишут представители молодого поколения россиян [Серова 2016]. Современный вызов не есть простое требование комфорта и «европейского выбора». Он выходит далеко за пределы стремления грубого удовлетворения желаний индивида общества «гиперпотребления». Формируется запрос на «почву под ногами, растет «жажда переживания единства с целым, обретение собственной идентичности» [Серова 2016].

Это предчувствие нового времени, новой эры авторы проекта русского метамодерна выражают пафосными словами, столь нехарактерными для довольно циничного постмодерна, и даже для современного западного общества. Необходимо привести их полностью:

«Начинается цивилизационная подвижка. Причем настолько крупная, что рядом в истории человечества ничего не стоит, кроме неолитической революции. Жизнь, которая нас окружает, — абсолютный тупик. Общество потребления не имеет права на существование. Человек в своем сегодняшнем виде не имеет права на существование... У Хлебникова есть замечательные строки:

И когда земной шар, выгорев,
Станет строже и спросит: “Кто же я?”,
Мы создадим “Слово о полку Игоре”
Или же что-нибудь на него похожее».

[Серова 2016].

Авторы «Русского метамодерна» считают, что мы стоим на пороге появления нового мифа, новой цивилизации. При этом его представители отчетливо осознают свою тесную связь с Традицией, с которой мы никогда не порывали окончательно. Если Традиция и оспаривалась, пишут они, то российские люди даже в полемике были включены в ее контекст. «Наше поколение преодолевает кризис современности с помощью новой серьезности, обращения к корням» [Метамодернизм 2016b]. Определяется вектор развития русского метамодерна, который говорит о возрождении «новой сакральности». «Русский метамодерн» видится как параллельная ветвь западного метамодернизма, у которой есть свое преломление новой эпохи через призму своей национальной стихии в духе прикосновения к своей традиции, обращаясь в частности, к идеям Достоевского, Бердяева, Толстого, Тарковского и классическим концепциям русской философской мысли. «Мы оказываемся в атмосфере тотального материализма, что для русского человека, к примеру, несвойственно. У нас даже атеизм совершенно особый, пламенный, как неистовая вера. Несвойственна нам благополучная середина, материальная

усредненность, всегда нужно, чтобы “дух накатил”» [Гагин 2016], — пишут они. И именно эту линию, опираясь на историю русской мысли от Н. Бердяева до А. Зиновьева, они предполагают развивать в своем проекте.

Российский вариант «метамодерна» выходит за рамки молодежного эстетического проекта. Он оказывается ответом на общий социальный запрос возродить эстетические критерии в искусстве, забытые в угоду политическим жестах, о котором пишут авторы старшего поколения российской интеллигенции. «Очевидно, что сегодняшнее “актуальное искусство” является продуктом политического и коммерческого заказа в не меньшей степени, чем идеологически выдержанное искусство советского времени», — замечает А.В. Щипков [Щипков 2013, VII]. Таким образом, сегодня можно говорить о начале «перезапуска кода традиции», его самовоспроизводстве, ибо ощущение давления этого кода реально проявляет себя в разных слоях современного российского общества, в разных поколениях, в разных социальных механизмах. Возрождаются надежды на то, что Россия найдет, наконец, для себя устойчивую формулу существования, которая сможет синтезировать устойчивый культурно-исторический код своего бытия и неизбежные инновационные технологические императивы «новой современности».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бади 2014 – *Бади Б.* От интернационализма к глобализации // *Дюран М., Коппин Ф., Мартен Б., Митрано П., Пласиди-Фро Д.* Атлас глобализации. Попытка осмысления современного мирового пространства. – М.: Прогресс-Традиция, 2014.

Вермюлен, Аккер 2016 – *Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден.* Заметки о «Заметках о метамодернизме». Недопонимания и уточнения. – URL: <http://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications/> (дата обращения: 12.11.2016).

Вермюлен, Аккер 2014 – *Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден.* Что такое метамодернизм? – URL: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/> (дата обращения: 11.02.2017).

Волков 2016 – *Волков П.* Конец эпохи Модерна. Сверхмодерн. – URL: <http://vybor.ua/article/Mirovovzrenie/konec-epohi-moderna-sverhmodern.html> (дата обращения: 15.11.2016).

Гагин 2016 – *Гагин В.* Постмодернизм спутал способ достижения цели с самой целью. – URL: <http://stenogramme.ru/b/the-hunt/metamodern.html> (дата обращения: 07.02.2017).

Демпси 2017 – *Демпси Б.* Реконструкция: Метамодернистская «транцендентность» и возвращение мифа. – URL: <http://metamodernizm.ru/reconstruction/> (дата обращения: 07.02.2017).

Истомина 2017 – *Истомина Т.* Метафизика метамодернизма. – URL: <http://syg.ma/@thslmp/mietafizika-mietamodiernizma> (дата обращения: 08.02.2017).

Кургинян 2017 – *Кургинян С.Э.* Четвертый мировой проект. – URL: <http://paxrussica.ru/blog/sverhmodern/8.htm> (дата обращения: 12.02.2017).

Липовецки 2001 – *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. – М.: Владимир Даль, 2001.

Метамодернизм 2016 – *Метамодернизм* // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Метамодернизм> (дата обращения: 17.11.2016).

Митрошенков 2017 – *Митрошенков О.А.* Что придет на смену пост-модернизму? – URL: <http://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (дата обращения: 17.04.2017).

Оже 2016 – *Оже М.* От города воображаемого к городу-фикции. – URL: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (дата обращения: 09.11.2016).

Серова 2016 – *Серова М.* Российское культурное сообщество: в поисках реальности, или Бог после смерти Бога. – URL: <http://metamodernizm.ru/in-search-of-reality/> (дата обращения: 17.11.2016).

Скопина 2013 – *Скопина М.В.* Феномен «места» и «не-места» в постиндустриальном городе // Вестник МГСУ. 2013. № 1. – URL: <http://vestnikmg-su.ru/files/archive/issues/2013/1/ru/7.pdf> (дата обращения: 16.11.2016).

Черняховский 2013 – *Черняховский С.Ф.* Традиция, модерн и сверхмодерн // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции / сост. А. Щипков. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013.

Щипков 2013 – *Щипков А.В.* От составителя // Перелом. Сборник статей о справедливости традиции. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2013.

Aubert 2006 – *Aubert N.* L'intensité de soi // L'individu hypermoderne / N. Aubert (dir.). – Paris: Erès, 2006.

Aubert 2013a – *Aubert N.* Un individu paradoxal // L'individu hypermoderne. – Paris: Erès, 2013.

Aubert 2013b – *Aubert N.* Introduction. Les métamorphoses de l'individu // L'individu hypermoderne. – Paris: Erès, 2013. – URL: <http://www.youscribe.com/catalogue/livres/savoirs/sciences-humaines-et-sociales/l-individu-hypermoderne-2526130> (дата обращения: 08.11.2016).

Augé 2016 – *Augé M.* – URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Marc_Augé (дата обращения: 21.10.2016).

Augé 1992a – *Augé M.* Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. – Paris: Seuil, 1992.

Augé 1992b – *Augé M.* Résumé: Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité, 1992. – URL: <http://www.articule.net/wp-content/uploads/2008/10/diapononlieux.pdf> (дата обращения: 11.11.2016).

Badie 1995 – *Badie B.* La fin des territoires. – Paris: Fayard, 1995.

Citot 2005 – *Citot V.* La modernité et son devenir contemporain. Notices bibliographiques sur quelques parutions récentes // Le Philosophoire (Paris). 2005. № 25.

Faily 2006 – *Faily D.* Interview de Nicole Aubert // *Culture Next*. 10 janvier 2006. – URL: <http://culture.nextmodernity.com/archive/2006/01/10/l-individu-hypermoderne.html> (дата обращения: 09.11.2016).

Hypermodernité 2016 – *Hypermodernité*. Le Philosophoire. – URL: <https://fr.wikipedia.org/wiki/Hypermodernité> (дата обращения: 08.11.2016).

«NEW MODERNITY»
AND THE TRADITIONAL VALUES

V.I. SPIRIDONOVA

Summary

Geopolitical shifts in the modern world, transformation of unipolar world lead to the struggle of the two tendencies of the world development – globalism and isolationism. In the theoretical plan, the relationships between “modern”, “postmodern” and tradition are transformed. A concept of «new modernity» appears in the West as well as in Russia as a part of these changes. Despite the nuances of its interpretation it is forming practically in a moment. Hot discussions about outlines of the new society take place in the European science literature. This society is called «hypermmodern», «supermodern», «metamodern». A rethinking of the understanding of «space» also takes place. It loses former connection with the nation and the state keeping only the dignity of «the declared value». A new human psychotype called «the individual of hypermodern» appears. The category of «no-place», «nobody’s space» free of historicity and amplifying the alienation becomes stable in its life. Hyperactivity, hypercommunicability and hyperstress characterize a new subject. The involvement of Russia into the processes of globalization leads to disappointment in the ideas of postmodern which generated hypertrofied forms of individualism just as in the West. Though the Russian understanding of «supermodern» is concentrating at looking for «new sacrality» with the support of traditional Russian social-moral values of justice and equality, combine in itself the rational start of Enlightenment and the traditional-value start.

Keywords: globalism, tradition, new modernity, «supermodern», «hypermmodern», «metamodern», values, sacrality, space, individual.

Spiridonova, Valeria – D.Sc. in Philosophy, Head of the Departement of the Philosophical Problems of Politics at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

vspirid@yandex.ru

Citation: SPIRIDONOVA V.I. (2017) “New Modernity” and the Traditional Values. In: *Philosophical Sciences*. 2017. № 6, pp. 35-49.

REFERENCES

Aubert N. (2006) ‘L’intensité de soi’. In: *L’individu hypermoderne*. Erès, Paris. Available at: <http://www.youscribe.com/catalogue/livres/savoirs/sciences-humaines-et-sociales/l-individu-hypermoderne-2526130> (accessed on: 08.11.2016).

Aubert N. (2013). ‘Un individu paradoxal’. In: *L’individu hypermoderne*. Erès, Paris. Available at: <http://www.youscribe.com/catalogue/livres/savoirs/sciences-humaines-et-sociales/l-individu-hypermoderne-2526130> (accessed on: 08.11.2016).

Aubert N. (2013) ‘Introduction. Les métamorphoses de l’individu’. In: *L’individu hypermoderne*. Erès, Paris. Available at: <http://www.youscribe.com/catalogue/livres/savoirs/sciences-humaines-et-sociales/l-individu-hypermoderne-2526130> (accessed on: 08.11.2016).

Agúe M. (2016) *Dalla città immaginaria alla città-finzioni*. Available at: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx24/x2402.htm> (accessed on: 09.11.2016) (Russian trans.).

Augé M. (1992) *Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Seuil, Paris.

Badie B. (1995) 'De l'internalisation à la mondialisation'. In: Dyuran M., Kopishin F., Marten B., Mitrano P., Plasidi-Fro D. *Atlas de la mondialisation. Comprendre l'espace mondial contemporain*. Moscow (Russian trans.).

Badie B. (1995) *La fin des territoires*. Fayard, Paris.

Citot V. (2005) 'La modernité et son devenir contemporain. Notices bibliographiques sur quelques parutions récentes'. In: *Le Philosophoire* (Paris). 2005. № 25.

Dempsey B. (2017) *Reconstruction: Metamodern 'Transcendence' and the Return of Myth*. Available at: URL: <http://metamodernizm.ru/reconstruction/> (accessed on: 07.02.2017). (Russian trans.).

Faily D. (2016) Interview de Nicole Aubert. In: *Culture Next*. (Paris). 10 janvier 2006. Available at: <http://culture.nextmodernity.com/archive/2006/01/10/1-individu-hypermoderne.html>.

Gagin V. (2016) *Postmodernism confused the way to achieve the goal with the goal itself*. Available at: <http://stenogramme.ru/b/the-hunt/metamodern.html> (accessed on: 07.02.2017) (in Russian).

Istomina T. (2017) *Metaphysics of metamodern*. Available at: <http://syg.ma/@thslmp/mietafizika-mietamodiernizma> (accessed on: 08.02.2017) (in Russian).

Kurginyan S.E. (2017) *The fourth world project*. Available at: <http://paxrus-sica.ru/blog/sverhmodern/8.htm>. (accessed on: 12.02.2017) (in Russian).

Lipovetsky G. (1983) *L'Ère du vide : essais sur l'individualisme contemporain* (Russian Translation: Vladimir Dal, Moscow, 2001).

Metamodern (2016). In: Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Metamodernizm> (accessed on: 17.11.2016) (in Russian).

Mitroshenkov O.A. (2017) *What will replace postmodernism?* Available at: <http://metamodernizm.ru/chto-pridet-na-smenu-postmodernizmu/> (accessed on: 17.04.2017) (in Russian).

Serova M. *The Russian cultural community: in search of the reality or God after the death of God*. Available at: <http://metamodernizm.ru/in-search-of-reality/> (accessed on: 17.11.2016) (in Russian).

Skopina M.V. (2013) 'The phenomenon of «places» and «non-places» in the post-industrial city'. In: *Bulletin of the Moscow State University of Civil Engineering*. Available at: <http://vestnikmgsu.ru/files/archive/issues/2013/1/ru/7.pdf>. (accessed on: 16.11.2016) (in Russian).

Chernyakhovskii S.F. (2013). 'Tradition, modern and supermodern'. In: M. Turenkov, S. Chernyakhovskii, E. Belzhelarsky (eds.). *Fracture. Collection of articles about justice of the Tradition*. Probel-2000, Moscow (in Russian).

Shchipkov A.V. (2013) Preface. In: M. Turenkov, S. Chernyakhovskii, E. Belzhelarsky (eds.). *The Fracture. Collection of articles about justice of the Tradition*. Probel-2000, Moscow (in Russian).

Vermeulen T., Akker R. van den. (2016) *Misunderstandings and clarifications*. Available at: <http://metamodernizm.ru/misunderstandings-and-clarifications/> (accessed on: 12.11.2016) (Russian trans.).

Vermeulen T., Akker R. van den. (2014) *Notes on metamodernism*. Available at: <https://dvoetochie.wordpress.com/2014/06/19/metamodernism/> (accessed on: 11.02.2017) (Russian trans.).

Volkov P. (2016). *The end of the Modern era. Supermodern*. Available at: <http://vybor.ua/article/Mirovozzrenie/konec-epochi-moderna-sverhmodern.html> (accessed on: 15.11.2016) (in Russian).

ВОЗМОЖЕН ЛИ ДИАЛОГ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ «НОВОЙ СОВРЕМЕННОСТИ»?

Р.И. СОКОЛОВА

Аннотация

В статье рассматриваются возможности взаимодействия России с иными культурными мирами, в частности, с немецким. На современном этапе стремление к такому взаимодействию является очень актуальной задачей, так как мир подошел к опасной черте в условиях тектонических изменений, сопровождаемых многими вызовами и угрозами. Отмечается, что, несмотря на все сложности и противоречия, у России и Германии есть не только общие цели и интересы, но и более глубокие общие основания, на которые можно опереться и двигаться дальше. Это некая духовная и культурная близость, а также проявление взаимной симпатии, несмотря на страдания памяти, связанные с войной. Стремление немецкого общества опереться на традиции, связанное с поисками идентичности в условиях глобализации, также способствует взаимопониманию России и Германии. В связи с этим, в статье показана произошедшая в немецком обществе эволюция в понимании традиции – от ее фактического отрицания в эпоху Просвещения до признания ее позитивного значения в настоящее время. Отмечается также, что современный традиционализм, разрабатываемый российскими и западными учеными, создает хорошую основу для современных коммуникативных проектов.

Ключевые слова: глобализация, кризис, неопределенность, идентичность, взаимодействие, диалог, традиция, традиционализм, мировоззрение.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

rimsok70@yandex.ru

Цитирование: СОКОЛОВА Р.И. (2017) Возможен ли диалог России и Германии в эпоху «новой современности»? // Философские науки. 2017. № 6. С. 50–63.

Притяжение-отталкивание – таков модус бытия, характеризующий отношения России и Германии на всем протяжении истории, при этом отталкивание нередко принимало форму военных столкновений. По словам известного немецкого исследователя Карла Шлегеля, «образы, созданные немцами и русскими друг о друге, располагаются между полюсами великих ожиданий и столь же великого страха, притяжения и отторжения, культурами русофильства и германофильства и образом врага, созданного пропагандой» [Шлегель 1996, 21]. Если говорить о современности, то отталкивание снова стало ведущим трендом: германо-российские отношения переживают сегодня один из самых сложных периодов за последнее десятилетие.

Однако, несмотря на все противоречия, у России и Германии есть общие цели и интересы — борьба с терроризмом, культурное, научное и деловое сотрудничество. Поэтому весьма актуальны попытки вновь обрести объединяющие ценности, найти общие точки соприкосновения. Возможно, они находятся где-то на глубине, их не видно с первого взгляда, но они — устойчивые и непоколебимые, по сравнению с меняющейся политико-экономической конъюнктурой, несомненно, существуют, как твердое дно, на которое можно уверенно опереться и двигаться дальше.

Колоссальные вызовы и проблемы нашего времени порождают в немецком обществе скепсис и тревожные настроения. А ведь 100 лет тому назад и еще раньше большинство людей смотрели в будущее с оптимизмом, ожидали перемен к лучшему и верили в прогресс. Эволюцию в изменении этого уמוнастроения лаконично и образно объяснил известный немецкий философ и социолог Э. Фромм, слова которого сохраняют свою актуальность и поныне: «Расцвет культуры средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ Града Божьего. Расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ Земного Града Прогресса. Однако в наш век этот образ превратился в образ Вавилонской башни, которая уже начинает рушиться и под руинами которой в конце концов погибнут все» [Биография. Эрих Фромм]. Другой известный ученый Германии У. Бек попытожил этот процесс, отметив, что европейцы только делают вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды. Они остались лишь в головах людей и в сочинениях историков [Бек 2007].

Действительно, развитие современного капитализма и глобализация смывают все национальные границы, смешивают отечественное и иностранное. Под влиянием глобализации немцы утратили чувство идентичности и на своем опыте испытали то, что навязывали другим (во время войны) — чуждые культурные и поведенческие стандарты. Германия сегодня в военном, экономическом и политическом отношении настолько «интегрирована» в транснациональные структуры и в таком объеме зависит от них, что на официальном уровне нет даже стремления изменить это положение. Однако в обществе назревает сильный протест против американизации, ибо глобализация для Германии, и не только для нее, выступает как синоним американизации.

Широкое внедрение в культуру чуждых элементов, ценностей, противоречащих традициям и культуре немецкого народа, ведет к тому, что немецкое общество, утрачивая национальную идентичность, становится весьма уязвимым и ускоренными темпами подвергается разложению. Коллективное бегство в развлечения, отсутствие какого бы то ни было идеала, духовных лидеров; политические партии наводняются одноликими и взаимозаменяемыми людьми, стремительный рост

радикальных настроений, вызванный наплывом беженцев — такова картина сегодняшнего дня. Неудивительно, что сложные проблемы человеческого бытия в современной социально-политической реальности Германии выходят на первый план.

Точный и адекватный диагноз этим процессам на современном этапе дал У. Бек. Германия, по его словам, переживает политический шок, вызванный глобализацией. Она попала в затруднительное положение из-за социальной политики в эпоху экономического глобализма: развитие экономики уходит из-под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса — безработица, миграция, нищета — накапливаются в системе национального социального государства. Глобализация до основания потрясает самоидентификацию Германии как национально-государственного пространства. Она означает для нее, прежде всего, денационализацию — эрозию и возможную трансформацию национального государства в государство транснациональное [Бек 2001]. Между тем, прежние точки отсчета, такие как «государство» и «нация», по словам Бека, лишаются смысла, так как в мировом обществе риска страновые проблемы нельзя решать в национальных рамках. Самое последнее воплощение глобальных рисков — террористическая угроза — не знает границ. «Мы, — сетует У. Бек, — отчаянно цепляемся за осколки прежнего порядка, за «международное право», пронизанное национально-государственными кодексами, как за источник спокойствия при столкновении с неприкрытым стремлением к доминированию со стороны единственной военной сверхдержавы — Соединенных Штатов» [Бек 2009, 35]. В обществах риска, утративших средства обеспечения безопасности, изначально созданные природой и традицией, страх порождает хрупкое чувство общности. То, что возникает на наших глазах, есть эмоциональные и иррациональные проявления чувства общности людей, объединенных страхом [Бек 2007]. В наши дни ощущение катастрофы уже распространяется в самых широких слоях немецкого населения, проникает в массовую культуру, становится преобладающим мироощущением, которое, по словам Бека, глобализируется.

Действительно, современный мир испытывает тектонические изменения, которые меняют всю политическую карту мира. Потрясение основ оказалось настолько всеобъемлющим, что были утрачены ориентиры движения и само понимание происходящего: то ли это процесс упадка, то ли это возврат к такому общественному порядку, главной целью которого является озабоченность собственной стабильностью, а может быть, это движение к какому-то иному обществу, способному к самоизменению. Некоторые эксперты характеризуют современную ситуацию на Западе даже как «перестройку», «разлом» или «новую современность» [Семененко 2014 (ред.), 218]. И пока неясно,

чем закончится эта «перестройка», ситуация действительно остается крайне сложной и неопределенной. В связи с этим в общественном сознании прочно устоялось представление о современности как о «переломной эпохе», суть которой состоит в том, что человечество оказалось на решающем перепутье и встало перед выбором: либо коллективное уничтожение, всеобщая катастрофа, либо беспрецедентный по своим размерам эволюционный скачок в сознании. Естественно, возникает вопрос: к чему может привести рост скепсиса и разочарования? И есть ли какие-то пути решения проблемы?

Внимательно всматриваясь в окружающую действительность, можно заметить, что вместе с новыми общими проблемами и опасностями появляются и новые надежды. Транснациональному, радикальному глобалистскому проекту начинают оказывать сопротивление все традиционные культуры и цивилизации. Эта борьба с негативным воздействием глобализации проходит не только по границам, разделяющим государства и регионы, но и внутри стран и народов. Все более очевидным становится столкновение двух миров, двух взглядов на человека и на будущее человеческой цивилизации. Народы и индивиды находятся в поисках смыслов для своей идентичности, идет болезненный и трудный процесс выработки новых форм мировоззрения, адекватных как вызовам современности, так и сущности человека. На этом пути идет борьба между миром и насилием, пессимизмом и оптимизмом. Вызовы и угрозы самому существованию человека и жизни на земле актуализируют иной подход — необходимость нахождения общих точек соприкосновения, лежащих, в том числе, и в сфере защиты традиции и нравственных ценностей.

В ситуации опасной развилки, на которой стоит человечество, Россия продолжает свои усилия, направленные на установление гуманного миропорядка, на сближение и сотрудничество также с западными государствами, и прежде всего с Германией. Обращаясь к истории, культуре наших народов, нельзя не заметить, что между русскими и немцами есть некая духовная и культурная близость, а также проявление взаимной симпатии, несмотря на страдания памяти, связанные с войной. При этом всегда оставалось загадкой, в чем же причина этой близости при всей несхожести многих черт характера русских и немцев. В психологии и социологии неосознанную симпатию людей друг к другу или одного народа к другому называют комплементарностью (от лат. *complementare* — взаимодополнительность). Но это отдельный вопрос, требующий специального рассмотрения, он не входит в задачу данной статьи.

Несмотря на то, что отношения с Германией во всех смыслах представляются очень важными, они остаются все еще проблематичными. В лице современной объединенной Германии Россия получила в последние годы последовательного политического оппонента. А немецкие СМИ

редко пишут о России в доброжелательном, позитивном тоне. Вместе с тем ситуация в Германии довольно неоднозначная. Внутри немецкого общества образовалась весьма сложная совокупность противоречий: там есть и сторонники глобализации, и ее противники, сторонники сближения с Россией и ее недоброжелатели.

Что касается немецкого населения, то в большинстве своем оно позитивно настроено по отношению к России. Это создает хорошую основу для взаимных конструктивных отношений: Многие немцы смотрят на Россию с надеждой, поскольку для многих стало очевидным, что Россия становится оплотом традиционных ценностей.

Вопреки устоявшимся представлениям о том, что в таком современном развитом обществе как немецкое, традиции не имеют значения, в действительности ситуация в Германии иная. Практика показывает, что рациональные механизмы регуляции являются всего лишь поверхностной надстройкой над теми традиционными паттернами, на основании которых и осуществляется социально-культурная деятельность общества. Когда же общество оказывается на «перепутье», как это происходит сегодня, и в нем появляется напряжение, оно все более обращается к своим традициям и к своим «истокам». Поэтому в идеологическом пространстве Германии наряду с идеями глобализации и склонностью немцев к постоянному улучшению и модернизации, все больше внимания уделяется сохранению привычных форм жизни, подвергающихся искажению под влиянием глобализации, наплыва беженцев и ряда экономических и политических проблем. Как никогда ранее наметилось стремление к сохранению своих традиций, которые представляют собой систему культурных «ген-кодов», действующих во всех областях жизни. Старые культурные традиции многим немцам очень дороги, они с большим уважением хранят их, ценят и следуют им неукоснительно, хотя большинство из них скорее местного, чем национального происхождения.

Немецкие социально-культурные традиции настолько интересны, что были позаимствованы народами других стран. Примером тому является традиция немцев украшать накануне Нового года хвойное дерево или вешать венки из веток хвои на входные двери. В зимнее время крупные города Германии погружаются в яркую карнавальную атмосферу с обилием всевозможных красочных костюмов. А сама традиция проведения таких карнавалов насчитывает уже много веков. Так, например, первый карнавал состоялся в Мюнхене в 1295 г., т.е. более чем 700 лет назад. В сельской местности создаются центры по восстановлению и сохранению местных традиций, высоко ценятся семейные традиции, в школах ратуют за христианское воспитание. Традиции признаются и в производственных коллективах в качестве надежного ориентира и руководящих принципов, поддерживающих и направляющих их ежедневную работу. При этом традиции и иннова-

ции не исключают друг друга [Unsere Werte]. Судя по всему, приходит понимание того, что традиции способствуют укреплению социальной сплоченности, оказываясь «последней скрепой», на которой держится коллективная идентичность. Стремление реконструировать и развивать основные идеи и традиции наблюдается также в области литературы и философии.

Новые настроения учитывают в своей риторике и политики. Недаром канцлер Германии А. Меркель призвала граждан не забывать о национальных традициях: петь рождественские песни и играть на флейте [Рождественские песни].

Таким образом, Германия в целом является страной с давними и в своей основе неискорененными традициями, видимо, потому, что механизм традиции в «цивилизованных» обществах, как полагают некоторые исследователи, действует даже сильнее, чем в «традиционных» обществах, где письменная культура не имела такого значения и осуществлялся автоматический процесс «забывания» традиции. Немцам же исторически присуще передаваемое от поколения к поколению уважение к порядку, власти, государству. Дисциплина привита им почти на генетическом уровне. Личность здесь контактирует с государством без посредников, и последнее понимается как форма организации не коллективов, а отдельных индивидов. Для немца первично само государство как единственное упорядочивающее начало, непосредственно определяющее бытие каждого [Особенности немецкого менталитета]. Все это обеспечивало, несмотря на многочисленные исторические перипетии, непрерывность развития их традиционного общежития: сохранилась своего рода пуповина, связывающая конкретное настоящее немецкого народа с его прошлым бытием. Германия не раз в своей истории переживала подъемы и спады, но в целом продолжалось ее успешное развитие.

Это обстоятельство давало Германии возможность осуществлять последующие модернизации в собственном специфическом смысле слова, т.е. проводить глубокое, качественное и многоуровневое преобразование, охватывающее одновременно все сферы общественной жизни, не разрушая при этом фундаментальных основ общества. К Германии в полной мере относятся слова ее философа Гадамера: «Даже там, где жизнь меняется стремительно и резко, как, например, в революционные эпохи, при всех видимых превращениях сохраняется больше старого, чем полагают обыкновенно, и это старое господствует, объединяясь с новым в новое единство» [Гадамер 1988, 335].

Современная консервативная реакция в Германии и внимание общества к традиции имеют часто религиозную мотивацию. Несмотря на то, что роль религии в Германии значительно снизилась, нельзя сказать, что религия совершенно не влияет на жизнь граждан. В мегаполисах и небольших городках построено много церквей и храмов,

и многие жители регулярно посещают богослужения. Религиозность как приватное признание трансцендентного сегодня приветствуется. Несмотря на «расколдовывание мира» больше половины людей в Германии считают себя верующими в рамках все тех же мировых религий. Опросы показывают, что число принципиальных атеистов не превосходит 13–15%. Но религиозность сегодня иная, чем во II, XIII или XIX вв. европейской истории. Сложные взаимоотношения светской и религиозной сфер в современном немецком обществе рассматриваются некоторыми исследователями в рамках предложенной Ю. Хабермасом философской концепции «постсекулярного общества», согласно которой в мире наступает период «нового мощного вторжения религии», «всемирного ее возрождения», получившего название десекуляризации [Хабермас 2002, 117].

Сегодня в Германии, как и в Западной Европе в целом, секуляризация соседствует с десекуляризацией. Ей свойственна актуализация признания государством важного значения современной национально-культурной и религиозной идентичности граждан. В настоящее время процесс десекуляризации мира идет не по пути деградации светскости государства или отказа от нее, а по пути усложнения процессов взаимодействия светскости государства и идентичности личности, социальных групп, общества в целом. Десекуляризации противостоит уже не столько секуляризация, сколько идеологическая глобализация, навязывающая регионам, народам, социальным группам унифицированные мировоззренческие ценности, во многом вступающие в противоречие с традициями и духовно-нравственной культурой народов страны.

Понятие традиции от частого употребления в повседневной жизни и в научных статьях, так или иначе посвященных проблемам культуры, оказывается очень размытым и многопрофильным из-за чего исчезает целостное видение влияния традиции на современный социум. Изначально этот термин был связан с «передачей» вечных и неизменных принципов, духовного наследия человечества. В последующее время под традицией стали понимать определенные элементы социального опыта (нормы поведения, жизненные установки, ценности, обряды, ритуалы), передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в течение длительного времени. Понимаемая так широко, она исследовалась в рамках этнологии, антропологии, фольклористики, а также в социологии и исторической науке, превратившись в синоним правил поведения и обычаев.

Отсутствие целостного видения влияния традиции на социум, видимо, приводит к тому, что в отношении к традиции в Германии (и не только в ней) до сих пор продолжает господствовать стереотипная установка, закрепленная в массовом идеологическом сознании еще со времен Просвещения. Согласно этой установке, традиция понимается

как сумма старых обрядов и догм, как что-то архаичное и отсталое [Tradition-УТВ]. Своего апогея критическое отношение к традиции как таковой и прежде всего к церкви как ее опорному социальному институту достигло в эпоху Просвещения. В это время собственно и формируется историческое понимание традиции как изменчивого феномена, ограниченного временными рамками. При этом отношение к традиции было разным: от требования критического переосмысления границ признания традиции до полного отрицания всякой традиционности как главного препятствия на пути личности к своей самости. Порожденное прежде всего политическими и идеологическими мотивами, такое понимание имело длительную эволюцию, приведя в конечном счете к возникновению концептуальных затруднений в связи с конструированием противопоставления традиции и ratio. По мере становления светского мировоззрения и сопряженного с ним роста авторитета индивидуального критического разума происходило углубление этого противостояния.

К началу XIX в. как в европейской культуре в целом, так и в немецкой культуре в частности сложилось амбивалентное отношение к традиции. Оно нашло отражение в оценке выдающегося немецкого историка культуры И.Г. Гердера, который считал традицию главной движущей силой истории и в то же время называл ее «духовным опиумом», усыпляющим индивидуальную инициативу и критическое мышление. Однако в ходе дальнейшего развития ментальности модерна отношение к традиции неуклонно становилось все более и более негативным, что усугублялось успехами научного познания и технико-технологическими достижениями, ориентирующимися на новацию, понимаемую как противоположность традиции.

В целом, концептуальные подходы к пониманию сущности и социальной значимости традиции группируются соответственно их общей направленности. В группе подходов, которую можно условно обозначить как охватываемую рамками модернизма и прогрессизма, формируется бинарная оппозиция «традиция – современность», при этом традиция исключается из рационального опыта. В данной парадигме традиция – это то, что в конечном счете отстает под натиском нового, это нечто обреченное и исторически относительное. Такое понимание просматривается у многих, совершенно разных авторов, в частности, у Ханны Арендт. Для них традиционность как характеристика социума полностью исчерпывает себя в эпоху модерна, поскольку логика индустриального развития требует замены традиции как социального ориентира ориентацией на общечеловеческую рациональность.

Наиболее отчетливо эта идея была сформулирована Максом Вебером, который впервые осуществил фундаментальное теоретическое противопоставление традиции, с одной стороны, и разума – с другой,

тем самым на концептуальном уровне противопоставив традиционный и рациональный способы социальной организации. В конечном счете традиция и рациональность в концепции прогрессизма образовали два полюса, между которыми существует напряженность, сохраняющаяся до настоящего времени.

Для эпохи нарождающегося постмодернизма (конец 60-х – начало 70-х гг. XX в.) весьма симптоматичной стала концепция традиции Ганса Георга Гадамера, которую он развил преимущественно в своей работе «Истина и метод» в рамках философской герменевтики. На первый план у него выходит вопрос о традиции как *традиции истолкования* (интерпретации), при этом под традицией он понимает главным образом частную социокультурную традицию, которая сохраняется при любом историческом изменении. Он высоко ценит романтизм именно за коррекцию Просвещения, за признание того, что помимо чисто разумных оснований, традиция также имеет право на существование и в значительной степени определяет наши установления и поступки [Гадамер 1988, 333–334]. Его метод интерпретации или познания традиции состоит в том, чтобы одновременно познать противоположное. В соответствии со своим методом он наносит ощутимый удар по устоявшемуся модернистскому пониманию традиции и современности как дихотомии. Гадамер показал, что человек всегда уже укоренен в какой-то традиции, и ее следует понимать не как препятствие для развития и не как бастион авторитаризма, но как глубокую современную и актуальную культурную реальность. Тем самым он солидаризировался с позицией Э. Гуссерля, который утверждал: «В бесчисленных традициях протекает наше человеческое существование. Весь совокупный культурный мир во всех его формах пришел из традиции» [Гуссерль 1996, 212].

Конфликт между традициями и современностью представляется Гадамеру фиктивным, поэтому «ни просвещенческая критика традиции, ни ее романтическая реабилитация не ухватывают ее подлинного исторического бытия» [Гадамер 1988, 334]. В то же время он проявляет открытость в отношении постмодерна, призывает смириться с «открытым обществом», поскольку оно допускает плюрализм духовных интересов и полифонию равноправных точек зрения. Гадамер убежден, что традиция по-разному проявляет себя, дробясь и умножаясь во множестве различных образов, но сущность ее при этом неизменна.

Начиная с 70-х гг. прошлого века произошла заметная переоценка старого взгляда на традицию и явно обозначился общетеоретический интерес к ней. В общественной науке начался отход от жесткого противопоставления категорий традиционного и рационального, и все чаще высказывалось мнение, что традиция и инновация, традиция и современность взаимосвязаны и взаимообусловлены. Утверждалось, что абсолютизация «современности» и третирование «традиции» во многом

ответственны за то, что сегодня мы с трудом разбираемся в палитре разнообразных «традиций» и «традиционализмов». Даже отказ принимать «установку на современность» как всеобщую и обязательную вовсе не означает проявление «просто традиционализма» [Begriffe und Theorie].

Этот факт исследователи связывают с наступлением новой фазы в геополитическом развитии мира и с повсеместной интенсификацией процессов модернизации, востребовавших средства для конструктивного освоения социокультурных традиций. В действительности все общества в той или иной степени являются «традиционными», хотя для разных типов общества характерно разное соотношение традиций и инноваций. Можно утверждать, что традиция одинаково необходима во всех устойчивых обществах — и традиционных, и современных; различными бывают лишь механизмы ее действия, а также оценки самого факта зависимости от прошлого.

Традиции — из-за проблем глобализации и особенно благодаря кризисам современной жизни — не только продолжают сохранять свое значение, но и снова появляются в центре теоретического интереса. Этот интерес к традиции в теоретическом плане неслучаен. Как полагает Кристоф Нири, проблематика традиции лежит в русле ключевых проблем теории общества. Однако теоретическая разработка традиции, понимание ее сущности и способа существования вызывает большие трудности. Они связаны не только с громадным многообразием явлений, подводимых под понятие «традиция», с ее идеологической перегруженностью, но также и со злоупотреблением этим словом, грубым его искажением, когда оно рассматривается как синоним «обычая» или «привычки» [Begriffe und Theorie]. Обыденное, а также научное употребление понятия «традиция» порой содержат коннотации неизменного прошлого, чего-то устаревшего.

Но в Германии есть и другое понимание традиции, которое рассматривает ее не как нечто устаревшее и преодоленное, а как нечто имеющее рационально действующее содержание, способное к развитию. Так, например, философ Й. Пипер, несмотря на все противоречия и критические упреки, является по существу единственным немецким философом по этой проблематике, который еще с середины XX в. всегда эксплицитно занимался проблемой традиции. По его мнению, фактически меняется не отношение к традиции, а возможность безгранично и монополюбно управлять конкретными социальными процессами, регулируя определенное содержание традиции при помощи силы и власти.

Понять традицию в ее целостности и истинной значимости невозможно без привлечения философии, которая в силу своей специфики склонна опираться на многообразие, диалог и культуру мышления, т.е. она предполагает, что ничто нельзя помыслить без того, чтобы не мыслить об ином. В философских размышлениях о традиции имеются большие возможности для ее исследования. В то же время опыт

обращения философии к проблеме традиции свидетельствует, что между философией и традицией нет непроходимой пропасти, а всякое стремление представить философию, «очищенную» от традиции, приводит к утрате ее содержания и культурно-исторических оснований, на которых строилась эта философия [Begriffe und Theorie].

Осознание данного положения привело к новому взгляду на соотношение традиции и философии, а также к созданию новой дисциплины — современного традиционализма. Его задача состоит в том, чтобы проследить переплетение различных форм ментальности, социальной, культурной и экономической деятельности во всем многообразии их взаимодействий и выступающих в своем многообразии именно как Традиция. *Современный* традиционализм не только отстаивает цивилизационное многообразие, но и является принципиально новой доктриной, нацеленной на изменение целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов. Современный традиционализм требует выработки новых ценностей и новых мировоззренческих ориентиров, которые могут быть восприняты различными культурами, сохранившимися в том числе и традиционные ментальности. Усилиями отечественных и зарубежных ученых современная теория традиционализма, в отличие от классического традиционализма начала XX в., приобрела статус очень уважаемой теории, обладающей большими объяснительными возможностями. В ее арсенале достижения философии, социологии, психологии, этнографии, языкознания, религиоведения, генетики, истории, искусствоведения.

Большой вклад в теорию современного традиционализма вносят российские философы. Так, видный отечественный философ В. Аверьянов посвятил этой теме фундаментальный труд, охватывающий как отечественные, так и западные исследования. Он наметил основное направление исследований в этой области: **«Предназначение теории традиции состоит в выведении исследователей на синтетические характеристики культуры и управления культурно-информационным процессом... Оно... должно быть не только организационным, но и сверх-организационным, ориентированным в том числе на сквозную миссию традиции, реализующую себя в разных условиях и эпохах, учитывающим необходимость самообновления из собственного пневматологического источника»** [Аверьянов 2012, 30].

Размышляя о возможностях современного традиционализма в сфере налаживания взаимопонимания между Россией и Германией, следует обратить внимание на два основных подхода, существующих в его рамках: транскультурный (универсалистский) и социокультурный. Первый из них сосредоточен на выявлении общечеловеческого в различных культурных традициях. Такой подход очень близок некоторым русским мыслителям: он выражен, в частности, в учении о консубстанциональности Н.О. Лосского (от лат. *con* — с, вместе и

substantia — нечто лежащее в основе). Его можно встретить также у других наших авторов: у писателя и философа Ю.В. Мамлеева, философский и творческий метод которого связан с открытием новых метафизических путей познания; у философов М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского, которые в своей совместной книге «Символ и сознание» писали: «Оба мы совершенно уверены, что есть (не “существует”, а “есть”!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур, времен и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена» [Мамардашвили, Пятигорский 1997, 25]. Историк русской философии А.А. Ермичев считает, что русская философия есть один из видов всемирной философии как таковой [Ермичев 2014].

В Германии ярким апологетом унисвистского, или транскультурного подхода к традиции был Г. Лейбниц, который стремился понять мир в единстве и многообразии явлений, а его метафизика как наиболее умозрительное и максимально общее учение о сущности была основной компонентой его философской системы. Близкие к ней идеи можно встретить у Шеллинга, Хайдеггера и других немецких философов.

В этом смысле можно говорить о глубинном родстве между нашими народами, заключающемся в том, что русские и немцы относятся к метафизическим народам. Их объединяет признание объективности духовного начала, его существенности для мира. В истории немцев и русских отличала от других европейских народов особая устремленность к духовности, т.е. к признанию связи с надындивидуальными смыслами и ценностями, направленность к некоей незримой субстанции, метафизическому основанию логического и онтологического в бытии культуры. И те, и другие постоянно размышляли над особым сверхиндивидуальным смыслом своего исторического бытия. Поэтому неудивительно, что русский писатель и мыслитель Ф.М. Достоевский нигде не был понят так глубоко, как в Германии, а немецкий философ Ф. Ницше нигде не имел такой популярности, как в России.

Наличие общечеловеческого компонента, понимаемого в русле метафизического замысла относительно мира и человека, содержит в себе традиционалистское послание, адресованное социуму, не ограниченному географическими, религиозными или этническими рамками, и поэтому в принципе способствует диалогу культур.

Но общечеловеческое в разных культурах имеет свои особые интерпретации и сплавлено с теми пластами смыслов, которые характеризуют историческую специфику той или иной культурной традиции. Следовательно речь идет о социокультурной традиции, которая позволяет людям идентифицировать себя как народ именно в связи с теми особенностями, которые отличают их от представителей другой социокультурной традиции. Соответственно, диалог культур предпо-

лагают, что особенности каждой культуры должны быть признаны, и к ним необходимо уважительно относиться.

Опираясь на современный традиционализм, Россия могла бы гибко взаимодействовать с иными культурными мирами, в частности, с немецким. Для русской культуры естественно стремление сочувственно и глубоко вживаться в чужие культуры, постигать их как свою собственную, открывать в них новые творческие импульсы и располагать их к взаимному дополнению своим творчеством. Эту особенность русской культуры Н.О. Лосский назвал «правилом Соловьева»: «Люби все другие народы, как свой собственный». Традиционализм создает основу для современных коммуникативных проектов, а также для международных политико-организационных усилий. Для России коммуникация — способ бытия, выражающий трепетное желание сохранения всякого бытия, даже через уступчивость и порой утрату себя, тем самым опредмечивая и распространяя свои идеалы добра, взаимопонимания и уважения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверьянов 2012 – *Аверьянов В.* Традиция и динамический консерватизм. – М.: Центральный издательский дом, 2012.

Бек 2007 – *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.

Бек 2001 – *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Бек 2008 – *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.

Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988.

Гуссерль 1996 – *Гуссерль Э.* Начала геометрии. – М.: AD Marginem, 1996.

Ермичев 2014 – *Ермичев А.А.* Имена и сюжеты русской философии. – СПб.: Наука, 2014.

Мамардашвили, Пятигорский 1997 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Семенов 2014 (ред.) – Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования / отв. ред. И.С. Семенов. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Хабермас 2002 – *Хабермас Ю.* Вера и знание // *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. – М.: Весь мир, 2002.

Шлегель 1996 – *Шлегель К.* Расколотое зеркало: Образы Германии и России в 20 веке. Москва – Берлин. 1900–1950. – Мюнхен; Нью-Йорк; М., 1996.

Биография. Эрих Фромм. – URL: <http://www.peoples.ru/science/psychology/fromm/index1.html> (Дата обращения: 15.02.2017).

Особенности немецкого менталитета. – URL: (<http://foren.germany.ru/arch/wissen/f/5043711.html>) Дата обращения 1 Feste und Bräuche in Deutschland. <http://www.derweg.org/feste/kultur/> (Дата обращения: 25.01.2017).

Рождественские песни и игра на флейте: Меркель наша способ привлечь избирателей. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=B_pSL08Z4Mc (Дата обращения: 13.12.2016).

Begriffe und Theorie der Tradition. – URL: <http://www.traditio.de/etexte/dissein.html> (Дата обращения: 28.01.2017).

Unsere Werte/Zindel Maienfeld. – URL: <http://www.zindel-maienfeld.ch/Unsere-Werte>. (14.01.2017).

Tradition-UTB Handwörterbuch Philosophie: Online-Wörterbuch. – URL: www.philosophie-wörterbuch.de > Online-Wörterbuch (Дата обращения: 21.11.2016)

**IS THE DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND GERMANY POSSIBLE
IN THE ERA OF «NEW MODERNITY»?**

R.I. SOKOLOVA

Summary

The article considers the possibility of Russia interaction with other cultural worlds, in particular, with German. At the present stage the desire for such interaction is very urgent task, because the world is in a dangerous state, in the conditions of tectonic changes, accompanied by many difficulties and threats. The author notes that despite all difficulties and contradictions, Russia and Germany have not only common purposes and interests, but also deeper general bases on which it is possible to rely and move further. It is a certain spiritual and cultural affinity, and also manifestation of mutual sympathy, despite the sufferings of memory connected with war. The desire of the German society to rely on traditions, connected with searches of identity in the context of globalization, also promotes mutual understanding of Russia and Germany. In this regard, the article shows what happened in German society evolution in understanding the tradition - from its actual negation in the age of Enlightenment to the recognition of its positive value at this time. The author also notes that the modern traditionalism, developed by the Russian and western scientists, provides a good basis for modern communicative projects.

Keywords: globalization, crisis, uncertainty, identity, interaction, dialogue, tradition, traditionalism, world view.

Sokolova, Rimma – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rimmsok70@yandex.ru

Citation: *SOKOLOVA R.I.* (2017) Is the Dialogue Between Russia and Germany Possible in the Era of “New Modernity”? In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 50-63.

REFERENCES

Averyanov V. (2012) *Tradition and the Dynamic Conservatism*. Central publishing house, Moscow (in Russian).

Beck U. (2005) *Power in the Global Age* (Russian Translation: Progress-Tradition, Moscow, 2007).

Beck U. (1999) *What Is Globalization?* (Russian Translation: Progress-Tradition, Moscow, 2001)

Beck U. (2006) *Cosmopolitan Vision* (Russian Translation: Centre for Post-industrial Studies, Moscow, 2008).

Ermichev A. (2014) *The Names and Stories of Russian Philosophy*. Science, Saint Petersburg (in Russian).

Gadamer H.-G. (1960) *Truth and Method* (Russian Translation: Progress, Moscow, 1988).

Habermas J. (2002) Faith and Knowledge. In: Habermas J. *The Future of Human Nature*. Whole world, Moscow (Russian Translation).

Husserl E. (1996) *The Beginning of Geometry* (Russian Translation: AD Marginem, Moscow, 1996).

Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M. (1997) *Symbol and consciousness*. School “Russian Culture Languages”, Moscow (in Russian).

Schlegel K. (1996) *Shattered Mirror: Images of Germany and Russia in the 20th Century*. Moscow-Berlin.1900-1950. Munich, New York, Moscow (Russian Translation).

Semenenko I.S. (ed.) (2014) *Political Changes in a Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting*. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow (in Russian).



КОГНИТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО



Социально-философские аспекты научного знания



ПРОБЛЕМА ПОИСКА НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ МОРАЛИ: НЕЙРОЭТИКА*

В.А. БАЖАНОВ, Е.Е. ШАБАЛКИНА

Аннотация

В статье рассматривается современное состояние нейроэтики, которое можно определить, используя терминологию Т. Куна, как предпарадигмальное, характеризующееся состоянием поиска систематической теории, способной определить общепринятые базисные принципы, критерии анализа и интерпретации результатов измерительных процедур. Среди ряда вопросов, которые должна осветить эта теория, выделяется проблема нейрофизиологических оснований морали. Указывается, что поиск таких оснований во многом является продолжением «спора» кантианской рационалистической традиции трактовки морали и позиции Д. Юма, определяющей эмоциональные основы нравственных поступков. В фокусе статьи находится состояние теорий второго уровня (метаэтика) в нейроэтике: идея эмоционально-интуитивных оснований моральных суждений и критика деонтологической теории Дж. Грина и «Универсальная моральная грамматика» М. Хаузера и Дж. Михаила. Особый акцент делается на осмыслении природы моральных суждений и влияния чувства отвращения на моральные решения. Делается вывод о тесном взаимовлиянии эмоционально-чувственного и рационального в моральных суждениях. Результаты нейроэтических исследований рассматриваются сквозь призму кантианских мотивов, связанных с дилеммой психологизма и антипсихологизма. Предпринимается попытка осмысления идеи априоризма в свете современных данных о нейрофизиологических основаниях морали.

Ключевые слова: нейронаука, нейроэтика, нейрофизиологические основания морали, моральные решения, чувство отвращения, И. Кант.

Бажанов Валентин Александрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета.

vbazhanov@yandex.ru

Шабалкина Елена Евгеньевна – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии Ульяновского государственного университета.

shabalkina@inbox.ru

* Работа проведена в рамках проекта РФФИ/РГНФ «Социально-культурная революция в нейронауке: предпосылки и значение для логики, эпистемологии и философии науки», грант №16-03-00117а.

Цитирование: БАЖАНОВ В.А., ШАБАЛКИНА Е.Е. (2017) Проблема поиска нейрофизиологических оснований морали: нейроэтика // Философские науки. 2017. № 6. С. 64–79.

Начало XXI в. ознаменовалось заметным прогрессом комплекса когнитивных исследований и в первую очередь нейронауки. Европейский Союз (ЕС) и страны Северной Америки (США и Канада) объявили широкомасштабные программы исследования мозга, которые поддерживаются миллиардными бюджетами. Можно уверенно утверждать развертывание революции в культурной нейронауке [Фаликман, Коул 2014]. Возникли такие области научных исследований, как нейросоциология [Бажанов 2017a], нейрополитология [Бажанов 2017b], нейроэкономика [Glimcher, Camerer, Fehr, Poldrack (eds.) 2009; Ключарев, Шмидс, Шестакова 2011], нейротеология [Шахнович 2013]. Все эти дисциплины свидетельствуют об отчетливо обозначившемся *натуралистическом повороте* в современной социально-гуманитарной мысли. На этом «фоне» была поставлена и задача поиска нейрофизиологических оснований не только сознания [Дубровский 2017], но морали и моральных решений, стали обозначаться контуры *нейроэтики*. Впрочем, впервые понятие нейроэтики было введено американским (нейро)психиатром и (нейро)психологом немецкого происхождения Эннелиз Алмой Понтиус еще в 1973 г. [Pontius 1973]. Однако реальные исследования в сфере нейроэтики стали возможными лишь сравнительно недавно – примерно с начала XXI в., когда были опубликованы первые труды Дж. Грина и его сотрудников [Greene, Sommerville, Nystrom, Darley, Cohen 2001].

Поэтому статус этих исследований в настоящее время можно, если использовать терминологию Т. Куна, вероятно, оценить как *предпарадигмальный*: имеется достаточно большое количество интересных и надежных эмпирических данных, намечены соответствующие теоретические обобщения, но целостной, систематической теории с общепринятыми базисными принципами и устоявшимися критериями анализа и интерпретации результатов измерительных процедур, которая бы цементировала научное сообщество нейроэтиков, еще не создано. Прощупываются лишь направления дальнейшего научного поиска [Зайцева, Зайцев 2017]. В стремлении найти нейрофизиологические основания морали можно увидеть редукционистские тенденции, но значительно чаще здесь говорят об *эмерджентизме*, согласно которому сложные физиологические свойства в нервной системе возникают на фундаменте ее более «простых» свойств, но первые никоим образом не сводятся ко вторым [Piccinini 2015, 5].

Значимость исследований по нейроэтике трудно переоценить, поскольку «мораль в определенном смысле по своей природе прак-

тична», а «социальная восприимчивость является фундаментальным элементом нравственности» [Mathews, Vok 2015, 1163, 1155].

Один из центральных вопросов для нейроэтики состоит в том, чтобы выяснить, «каким образом активность тех или иных разделов мозга может влиять на моральные установки и решения человека», «как особенности строения церебральных структур определяют те или иные элементы нравственности». Кроме того, весьма важны вопросы, которые относятся к разделу деонтологии и касаются поведения врача, отношений врача и пациента в процессе установки диагноза и возможного последующего лечения [Lavazza 2016, 15–16, 20]. Поэтому нейроэтика сегодня может рассматриваться с двух позиций. Во-первых, как преломление проблем нейронауки в сфере биоэтики, как своеобразная этика нейронауки. В данном случае нейроэтика может быть понята как часть биоэтики, поскольку она занимается этическими, социальными и правовыми последствиями открытий в нейронауке и их применения. Вторым же аспектом нейроэтики является исследование нейрофизиологических (нейронных) оснований морального поведения [Иллес, Бёрд 2015]. Можно утверждать, что именно в этом аспекте развития нейроэтики может найти наиболее полное отражение философская дискуссия о природе человека. Существует ли таковая как некая природная основа человеческой социальности, и если да, «добрая» эта природная сущность или «злая», эгоистичная, противостоящая общественному благу? Или человек — это «чистый лист» и его качества личности и индивидуальности, в том числе и моральные, детерминируются только социальными влияниями? В первом случае наблюдается своеобразная «натурализация» морали, «взгляд снизу», когда мораль понимается как непосредственно вырастающая из своего рода социальных инстинктов животных, «добрых» или «злых», когда мораль может интерпретироваться как форма биологической адаптации человека. Вторая крайность отказывает морали в каких-либо природных основаниях, противопоставляет моральность природному и рассматривает ее как чисто социальный феномен. Не менее важным оказывается вопрос о природе (статусе) моральных ценностей и норм. Существуют ли они или их основания объективно и что является такими основаниями, или ни о какой объективности и, соответственно, универсальности говорить не следует, нравственные оценки — это лишь субъективные предпочтения? Иными словами, проблемы нейроэтики восходят к онтологическому и антропологическому срезу философских знаний, так как проблематизируются посредством поиска онтологического статуса самой морали и установок субъекта моральных решений.

Если природу человека трактовать в кантианском смысле, то моральные суждения основываются на принудительных по своему характеру заключениях из некоторых базовых принципов; если же

природу человека трактовать в смысле Д. Юма, то моральные решения выносятся преимущественно из эмоциональных побуждений, которые могут и не иметь рациональных оснований [Mathews, Bok 2015, 1160].

Моральные суждения: разум или эмоции?

В истории развития этического знания были сформированы несколько этических традиций понимания смысла жизни и назначения человека, сущности добра и зла, содержания нравственного долга, основных ценностей и принципов нравственного поведения. К ним можно отнести (в зависимости от типа моральной мотивации) консеквенциализм (Бентам, Милль), деонтологическую этику (Кант), этику добродетелей (Аристотель). Это основополагающие моральные концепции, предлагающие нормативные модели нравственного поведения. В связи с развитием нейронауки и стремительным ростом эмпирических данных, позволяющих говорить о нейронных основаниях различных когнитивных и эмоциональных процессов, особое значение приобретают теоретические построения, которые можно обозначить как теории второго уровня (своего рода метаэтика). Они не задаются проблемой оценки нравственно «правильного» и «неправильного», они концентрируются на вопросах об онтологической (т.е. в данном случае нейрофизиологической) природе и основаниях моральных суждений, о том, являются ли они «истинными», как они обосновываются самим субъектом, как «работает» моральное познание и поведение в зависимости от активности нейроструктур. И так как решение этих проблем требует включенности в более общий теоретический контекст, т.е. в модели первого уровня, варианты этих решений могут становиться основаниями для критики деонтологической этики и консеквенциализма [Mordacci 2009, 46].

Имеющиеся экспериментальные данные заставляют усомниться в выводах деонтологической теории о рациональных основаниях моральных решений. Функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ) испытуемых в процессе решения ими моральных дилемм показывает, что при разных условиях у них активизировались различные нейронные системы головного мозга. Участники экспериментов демонстрировали эмоциональную реакцию при сканировании мозга, если их решения касались личных моральных дилемм, а выводы совпадали с «деонтологическими». В этом случае наблюдалась наибольшая активность в эмоционально-связанных областях: задней поясной извилине, медиальной префронтальной коре, миндалевидном теле и в верхней височной борозде. В то время как при «консеквенциалистском» решении моральных дилемм неличного характера сканирование показывало активность мозга в областях,

обычно занятых когнитивными проблемами — дорсолатеральной префронтальной коре и нижней теменной доле.

Отсюда можно было предположить, что все моральные суждения делятся на утилитарные и интуитивные. Первые отдают предпочтение общему благу перед личным, они основываются на управляемых когнитивных процессах, иными словами, являются подлинно рациональными. Второй вид моральных суждений основан на эмоциональных реакциях и выступает объектом рационализации лишь с целью самооправдания. Деонтология и консеквенциализм, таким образом, согласно Грину, являются, «философскими проявлениями двух диссоциирующих психологических закономерностей, двух разных способов нравственного мышления, которые были частью человеческого репертуара в течение тысячи лет» [цит. по: Mordacci 2009, 37–38]. Грин противопоставляет два способа принятия морального решения, два механизма нравственных реакций: эмоционально-интуитивный — быстрый, непосредственный и эффективный в повторяющихся ситуациях и рациональный, опосредованный, требующий времени и каких-то раздумий, что позволяет ему заключить, что социально-нравственное поведение людей — это результат «интуитивной эмоциональной реакции», которую сторонники теории нравственного долга предлагают рационализировать уже постфактум. Поэтому моральная интуиция происходит от эмоций и основных инстинктов. Она является своеобразным эволюционным механизмом, который обеспечивает необходимые для индивидуального и группового выживания быстрые реакции. Этика долга, иными словами, создает рациональное «прикрытие» выражению наших непосредственных моральных эмоций, указывающих нам на то, чего делать нельзя. Напрашивается вывод, что некоторые основные положения в большинстве версий деонтологии являются ложными: в частности, идея о том, что наши этические суждения строятся на базе рационального осознания нравственных истин. Говоря точнее, моральные суждения вытекают из наших эмоциональных реакций, которые являются результатом биологической эволюции, развития культуры, особенностей географии и истории. Следовательно, по Грину, нельзя говорить об универсальности моральных принципов, таких, как, скажем, уважение к людям. Моральные суждения могут иметь общее, но не универсальное значение, так как основные эмоциональные реакции, как правило, одинаковы во всех культурах [Greene, Paxton 2009].

Подход Грина является, по-видимому, ярким проявлением так называемой теории двойного процесса (dual-processes). Модель «двойного процесса» как подход к пониманию сознания инициировала большое количество исследований формирования моральных суждений в течение последнего десятилетия и заставила пересмотреть исторически доминирующие подходы к нравственным феноменам,

которые подчеркивали примат разума. В рамках этой модели сознание делится на две системы. Первая система (S1) – это быстрые, спонтанные реакции, часто связанные с интуицией и эмоциями, вторая же (S2) – это медленные реакции совещательного характера, которые часто ассоциируются с разумом и когнитивной активностью. Эта модель, которая считается достаточно плодотворной, между тем, поощряет исследователей характеризовать эмоции и разум как силы, действующие на моральные суждения в противоположных направлениях, и сосредоточить внимание на факторах, которые приводят к доминированию одного над другим [Hellion, Pizarro 2015, 109–110].

Альтернативой подходу Дж. Грина можно считать исследовательскую программу, развиваемую М. Хаузером и Дж. Михаилом. Эта программа получила название «Универсальной моральной грамматики (УМГ)», – название, которое невольно ассоциируется с «универсальной грамматикой» Н. Хомского. Основная гипотеза УМГ состоит в том, что опыт нравственного мышления имеет прочные когнитивные основания, но сам термин «когнитивный» Хаузер и Михаил понимают иначе, чем Грин. Если последний четко разделяет эмоциональные и рациональные аспекты и объясняет непосредственные и быстрые эмоциональные реакции как основу для опосредованных и медленных реакций, то авторы УМГ используют термин «когнитивный» для обозначения некоторой базовой структуры, которая является источником активности сразу двух систем (S1 и S2), т.е. эмоциональных и рациональных реакций. Они предполагают существование вычислительной «моральной грамматики» по аналогии с базовыми структурами, которые касаются функционирования языка, музыки, распознавания человеческих лиц или движений тела. Точно так же как способность к вербальному общению детерминирована биологически и психически, и на ее основе создаются и существуют разнообразные естественные языки, так же и принципы морали представляют собой своеобразные естественные основы многообразных исторических форм морали. Следовательно, за разнообразием нравственных устоев можно обнаружить повторяющиеся принципы (например, принцип ответственности за умышленный вред), которые далеко не всегда осознаются и артикулируются, но в любом случае служат основанием морального решения. Таким образом, УМГ предлагает взгляд на интуицию как на познавательное действие, а не просто эмоцию. Именно в этом качестве интуиция – основа нравственности, которая позволяет принимать более конкретные ситуативные решения под влиянием различных культурных факторов. Эмпирические данные показывают, что в качестве примера такого базового когнитивно-интуитивного принципа выступает принцип двойного эффекта, действие которого проявляется в моральных суждениях людей из разных культур и с различным уровнем образования, хотя

субъекты далеко не всегда осознают, что пользуются им: «Моральные суждения опосредуются бессознательными процессами, скрытой моральной грамматикой, которая оценивает причины и последствия собственных и чужих действий» [Hauser, Cushman, Young, Kang-Xing Jin, Mikhail 2007, 1, 2]. Таким образом, снимается оппозиция эмоциональности и рациональности в оценке основ нравственности. УМГ не подразумевает, что мораль может быть выражением только одного из этих двух психических процессов.

Исследования показывают, что дефицит принимаемых моральных решений часто обусловлен пониженным уровнем эмоциональности, который обычно вызывается какими-либо травмами мозга. Так, при болезни Альцгеймера мозг лишается возможности транслировать ценности и убеждения, присущие (больному) человеку в практические действия. Это, в конечном счете, ведет к потере идентичности личности. Известно, что у людей, склонных к психопатическому поведению, значительно меньший, чем у здоровых людей, размер миндалины мозга; они же отличаются пониженным уровнем эмпатии [Lavazza 2016, 22–23].

Сравнение модусов принятия решений представителей западной и восточной культур (имея в виду США, Канаду и Россию) показывает, что решения всюду принимаются на основе утилитарных соображений, но западные мужчины более утилитарны, чем российские мужчины (значимой разницы между женщинами нет), молодые более утилитарны, чем старшие, а моральные суждения детерминируются некоторыми базисными принципами, которые приняты в тех или иных социокультурных образованиях [Arutyunova, Alexandrov, Hauser 2016, 13].

Моральные решения и чувство отвращения

Убедительной иллюстрацией взаимовлияния эмоционально-чувственного и рационального в моральных суждениях могут выступать исследования, изучающие роль чувства брезгливости или отвращения в формировании моральных и политических суждений.

Брезгливость — это эмоция, которая, вероятно, поначалу эволюционно формировалась с тем, чтобы предотвратить вступление людей в контакт с опасными патогенами, но впоследствии оказалась тесно связана с нравственными, социальными и политическими суждениями. Отвращение — это сильная и легко возбуждаемая эмоция, которая обеспечивает мгновенную поведенческую мотивацию, направленную на возможность избежать непосредственного соприкосновения с объектом отвращения. Существует набор из почти универсальных возбудителей отвращения или брезгливости, вызывающих это чувство у большинства людей вне зависимости от их природных и социальных различий (отличия существуют лишь в степени выраженности

этого чувства). Это, например, продукты жизнедеятельности живых организмов или тухлое мясо. В этом смысле это одна из наименее «рационализированных» эмоций, а ее действие похоже на рефлекс. Она имеет достаточно четко выраженные нейронные и физиологические корреляты. Переживание и осознание отвращения связаны с активацией передней части «островка мозга» (*insula*) и базального ядра, находящегося в основании переднего мозга. Эта связь, однако, не постоянна, но регистрируется во всех исследованиях брезгливости, которые используют методы нейровизуализации. Брезгливость также связана с большим напряжением мышц лица, как с увеличением, так и со снижением частоты сердечных сокращений и увеличением проводимости кожи [Pizarro, Inbar, Helion 2011, 267–268]. При этом разные виды этого чувства выполняют разные аспекты функции защиты. Например, патогенное отвращение предназначено для защиты человека от болезней, сексуальное защищает индивида от действий, которые могут встать на пути его эволюционной пригодности (например, кровосмешение), а моральное отвращение выполняет функцию защиты от того, что мешало бы социальному успеху отдельного человека или группы (например, акты эгоизма). Если «природная», биологическая брезгливость в качестве своего объекта имеет фрагменты материальной реальности, то «социальная» брезгливость приобретает символический характер с точки зрения своего «возбудителя», который может оказаться слово.

Чувство брезгливости, получая языковое выражение, становится инструментом описания и оценки морального поведения. Так, люди используют для моральной квалификации поступка термины «отвратительный», «оскорбительный», «грязный»... Особенно сильно влияние этого чувства на моральные суждения проявляется в области сексуальных нравов. Так, люди с более низким «порогом» брезгливости более склонны высказывать резко отрицательные суждения по поводу гомосексуализма, но эта их эмоциональная особенность никак не сказывается в оценке других субкультурных групп, не имеющих такого рода сексуальных особенностей.

Чувство брезгливости оказывает свое воздействие и на политические позиции людей. Индивидуальные различия в степени выраженности отвращения коррелировали, по данным исследований, с политическим консерватизмом, в частности, в вопросах, связанных с чистотой, таких как отношение к абортам и однополым бракам. Либералы и консерваторы полагаются на различные виды моральной интуиции в своих суждениях — у либералов доминируют оценки вреда и справедливости при принятии моральных суждений, в то время как консерваторы более рассчитывают на чистоту, верность и авторитет [Graham, Haidt, Nosek 2009]. Даже простое напоминание, что существуют источники болезней где-то в окружающей нас среде

(что соответствует одной из «мотиваций», вызывающих отвращение), может привести к временному усилению консервативности в политических взглядах испытуемых [Helzer, Pizarro 2011].

Один из важнейших выводов, к которым подводят исследования чувства отвращения, состоит в утверждении о взаимном влиянии биологических и культурных факторов в возникновении этого чувства. Так, моральные суждения нескольких поколений о курении претерпели весьма существенную эволюцию. Оказалось, что те образцы поведения, которые в 1950–1960-е гг. находились за границами моральной оценки (курить было ни «хорошо», ни «плохо»), стали предметом моральных оценок в сегодняшнем обществе. Все три группы опрошенных (студенты колледжей, их родители, бабушки и дедушки) высказывались о курении как о морально-отвратительном поступке. При этом старшее поколение осознавало, что такая оценка не была свойственна им в молодости [Rozin, Singh 1999]. Таким образом, наблюдается своеобразное расширение сферы отвращения. Происходит это не столько по биологическим причинам (или не только благодаря им), сколько является следствием подключения к оценке физиологических реакций человека тех или иных культурных факторов (общественного мнения, например).

Очевидно, что люди не только испытывают эмоции и выстраивают под их влиянием свое поведение, но и регулируют эмоции, т.е. выбирают такие стратегии поведения, которые позволяют избегать определенных эмоций, подавлять их или же усиливать. Это регулирование необходимо, в частности, потому, что среда, в которой эволюционно формировались эмоции, довольно сильно отличается от сегодняшней среды, что лишает эмоциональные реакции в современном мире статуса прочных оснований, которые позволяли бы достичь тех или иных целей.

Можно говорить о различных стратегиях рациональной регуляции эмоций, которые ориентированы либо на переживание самой ситуации, либо на ее последствия (так называемые причинно-ориентированные стратегии и результат-ориентированные стратегии). В одних случаях происходит подавление эмоции отвращения, в других ее переоценка, что влияет и на субъективное переживание эмоции, и на ее физиологические проявления – имеется в виду возбуждение сердечно-сосудистой системы [Schweiger, Keil, McCulloch, Rockstroh, Gollwitzer 2009; Schweiger, McCulloch, Gollwitzer 2012]. Можно предположить, что происходит своеобразное «взвешивание» полезности эмоций с точки зрения определенного контекста и перспектив дальнейших действий. При этом выбор не всегда носит гедонистический характер, и вместо желания ощутить приятные эмоции в настоящий момент индивид может выбрать целью достичь выгоды в отдаленной перспективе. Это объясняет, почему люди, изначально испыты-

вающие схожие эмоции, могут прийти к различным нравственным решениям. Вполне вероятно, что один из факторов формирования морального суждения — это способность регулировать (усиливать или ослаблять) эмоции, в зависимости от контекста нравственной ситуации, познавательных и мотивационных ресурсов, доступных для индивида в данный момент [Helion, Pizarro 2015, 112–114]. Эмоции и разум оказываются так глубоко переплетены, что их действие в процессе моральной регуляции не может быть объяснено в рамках модели простой дихотомии.

Нейроэтика сквозь призму кантианских мотивов

Спор об основаниях моральных суждений, о роли эмоций, разума, интуиции в построении моральной аргументации может быть представлен как преломление на область моральной оппозиции психологизма и антипсихологизма. В приложении к трактовке морали психологизм означает, по-видимому, ее своеобразную натурализацию и субъективизацию, имея в виду утверждение о наличии естественных оснований нравственности, заложенных на нейронном уровне. Всесторонний анализ процессов нравственной мотивации, аргументации, принятия решений вряд ли оказывается возможным без учета психологической и нейропсихологической организации индивида, без обращения к глубинным свойствам его личности, его «жизненного мира» [Бажанов 2016, 8].

Стоит еще раз вспомнить об этических традициях, и, прежде всего, о моральной теории Канта. Возможно, сегодня следует сделать акцент не на принципе рациональности морали, сформулированном в «Критике практического разума», а на других идеях, высказанных философом в его рассуждениях о сущности морали. Категорический императив как всеобщий закон нравственности именно в силу своего универсального и необходимого характера не может содержать прямых конкретных предписаний к действию. Он очерчивает границы, в которых человек является морально ответственным субъектом, проявляющим себя как разумное и свободное существо. Иными словами, подлинно человеческое проявляется в сфере морального поступка. Категорический императив предъявляет особые требования к мотивации индивидуальной активности. Чтобы определенные индивидуальные мотивы поступка стали действительными, они должны быть непротиворечиво приняты в качестве универсального закона.

Обозначая категорический императив как универсальный принцип нравственности, немецкий классик предполагает, что каждый человек способен быть носителем этой формы закона и соизмерять с ним индивидуальные максимы. Кант утверждает априорные основания морали в каждом человеке. В свете современных нейроэтических исследований идеи априоризма и активности субъекта

могут быть проинтерпретированы на уровне нейроструктур, которые представляют собой своеобразные априорные формы, безусловно не предопределяющие конкретное содержание морального суждения, но делающие его возможным, задающие определенный ракурс понимания и оценки социального и человеческого.

Что может выступать в качестве базовых оснований морали? Повидимому, их невозможно выразить в виде конкретных моральных правил, они должны иметь характер структур, определяющих вариации принципов и норм морали, порожденных разными культурами. Возможно, статус такого основания имеет сама ощущаемая индивидом необходимость оправдать, объяснить свои поступки. На уровне нейрофизиологических оснований — это способность отличать «человеческое» от «нечеловеческого», испытывать эмпатию, размышлять о том, что мы делаем, делать умозаключения о мыслях, желаниях и намерениях других людей, прогнозировать последствия поступков [Farah, Heberlein 2007, 44–45]. Наличие этих «вшитых» в мозг способностей можно описать как действие своего рода «закона», который не имеет конкретного нравственного содержания, но налагает внутренние требования на работу практического разума.

Внутренние обязательства, чувство долга или интуитивная уверенность в правильности конкретного выбора оказываются результатом сложного процесса, в котором внутренние и внешние условия создают основу активности субъекта. Конкретные выражения моральных правил и принципов выступают вариациями, которые определены нейробиологическими и культурно-деятельностными детерминантами. Можно утверждать универсальность субъекта морали как носителя нейрофизиологических структур, делающих его «предрасположенным» к моральным поступкам. И одновременно это говорит о соотносительности с его социокультурным и биологическим происхождением и ареалом деятельности, а также и генетической предрасположенностью, корректируемой особенностями истории его жизни.

Еще одним важным моментом кантовской интерпретации морали является идея о противопоставлении мира феноменального, где действуют причинно-следственные связи и мира свободы, умопостигаемого мира морали, мира *должного*. Не случайно, вероятно, этика Канта разделена на метафизику нравственности, которая представляет собой собственно учение о морали как учение о законе, должном, и эмпирическую этику, или практическую антропологию. Иными словами, сущность морали состоит в выявлении не того, что есть, а того, что *должно* быть. Способно ли изучение нейроструктур осветить эту сторону бытия морали? С точки зрения нейроэтики, понимание неврологических основ морального познания дает богатый и необходимый описательный материал, но не снимает проблемы понимания сущности морали, которая к этому материалу редуцирована

быть не может. Методы нейровизуализации, широко применяемые при изучении нейробиологических оснований моральных решений, имеют существенные ограничения: они позволяют судить о локализации активности нейроструктур при вынесении моральных суждений, спровоцированных искусственными проблемами в лабораторных условиях, но ничего не говорят о реальности морального поступка. [Bzdok, Groß, Eickhoff 2015, 144–145; Mordacci 2009, 46–47]. А ведь именно нравственное поведение, реальные поступки и можно считать «живой тканью» морали. Достаточно ли понимать, какие отделы мозга задействованы при принятии морального решения, чтобы ответить на вопрос, что такое «ценность», что такое «идеал»? Способен ли специалист в области нейронных сетей ответить на вопрос о том, что такое мораль?

Вместо заключения

Развитие нейроэтики ставит множество нетривиальных проблем, которые настоятельно требуют осмысления. Допустимо ли с этической точки зрения использование стимуляторов активности мозга (типа риталина) или же применение окситоцина для создания дружественной атмосферы в коллективе и/или усиления родительских чувств? Стоит ли доверять данным, которые получаются в результате использования детекторов лжи? Допустимо ли на основании знания о том, что многие травмы головы влекут асоциальное поведение, ограничивать жертв этих травм в социальных контактах? Как вести себя академическому исследователю мозга, если при фМРТ им будет обнаружена опухоль мозга или церебральные аномалии, способствующие развитию психопатии? Допустимо ли использование достижений нейронауки в военных целях? Это лишь часть острых вопросов. Все они еще ждут квалифицированного анализа.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бажанов 2016 – *Бажанов В.А.* Дилемма психологизма и антипсихологизма // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 6–16.

Бажанов 2017а – *Бажанов В.А.* Идея нейросоциологии в современной социальной мысли // Социологические исследования. 2017а. № 4. С. 27–33.

Бажанов 2017б – *Бажанов В.А.* Кантианская программа в современной политологии: нейрополитология // Социум и власть. 2017б. № 1. С. 43–49.

Дубровский 2017 – *Дубровский Д.И.* Главный вопрос проблемы сознания // Философские науки. 2017. № 1. С. 57–70.

Зайцева, Зайцев 2017 – *Зайцева Н.В., Зайцев Д.В.* Феноменологическая перспектива в современной нейронауке // Философские науки. 2017. № 1. С. 71–84.

Иллес, Бёрд 2015 – *Иллес Дж., Бёрд С.* Нейроэтика: этика нейронауки в современном контексте // Человек. 2015. № 6. С. 5–22.

Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова 2011 – *Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н.* Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. № 2. С. 14–35.

Шахнович 2013 – *Шахнович М.* Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 32–62.

Фаликман, Коул 2014 – *Фаликман М.В., Коул М.* «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18.

Arutyunova, Alexandrov, Hauser 2016 – *Arutyunova K.R., Alexandrov Y.I., Hauser M.D.* Sociocultural influences on moral judgments: East – West, Male – Female, and Young – Old // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. 1334. – doi: 10.3389/fpsyg.2016.01334

Bzdok, Groß, Eickhoff 2015 – *Bzdok D., Groß D., Eickhoff S.B.* The neurobiology of moral cognition: relation to theory of mind, empathy, and mind-wandering // *Handbook of Neuroethics*. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2015. P. 127–148.

Glimcher, Camerer, Fehr, Poldrack (eds.) 2009 – Glimcher P.W., Camerer C.F., Fehr E., Poldrack R.A. (eds.) *Neuroeconomics. Decision Making and the Brain*. – L., N. Y.: Elsevier, 2009.

Graham, Haidt, Nosek 2009 – *Graham J., Haidt J., Nosek B.* Liberals and conservatives use different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. P. 1029–1046.

Greene, Sommerville, Nystrom, Darley, Cohen 2001 – *Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen, J.D.* An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment // *Science*. 2001. Vol. 293. P. 2105–2108.

Greene, Paxton 2009 – *Greene J.D., Paxton J.M.* Patterns of neural activity associated with honest and dishonest moral decisions // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106. P. 12506–12511.

Farah, Heberlein 2007 – *Farah M.J., Heberlein A.S.* Personhood and neuroscience: naturalizing or nihilating? // *The American Journal of Bioethics*. 2007. Vol. 7 (1). P. 37–48.

Hauser, Cushman, Young, Kang-Xing Jin, Mikhail 2007 – *Hauser M., Cushman F., Young L., Kang-Xing Jin R., Mikhail J.* A dissociation between moral judgements and justifications // *Mind and Language*. 2007. Vol. 22. No 1. P. 1–21.

Helion, Pizarro 2015 – *Helion C., Pizarro D.A.* Beyond dual-processes: the interplay of reason and emotion in moral judgment // *Handbook of Neuroethics*. Dordrecht; Heidelberg; N. Y.; L.: Springer, 2015. P. 109–125.

Helzer, Pizarro 2011 – *Helzer E., Pizarro D.A.* Dirty liberals!: Reminders of cleanliness promote conservative political and moral attitudes // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. P. 517–522.

Lavazza 2016 – *Lavazza A.* Neuroethics: A new framework – from bioethics to anthropology // *Frontiers in Neuroethics: Conceptual and Empirical Advancements* / A. Lavazza (ed.). – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 9–32.

Mathews, Bok 2015 – *Mathews D.J.H., Bok H.* Brain research and cognition // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.) – Dordrecht; Heidelberg; N. Y.; L.: Springer, 2015. P. 1151–1166.

Mordacci 2009 – *Mordacci R.* Neuroscience and metaethics: A Kantian hypothesis // *Etica & Politica / Ethics & Politics*. 2009. Vol. XI (2). P. 43–56.

Piccinini 2015 – *Piccinini G.* Foundational issues in cognitive neuroscience: Introduction // Handbook of Neuroethics / J. Clausen, N. Levy (eds.). Dordrecht; Heidelberg; N. Y.; L.: Springer, 2015. P. 3–8.

Pontius 1973 – *Pontius A.A.* Neuro-ethics of ‘walking’ in the newborn // Perception. Motion. Skills. 1973. Vol. 37. P. 235–245. – doi:10.2466/pms.1973.37.1.235

Pizarro, Inbar, Helion 2011 – *Pizarro D., Inbar Y., Helion C.* On disgust and moral judgment // *Emotion Review*. 2011. Vol. 3 (3). P. 267–268.

Rozin, Singh 1999 – *Rozin P., Singh L.* The moralization of cigarette smoking in America // *Journal of Consumer Behavior*. 1999. Vol. 8. P. 321–337.

Schweiger Gallo, Keil, McCulloch, Rockstroh, Gollwitzer 2009 – *Schweiger Gallo I., Keil A., McCulloch K.C., Rockstroh B., Gollwitzer P.M.* Strategic automation of emotion regulation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96. P. 11–31.

Schweiger Gallo, McCulloch, Gollwitzer 2012 – *Schweiger Gallo I., McCulloch K.C., Gollwitzer P.M.* Differential effects of various types of implementation intentions on the regulation of disgust // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30 (1). P. 1–17.

THE PROBLEM OF QUEST FOR THE NEUROPHYSIOLOGICAL FOUNDATIONS OF MORALITY: NEUROETHICS

V.A. BAZHANOV, E.E. SHABALKINA

Summary

The article deals with the current state of neuroethics, which can be defined (due to the concept of T. Kuhn) as pre-paradigmatic, characterized by quest for systematic theory and basic principles, criteria for analyzing and interpreting the results of measurement procedures. Among the key questions that this theory should cover, the problem of the neurophysiological foundations of morality especially highlighted. We claim that the search for such grounds lies largely along the continuation of the “discussion” of the Kantian rationalistic tradition of treating morality, and the standpoint of D. Hume, which stresses the emotional bases of moral actions. In the very focus of the article is the state of the second level theories (metaethics) in neuroethics: the idea of the emotionally-intuitive foundations of moral judgments, and criticism of J. Green’s deontological theory of honesty and dishonesty, and M. Hauser and J. Mikhail’s “Universal Moral Grammar”. Particular emphasis placed upon comprehension the nature of moral judgments and the influence of feelings of disgust on moral decisions. It speaks for the fact that there is a close interaction between emotional-sensory and rational in moral judgments. The results of neuroethical studies pondered over through the prism of Kantian motifs associated with the dilemma of psychologism and antipsychologism. An attempt made to analyze the idea of a priori under the angle of current experimental data related to the neurophysiological foundations of morality.

Keywords: neuroscience, neuroethics, neurophysiological grounds of morality, moral decisions, feelings of disgust, I. Kant.

Bazhanov, Valentin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy at the Ulyanovsk State University.

vbazhanov@yandex.ru

Shabalkina, Elena – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor at the Ulyanovsk State University.

shabalkina@list.ru

Citation: BAZHANOV V.A., SHABALKINA E.E. (2017) The Problem of Quest for the Neurophysiological Foundations of Morality: Neuroethics. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 64-79.

REFERENCES

Arutyunova K.R., Alexandrov Y.I., Hauser M.D. (2016) ‘Sociocultural influences on moral judgments: East – West, Male – Female, and Young – Old’. In: *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. No 1334. Available at: doi: 10.3389/fpsyg.2016.01334

Bazhanov V.A. (2016) ‘Dilemma of psychologism and antipsychologism’. In: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2016. Vol. 49. No 3, pp. 6-16 (in Russian).

Bazhanov V.A. (2017) ‘Idea of neurosociology in contemporary social thought’. In: *Sociological Studies*. 2017. Vol. 4, pp. 27-33 (in Russian).

Bazhanov V.A. (2017) ‘Kantian program in modern political science: neuropolitical science’. In: *Socium and power*. 2017. Vol. 1, pp. 43-49 (in Russian).

Bzdok D., Groß D., and Eickhoff S.B. (2015) ‘The neurobiology of moral cognition: relation to theory of mind, empathy, and mind-wandering’. In: *Handbook of Neuroethics*. Springer, Dordrecht, Heidelberg, New York, London, 2015, pp. 127-148.

Dubrovsky D.I. (2017) ‘The main question of consciousness study’. In: *Philosophical sciences*. 2017. Vol. 1, pp. 57-70 (in Russian).

Falikman M.V., Cole M. (2014) ‘“Cultural” revolution in cognitive science: from neural flexibility to genetic sources of cultural experience acquisition’. In: *Cultural-historical psychology*. 2014. Vol. 10. No 3, pp.4-18 (in Russian).

Farah M.J., Heberlein A.S. (2007) ‘Personhood and neuroscience: naturalizing or nihilating?’ In: *The American Journal of Bioethics*. 2007. Vol. 7 (1), pp. 37-48.

Glimcher P.W., Camerer C.F., Fehr E., Poldrack R.A. (eds.) (2009) *Neuroeconomics. Decision Making and the Brain*. Elsevier, London, New York.

Graham J., Haidt J., Nosek B. (2009) ‘Liberals and conservatives use different sets of moral foundations’. In: *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, pp. 1029-1046.

Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D. (2001) ‘An fMRI investigation of emotional engagement in moral judgment’. In: *Science*. 2001. Vol. 293, pp. 2105-2108.

Greene J.D., Paxton J.M. (2009) ‘Patterns of neural activity associated with honest and dishonest moral decisions’. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. Vol. 106, pp.12506–12511.

Hauser M., Cushman F., Young L., Kang-Xing Jin R., Mikhail J. (2007) 'A Dissociation between moral judgements and justifications'. In: *Mind and Language*. 2007. Vol. 22. No 1, pp. 1-21.

Helion C., Pizarro D.A. (2015) 'Beyond dual-processes: the interplay of reason and emotion in moral judgment'. In: *Handbook of Neuroethics*. Springer, Dordrecht, Heidelberg, New York, London, 2015, pp. 109-125.

Helzer E., Pizarro D.A. (2011) 'Dirty liberals!: Reminders of cleanliness promote conservative political and moral attitudes'. In: *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, pp. 517-522.

Illes J., Bird S. (2015) 'Neuroethics: a modern context of ethics in neuroscience'. In: *Man (Chelovek)*. 2015. Vol. 6, pp. 5-22 (Russian Translation).

Klucharev V.A., Shmids A., Shestakova A.N. (2011) 'Neuroeconomics: neurobiology of decision making'. In: *Experimental psychology*. 2011. Vol. 2, pp. 14-35 (in Russian).

Lavazza A. (2016) 'Neuroethics: A new framework – from bioethics to anthropology'. In: Lavazza A. (ed.) *Frontiers in Neuroethics: Conceptual and Empirical Advancements*. Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, 2016, pp. 9-32.

Mathews D.J.H., Bok H. (2015) 'Brain research and cognition'. In: J. Clausen, N. Levy (eds.). *Handbook of Neuroethics*. Springer, Dordrecht, Heidelberg, New York, London, 2015, pp. 1151-1166.

Mordacci R. (2009) 'Neuroscience and metaethics: A Kantian hypothesis'. In: *Ethics & Politics*. 2009. Vol. XI (2), pp. 43-56.

Piccinini G. (2015) Foundational issues in cognitive neuroscience: Introduction. In: J. Clausen, N. Levy (eds.). *Handbook of Neuroethics*. Springer, Dordrecht, Heidelberg, New York, London, 2015, pp. 3-8.

Pontius A.A. (1973) 'Neuro-ethics of 'walking' in the newborn'. In: *Perception. Motion. Skills*. 1973. Vol. 37, pp. 235-245. Available at: [doi:10.2466/pms.1973.37.1.235](https://doi.org/10.2466/pms.1973.37.1.235)

Pizarro D., Inbar Y., Helion C. (2011) 'On disgust and moral judgment'. In: *Emotion Review*. 2011. Vol. 3 (3), pp. 267-268.

Rozin P., Singh L. (1999) 'The moralization of cigarette smoking in America'. In: *Journal of Consumer Behavior*. 1999. Vol. 8, pp. 321-337.

Shaknovich M. (2013) 'Cognitive science and studies of religion'. In: *State, religion, church in Russia and abroad*. 2013. Vol. 3, pp. 373-398 (in Russian).

Schweiger Gallo I., Keil A., McCulloch K. C., Rockstroh B., Gollwitzer P. M. (2009) Strategic automation of emotion regulation. In: *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96, pp. 11-31.

Schweiger Gallo I., McCulloch K.C., Gollwitzer P.M. (2012) 'Differential effects of various types of implementation intentions on the regulation of disgust'. In: *Social Cognition*. 2012. Vol. 30 (1), pp. 1-17.

Zaitseva N.V., Zaitsev D.V. (2017) 'Phenomenological vistas in modern neuroscience'. In: *Philosophical sciences*. 2017. Vol. 1, pp. 71-84 (in Russian).

О ПРИРОДЕ МАТЕМАТИКИ

С.Р. КОГАЛОВСКИЙ

Аннотация

В статье анализируются попытки прояснения природы поразительной эффективности математики, о которой говорится в широко известной работе Юджина Вигнера. Главным результатом статьи является прояснение когнитивной природы математики: математика – это развивающийся концептуальный аппарат и «технические» средства метатеоретического моделирования, осуществляемого и реализуемого с помощью идеальных способов исследования, развиваемых посредством формирования и развития их орудий и «средств производства» таких орудий. А значит, математика – это, прежде всего, развивающееся субъектное начало, несущее возможность все более глубинного самопознания человека как Человека Исследующего и открывающее возможность постижения все более глубинных законов бытия. В конечном счете, в этом источник ее поразительной эффективности. Прояснение когнитивной природы математики открывает, в частности, возможность исследования вопроса о том, в какой мере сегодняшнее общее математическое образование отвечает ее когнитивной и эпистемологической природе как метатеоретической области знаний с возможностями, несомыми ею в этом ее качестве, или только как «части физики».

Ключевые слова: онтология, метапредметность, метапредметное моделирование, когнитивная природа математики.

Когаловский Сергей Рувимович – кандидат физико-математических наук, профессор кафедры математики, физики и методики обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета, Шуя. askogal@yandex.ru

Цитирование: КОГАЛОВСКИЙ С.Р. (2017) О природе математики // Философские науки. 2017. № 6. С. 80–95.

Какими бы огромными ни были прикладные возможности математики, их реализация не может не предполагать креативного начала, несущего рождение творческих продуктов. Прорыв в любой области человеческой культуры – результат рождения творческого продукта, являющегося «самодовлеющей предметностью», «нераздельной индивидуальностью» [Лосев 1982, 57]. Он *агенетичен* не только в том смысле, что его рождение происходит как смысловой скачок и не предопределяется логикой «пренатального» процесса, но и в том, что он изменяет, искажает, видение этого процесса самим творцом. Отсюда представление о непостижимости механизмов рождения творческих продуктов.

При всем том более чем оправдана особая обращенность к феномену «непостижимой эффективности математики». И работа Юджина Вигнера [Вигнер 1968, 535], в которой представлены впечатляющие

образцы такой эффективности, продолжает стимулировать попытки прояснения рождающих ее механизмов. Работа А.А. Крушанова [Крушанов 2015] представляет попытку в этом направлении как попытку усмотреть онтологическое существо рассматриваемых в ней математических понятий. Онтология в этой работе понимается как онтология *предметного*, «вещного» мира.

Попытки усмотрения онтологической (в этом смысле) природы, онтологического существа математических понятий осуществлялись *постфактум*. Творцы этих понятий отправлялись не от онтологического плана. Задачи, к которым они обращались, не были с ним связаны. В обсуждаемой работе в действительности показывается не онтологическое, а инструментальное, или орудийное, существо рассматриваемых в ней понятий. Таково существо всех фундаментальных математических понятий. И видеть в математике «науку о самых фундаментальных отношениях во Вселенной» — это не то же ли, что видеть в строении телескопа строение галактик?

Сказанное выражает не отрицание связи математической деятельности и ее продуктов с онтологическим планом. Оно выражает ведущий характер этой далеко не непосредственной связи, проявляющий особенности человеческого познания. Язык математики — это язык-посредник между человеческим восприятием (вместе с развивающимся пониманием) и природой. Это развивающийся язык развивающихся средств моделирования тех или иных планов объективного бытия, включающих человеческую деятельность и не в последнюю очередь деятельность поисково-исследовательскую. Развивающееся субъектное начало играет в математической деятельности все возрастающую роль и зримо отражается в языке математики.

«Я считаю природу фундаментальным источником математических представлений», — пишет А.А. Крушанов. За этой, казалось бы, безусловно истинной позицией скрывается игнорирование того, что уже в античный период математика проявляла себя не столько как «физика», сколько как мета-«физика». Здесь уместно заметить, что фундаментальные математические понятия, как и орудия логического анализа, используются в научных исследованиях применительно далеко не только к объективно существующей реальности. Не уводит ли следование суженному пониманию онтологии, невключенность в ее предмет бытия человека, социального бытия, от понимания математики как направленной на рождение и развитие продуктивных *способов* постижения и преобразования реальности и *орудий* формирования таких способов? Разве не способствовало бы прояснению обсуждаемой проблемы, проблемы реальности математики, следование пониманию фундаментальных математических понятий как «отражений» не «внешнего мира» «самого по себе», а как развивающихся способов и форм самого «отражения», и видению в этом и

объяснения их универсальной приложимости? И разве не несло бы следование такому пониманию и прояснение загадки математического «предвосхищения» открытий в физике? Не открывается ли сама возможность «предвосхищений» развитием математики, ее языка, ее орудий, продуктивных форм их представления и использования, которые и делают возможными не только и не просто усмотрение «предвосхищаемых» открытий, но и их продуктивные рациональные представления? Не в том ли смысле математика «предвосхищает» открытия в физике, в каком изобретение микроскопа «предвосхитило» открытие микроорганизмов?

Математика, являющаяся, по утверждению В.И. Арнольда [Арнольд 1998, 229], частью физики, существенно отличается от физики не просто своим надпредметным характером, т.е. радикальными абстрагированиями от предметной данности, но формированием и развитием эффективных способов поисково-исследовательской деятельности, т.е. метапредметной направленностью.

Например, понятие определенного интеграла (как и используемые в его описании понятия интегральной суммы и предельного перехода) относится не к физической, не к предметной стороне дела, связанной с задачами, приведшими к этому общему понятию, а к метапредметной — к способу действий *субъекта* исследования. Физический план служит лишь побудительным средством обращения к такому способу действий и к его развитию. Аналогичное верно и в отношении понятия производной. Оба эти понятия основываются на понятии предела, которое само основывается на трансцендировании.

Исторические процессы становления этих понятий, представляющих *полифункциональные* орудия поисково-исследовательской деятельности, свидетельствуют об их *полигенетической* природе. Но за этими обоими «поли-» скрывается единое «моно-» — способ действий. За полигенетичностью каждого из этих понятий скрывается имеющая более глубокие корни *моногенетичность* — те изначальные представления и те направляемые ими способы действий, которые явились его истоком. Каждое из этих понятий сформировалось как продукт их развития, как развитый способ действий, как эффективная *модель* продукта их развития, несущая потенцию более далеко идущего развития. Оно сформировалось как развитая метапредметность, истоком которой явилась изначальная, неразвитая метапредметность, или прото-метапредметность, взаимодействовавшая с полипредметностью и развивавшаяся в процессах таких взаимодействий. Сказанное справедливо и для других фундаментальных математических понятий.

Метапредметное начало функционирует на всех уровнях познавательной деятельности. Но там, где доминирует предметный план, метапредметное начало и предстает, и развивается как его аспект, а не как собственно метапредметное начало. Развитие же собственно

метапредметного начала происходит тогда, когда оно само становится предметом исследования. Особое место и особая роль математики в развивающейся системе знаний состоит в том, что метапредметный план является и ее методом и ее предметом. Но и это особое место и особая роль математики присущи не только ей. И потому необходима дальнейшая работа, направленная на постижение ее уникального места и уникальной роли в развивающейся системе знаний. А пока отметим особенность математики, состоящую в многоступенности, в многоуровневости присущей ей метапредметной деятельности.

Знания «не являются результатом простой регистрации наблюдений. Процесс познания невозможен без структуриации, осуществляемой благодаря активности субъекта» [Пиаже 1983, 90]. Знания о вещах формируются как их *модели*. А значит, предмет познавательной деятельности, предмет всякой деятельности, не сам по себе, но вместе с ним и ее субъект со своим инструментарием должны рассматриваться как образующие единую систему, развивающуюся вместе со своими компонентами. И потому *субъектный план* должен играть не вторичную, а ведущую роль в исследованиях, посвященных обсуждаемому кругу вопросов. Это отвечает пониманию роли моделей и самого моделирования как всего того, что создается путем самопреобразований субъекта деятельности в процессе осуществляемой им деятельности [Вартофский 1988, 8]. Это не может не привести к сплетению в таких исследованиях эпистемологического анализа с когнитивистским и к проблеме реальности наук.

Эффективность модели исследуемого объекта достигается направленностью моделирования на исследование не столько этого объекта «самого по себе», сколько действий с ним, способов его исследования, того контекста, в рамках которого осуществляется исследование. Моделирование несет в себе обращенность к метапредметному плану и тем ведет к развитию механизмов понимания. Механизмы метапредметной деятельности сами являются такими механизмами. Метапредметный план является зримым проявлением *субъектного* плана.

Обычно, говоря о связях математики с реальностью, указывают на ее широкие прикладные достижения в форме эффективно работающих моделей тех или иных систем. Но этим не раскрывается характер таких связей. Метапредметное существо фундаментальных математических понятий говорит о том, что особенность математики – в формировании и развитии *общих способов* продуктивного математического моделирования. Говоря словами Канта, математика занимается не столько предметами, сколько способом познания предметов. В качестве ее объекта изначально, уже на стадии прото-математики, выступали «всеобщие и необходимые» пространственно-временные формы. Они являются генетическим наследием математики.

Моделирование в бытующем понимании направлено на получение новой информации о моделируемом объекте. Фундаментальные ма-

тематические понятия как модели первомеханизмов математической деятельности, как модели соответствующих им прото-понятий, в формировании которых существенно участвуют механизмы *феноменологической редукции* в духе Гуссерля, направляющей на сосредоточение на самом процессе этой деятельности, на субъектном плане, играют иную роль — роль средств *преобразования* поисково-исследовательской деятельности, несущего качественно новые ее возможности [Когаловский 2016b, 47]. А процессы их формирования являются образцами (=моделями) продуктивных стратегий поисково-исследовательской деятельности.

Став освоенным, фундаментальное понятие становится продуктивным «посредником» между разноприродными понятиями, ситуациями, задачами. Оно «сближает» их, открывая возможность их взаимного моделирования. Тем самым не только в нем самом, но и в понятиях частных по отношению к нему рождается или изъясняется метапредметное начало. Все предметное содержание математики пребывает в соотнесенности с общими формами и общими механизмами математической деятельности. Оно само представляет эти общие формы и механизмы. Оно пронизывается метапредметным началом. Выступая и как «часть физики» и как мета-физика, математика функционирует в форме взаимодействий и взаимопревращений этих ее «ликов». И в этом истоки ее эффективности.

Решая свои внутренние задачи и тем самым как бы уходя от своих истоков, от содержательного плана, от первоначальных целей, математика именно посредством этого восходит к своим глубинным корням, преобразует их в свои внутренние «средства производства», превращающиеся в средства преобразования самой поисково-исследовательской деятельности, в средства развития ее методологии, а посредством этого и в средства развития ее прикладных возможностей. Такие процессы осуществляются в форме метапредметной деятельности. А внутренние «средства производства», являющиеся их продуктами, предстают в форме «абстрактных» теорий. В таких теориях внешний наблюдатель видит лишь формальные схемы, «лишь» продукты игры. И они являются продуктами игры, игры фантазии, игры воображения, игры, направленной на конструирование и исследование возможных миров. Такая игра сопровождается постижением и развитием механизмов познавательной и конструктивной деятельности. Тем самым она несет формирование и развитие способов проектирования новых миров и продуктивных принципов такого проектирования. Только математик играющий может стать математиком созидающим и тем способствующим преобразению реальности.

Процессы превращения методов математической деятельности в ее предмет приводят к рождению ее эффективных орудий и «средств производства», предстающих в форме ее фундаментальных понятий

и представляемых ими теорий. Развиваясь и в прикладных направлениях, как «часть физики», математика все более становится областью деятельности, предметом которой являются общие формы, точнее говоря, *мета-формы* поисково-исследовательской деятельности, ее стратегий и ее общие способы, точнее говоря, *мета-способы*, т.е. *метапредметный* план. Тем самым она становится и *мета-физикой*. Сегодня как никогда ранее математика отвечает именам « $\mu\acute{\alpha}\theta\eta\mu\alpha$ » и « $\acute{\epsilon}\lambda\iota\sigma\tau\acute{\eta}\mu\eta$ ».

В лекции М.М. Постникова [Постников 1997, 83], прочитанной на конференции по философии математики в 1984 г., в лапидарной форме и потому неизбежно несколько односторонне выражается соотношение математики и естественных наук: «Основное в деятельности естествоиспытателей — это исследование не окружающего мира, а его моделей... Рассматривая модели в разных науках, мы... обнаруживаем группы чрезвычайно сходных моделей и результаты, полученные в одной модели, могут быть применены в другой... Схожесть моделей можно... выразить, сказав, что модели каждого класса имеют общую схему, т.е. что схожие модели — это модели, которые основываются на одной и той же схеме. Введя таким образом понятие схемы, мы приходим к задаче абстрактного изучения схем как таковых, безотносительно к их конкретному воплощению». Исходя из этого, М.М. Постников приходит к пониманию математики как науки, изучающей «все возможные... схемы, их взаимосвязи, методы их конструирования, иерархии схем (схемы схем) и т.д. и т.п. Таким образом, математика не есть наука о моделях окружающего мира, а есть наука о схемах этих моделей». Сказанное, понимаемое буквально, конечно же, нуждается в уточнениях, относящихся не только к вторичным сторонам дела. Но намного более важно то, что в нем усматривается существенная сторона дела, приближающая к постижению существа математики. К сожалению, эта сторона дела в дальнейшем не была развита.

Моделирование, метапредметные рассуждения не просто содействуют достижению целей математической деятельности. Выступая вначале как медиаторы, они ведут к ее преобразению и становятся ведущими компонентами преобразенной деятельности. Это приводит к возрастанию в этой деятельности роли субъектного начала, а с ним и к развитию механизмов понимания.

«Самой природе математики присуща двойственность... Эту двойственность необходимо отчетливо сознавать... и учитывать при размышлениях о природе интеллектуальной деятельности в области математики. Двойкий лик — подлинное лицо математики», — писал Дж. фон Нейман [Нейман 1983, 88]. Какова же природа того лика математики, который предстает как чистая математика, развивающаяся в направлениях, «имеющих все более отдаленное отношение к эмпирическим данным»? Только ли произведениями интеллектуального

искусства являются результаты чистой математики, только ли в этом их ценность?

Представления, явившиеся историческими истоками математики, отражают пространственно-временной план и потому являются неразвитыми универсальными формами ориентации в окружающем мире. Их природа онтологическая. Фундаментальные математические понятия как продукты многоступенных радикальных идеализаций и трансцендирований, как продукты взаимодействий трансцендирований «во-вне» и трансцендирований «во-внутри», как продукты субъектного начала, выступающего в форме метапредметной деятельности, как творческие продукты обретают иную онтологическую природу: укореняясь в культуре, они преобразуют мировосприятие, преобразуют Практику, становясь ее эффективными стратегическими орудиями. Они преобразуют формы и характер поисково-исследовательской деятельности, становясь не только ее орудиями, но и «средствами производства» новых ее орудий. Само укоренение в культуре делает их априорными для последующих поколений.

С Фалеса начиналось обращение к идеальным объектам как предмету математических исследований, а тем самым начиналось развитие субъектного плана как предмета математики. Это привело к высочайшему уровню ее развития, развития надежных средств достижения истинности ее результатов. Фундаментальные математические понятия являются носителями развитого метапредметного начала, а тем самым носителями развитого субъектного начала.

Исторические процессы становления, укоренения и развития фундаментальных математических понятий являются процессами восхождения от неразвитого идеального к развитому идеальному. Они образуют несущий каркас процесса развития математики. Анализ этих процессов несет дальнейшее прояснение природы математики, ее существа. Он показывает, насколько далеко от истины широко распространенное мнение, что математика — это логика, и насколько ближе к ней тезис «математика — это метапредметное моделирование», т.е. такое, что моделями исследуемых объектов являются объекты метапредметного уровня и объекты метасмыслового уровня по отношению к ним. Точнее говоря, он показывает, что математика — это развивающийся концептуальный аппарат, а значит, и язык, и логика, и «технические» средства метапредметного моделирования и его реализации [Когаловский 2016а, 63]. Этим проясняется природа математики, ее существо, и характер ее связей с философией.

Здесь естественней говорить не о «логике», а о «логиках»: даже элементарные уровни математической деятельности используют далеко не только классическую логику. Так, в процессе открытия школьником доказательства той или иной теоремы используются разные логики: если само искомое доказательство использует классическую

логику, то логика его поиска использует и интуиционистскую логику, а логика его проверки — конструктивную логику. Представляется, что поли-логичность мышления, присущая, конечно, не только математической деятельности, но характерная для нее как для деятельности многомерной, должна стать особым предметом исследований в области когнитивистики и эпистемологии.

Заметим, что не только математика, но и философия может быть охарактеризована как концептуальный аппарат и «технические» средства метапредметного моделирования. То же можно сказать, например, о такой ее области, как эпистемология. И это говорит о необходимости дальнейших продвижений в прояснении природы математики.

Такому продвижению помогает обращение к следующей важной эпистемологической стороне дела (которая, насколько нам известно, ранее не отмечалась): математическое моделирование объектов изучения как естественных, так и гуманитарных наук осуществляется обычно посредством трехуровневых идеализаций. Первый уровень состоит в формировании идеального образа, идеальной модели исследуемого объекта «самого по себе». Идеальный газ, абсолютно твердое тело, материальная точка — примеры таких идеализаций. Второй уровень — погружение рассмотрения идеального объекта в идеальный мир, в идеальный контекст. Например, в классической физике — это погружение в пространственно-временной континуум. Осуществление второго уровня идеализации открывает возможность построения математической модели и ее использования как идеализации третьего уровня. Такая идеализация — это *использование идеальных способов исследования идеального объекта в рамках идеального мира*.

Радикальные продвижения в развитии самих этих способов осуществляются посредством еще более далеко идущих идеализаций и далеко не в последнюю очередь — трансцендирований, приводящих к многоуровневым иерархиям метапредметной деятельности.

Моделируемый объект при таких идеализациях рассматривается не сам по себе, а в единстве с «миром», в который он погружен, с контекстом, в который погружено его рассмотрение (что часто не осознается). И сама его модель, т.е. его идеальный образ, тоже рассматривается в рамках подходящего контекста, вместе с ним (что тоже часто не осознается).

Математические понятия, математические методы формируются и в прикладных рассмотрениях, но в таких рассмотрениях они фигурируют преимущественно как *средства* решения тех или иных задач. В теоретических же рассмотрениях они становятся *предметом* изучения, а это представляет собой принципиально иной тип деятельности. Такая деятельность не может не быть направленной на восхождения на метапредметные уровни.

В отличие от математического моделирования (в привычном понимании) при моделировании в математике и сами моделируемые объекты имеют идеальную природу. Это делает более прозрачным деятельный характер строящихся моделей. Это делает более прозрачной работу когнитивных механизмов, участвующих в процессах моделирования, и несет большие возможности усмотрения за спецификой процессов моделирования в математике, сильнее говоря, в самой этой специфике, общих механизмов, общих закономерностей, присущих поисково-исследовательской деятельности, возможности усмотрения ее продуктивных форм. Это несет возможности лучшего постижения процессов формирования и развития орудий и «средств производства» самой математической деятельности и математического моделирования. Это несет возможность постижения природы той двойственности математики, о которой говорил фон Нейман.

Реализации этой возможности способствует анализ исторических процессов восхождений от синкретичных представлений, от протопонятий, или житейских понятий (Л.С. Выготский), к строгим математическим понятиям. В особой степени это относится к процессам становления фундаментальных математических понятий. Такие процессы, являющиеся процессами восхождения от неразвитого идеального к развитому идеальному, близки процессам математического моделирования, хоть и имеют существенно иную направленность. Анализ таких процессов и процессов математического моделирования (и их продуктов), их сопоставление несет дальнейшее прояснение природы математики, ее существа, природы ее эффективности.

Такие процессы, как и процессы математического моделирования, сопровождаются трехуровневыми идеализациями. Таковы, например, процессы формирования (и развития) первичных понятий математического анализа, отправлявшихся от их интуитивных прообразов и осуществлявшихся в рамках процесса формирования математического анализа на строгих основаниях. Если формирование самих этих понятий посредством восхождений к определениям их как строгих понятий, т.е. к определениям, выразимым на языке исчисления предикатов той или иной степени, является первым уровнем идеализации, то погружение их рассмотрения в тот или иной теоретико-множественный мир, в ту или иную аксиоматическую теорию множеств, является вторым уровнем. Такое погружение несет и необходимые языковые средства, и идеальные орудия исследования и обоснования его результатов (задаваемые аксиомами теоретико-множественного мира. Эти аксиомы задают одновременно границы возможностей этих орудийных средств). Так что в таких процессах все три уровня идеализации осуществляются одновременно, вместе. Более того, второй и третий уровни идеализации в них могут совпадать.

(Заметим, что, например, «окрестностное» и «последовательностное» определения понятия непрерывности действительной функции в точке, обычно понимаемые и используемые как разные формы определения одного и того же понятия, вообще говоря, представляют разные понятия, разные модели интуитивных представлений о непрерывности в точке. В одних теоретико-множественных мирах, например, в теории множеств Цермело-Френкеля, ZF, эти определения не эквивалентны, а в ее обогащении аксиомой выбора они эквивалентны).

Моделирования, связанные с алгоритмическими вопросами, как правило, используют такое идеальное орудие, как принцип потенциальной осуществимости.

Первые два уровня идеализации используются во всякой научной деятельности, в том числе и в «сугубо» экспериментальных науках. Но, конечно, разные науки характеризуются разными формами и степенями идеализации. Более того, разные направления одной и той же науки могут характеризоваться разными формами и степенями идеализации.

Использование идеализации третьего уровня является характерной особенностью математики. Использование ее в приложениях математики порождает приведение в соответствие с ней первых двух уровней идеализации, их форм и степеней. Отметим также, что и третий уровень идеализации имеет разные формы и степени.

Уже первые два уровня идеализации несут восхождение на метапредметный уровень поисково-исследовательской деятельности, так что всякая наука характеризуется метапредметной деятельностью. Присущий приложениям математики третий уровень идеализации создает качественно новую ситуацию: он несет направленность не просто на более высокие уровни метапредметной деятельности, а на использование *орудий, несомых идеальными способами исследования идеальных объектов в рамках идеальных миров*, являющихся эффективными *мета-моделями* орудий поисково-исследовательской деятельности. В этом смысле он несет восхождение на уровень *метатеоретической деятельности*. Идеализации третьего уровня не могут не быть важным предметом когнитивистики и эпистемологии.

Особенность «чистой» математики, зримо проявляющаяся в процессах становления фундаментальных понятий математики, состоит в том, что идеализация первого уровня направлена на сами орудия математической деятельности. В отличие от типичных задач, связанных с приложениями математики, задачи формирования математических понятий, долженствующих играть в математической деятельности многофункциональные стратегические роли, отличаются многомерностью и многоуровневостью. Они имеют существенно иной характер и существенно иные масштабы. Не случайно фундаментальные мате-

математические понятия явились продуктами многопоколенной научной деятельности.

Третий уровень идеализации в таких процессах, сплавленный с первым и вторым, состоит *в развитии идеальных способов исследования идеальных объектов в рамках идеальных миров, в формировании и развитии их орудий и «средств производства» таких орудий*, являющихся мета-формами и мета-средствами поисково-исследовательской деятельности, ее продуктивными мета-моделями. В этом существе «чистой» математики как того лика математики, который развивается в направлениях, «имеющих все более отдаленное отношение к эмпирическим данным». «Чистая» математика, формирующая и развивающая орудия метатеоретической деятельности, имеет мета-метатеоретический уровень. (Но сама деятельность в этой области для ее субъектов чаще всего предстает как деятельность намного более низкого уровня.)

Двойственность, присущая природе математики, ее «двойкий лик» — это взаимодействия открывательской и изобретательской деятельности, это взаимодействия исследовательской деятельности и деятельности, направленной на формирование ее орудий, это то, что ведет к наращиванию потенции ее дальнейшего развития, при этом сохраняя и углубляя ее единство, ее двуединство.

В действительности более правомерно говорить не о двух, а о трех ликах математики, о ее триединстве, а не двуединстве (что согласуется с трехуровневостью научных знаний. См. [Лебедев 2010, 70]). Ее третьим ликом является метаматематика, та ее область, которая одновременно является метапредметной по отношению к ней. Метаматематика несет *развитие идеальных способов исследования ее второго лика, т.е. концептуального аппарата и «технических» средств метатеоретического моделирования, осуществляемого и реализуемого с помощью идеальных способов исследования*. Результаты метаматематики, являющиеся продуктами погружения в сокровенные глубины математической деятельности, сами становятся и продуктивными стратегическими, и продуктивными «техническими» ее орудиями, и «средствами производства» таких орудий.

Формирование, использование и развитие идеальных орудий, идеальных способов исследования (в том числе и обоснования его результатов), идеальных «средств производства» является не просто родовой и даже не просто видовой, но индивидуальной характеристикой математики. *Математика — это развивающееся концептуальный аппарат и «технические» средства метатеоретического моделирования, осуществляемого и реализуемого с помощью названных трехуровневых идеализаций*. Тем самым она является областью знания, предметом которой являются мета-формы и мета-способы поисково-исследовательской деятельности. Тем самым она является сокровенным ядром эпистемологии и когнитивистики. В метапред-

метном характере предмета математики и ее орудий объяснение необозримой широты ее применений.

Так как осуществимость и полнокровная реализуемость третьего уровня идеализации возможна только при осуществлении первого и второго ее уровней, то последний тезис можно переформулировать так: *математика — это развивающиеся концептуальный аппарат и «технические» средства метатеоретического моделирования, осуществляемого и реализуемого с помощью идеальных способов исследования, развиваемых посредством формирования и развития их орудий и «средств производства» таких орудий.* (Заметим, что и сами «средства производства» становятся прямыми орудиями идеальных способов исследования.) А значит, математика является областью деятельности, предметом которой являются *мета-формы* поисково-исследовательской деятельности, ее стратегий и ее *мета-способы*. А значит, *математика — это когнитивная инженерия.* А значит, *математика — это, прежде всего, развивающееся субъектное начало*, несущее возможность все более глубинного самопознания человека как Человека Исследующего и тем несущее его преобразование и открывающее возможность постижения все более глубинных законов бытия. В конечном счете в этом источник поразительной эффективности математики.

Заметим, что формирование «средств производства» орудий идеальных способов исследования также нуждается в соответствующих орудиях. Имеется множество математических теорий, направленных на формирование и развитие таких орудий и прямых орудий идеальных способов деятельности. Сама постановка вопроса о возможности «получить эмпирическую интерпретацию» этих «абстрактных» теорий, представляющих «чистые (формальные) схемы», и утверждение, что «попытки найти фундаментальную реальность, заключенную в понятиях класса, множества, функции и т.п. ... представляются... не имеющими оправдания в сути абстрактной математики» [Перминов 2012, 34], характеризуют уход от сути дела [Когаловский 2014, 69].

Рождаемые моделированием продуктов научной и философской рефлексии идеальные способы исследования идеальных объектов рождают обращенность к возможным идеальным мирам, а с нею обращенность к проблемам формирования и развития орудий исследований в таких мирах (каковые не могут не быть идеальными орудиями) и «средств производства» таких орудий. Наличествующий опыт формирования, применений и развития таких орудий в уже освоенных идеальных мирах, опыт применения такого рода достижений в прикладных исследованиях служат первичным направляющим средством в решении таких проблем и средством первичных испытаний на продуктивность относящихся к ним новых результатов.

В условиях исследования идеальных способов изучения идеальных объектов, погруженных в идеальные миры, и приложений его резуль-

татов, в условиях нарастания разнообразия рассматриваемых объектов и методов их исследования происходит развитие субъектов такой деятельности, рождается новый тип мышления, новый тип рефлексии. Его развитие сопровождается развитием воображения, нарастанием дальновидения и дальнодействия мышления, нарастанием его многомерности и многоуровневости. Оно сопровождается тягой к развитию единства нарастающего многообразия достигаемых результатов, к продуктивным систематизациям достигнутых результатов. Все это ведет к нарастанию потенции дальнейшего развития такой деятельности и самих ее субъектов. Нарастающее разнообразие исследуемых идеальных миров способствует и более глубокому постижению миров, ставших классическими, усмотрению их уникальности.

Обращения к возможным мирам обогащают математику и как «часть физики» и ведут к далеко идущему ее развитию.

Достижения математики в области исследования идеальных способов исследования делают ее важной «частью» эпистемологии, а формируемые и развиваемые ею орудия таких исследований делают все более необходимой, все более значимой ее роль в научных и технических исследованиях.

Обращенность математики к возможным мирам делает ее важным компонентом становящегося концептивизма, ставящего своей задачей «создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик» [Эпштейн 2003, 87]. Термин «концептивизм» указывает на «зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их в соответствующих гипотетических и попперовских модальностях» [Эпштейн 2003, 87]. Согласно концептивизму, задача философии — «расширять и умножать “мирность” мира, его концептуальную мыслимость, которая не сводима к одному из миров» [Эпштейн 2003, 87]. Это и задача математики. «Теперешняя стадия философии характеризуется тем, что идея, созревшая в царствах природы и истории, познается в ее возможностях, выводящих за пределы природы и истории. Целью и устремлением философии на стадии концептивизма является выход понятия за пределы действительности, полагание новых форм бытия, которые еще не оформились и нуждаются в метафизических началах, основополагающих принципах» [Эпштейн 2003, 87]. В такой же мере это относится и к математике.

Более того, та роль, которую в математике играет обращенность к возможным мирам, делает ее важным компонентом становящейся *культуроники*, понимаемой как «гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры; активное преобразование культуры как следствие или предпосылка ее теоретических исследований» [Эпштейн 2003, 87].

Многомерность и многоуровневость – характеристические черты математики, проявляющие родовую сущность человека [Волкова 2014, 57].

Прояснение когнитивной природы математики имеет не только эпистемологическую значимость. Так, оно открывает возможность исследования, основывающегося на более твердых основаниях, следующих вопросов (являющихся по сути разными формами выражения одного и того же вопроса):

а) в какой мере сегодняшнее общее математическое образование отвечает когнитивной и эпистемологической природе математики – как метатеоретической области знаний с возможностями, несомыми ею в этом ее качестве, или только как «части физики»?

б) в какой мере обучение математике в общеобразовательной школе способствует тому, чтобы учащиеся становились архитекторами своего интеллекта? Или, может быть, оно способствует лишь тому, чтобы они развивались как его каменщики?

Обращение к идее моделирования способствовало продвижению в прояснении природы математики. Это продвижение открывает возможность прояснению места и роли моделирования в исследовательской деятельности, усмотрения в моделировании ее ведущего механизма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Арнольд 1998 – *Арнольд В.И.* О преподавании математики // Успехи математических наук. 1998. Т. 53. Вып. 1 (319). С. 229–234.

Вартофский 1988 – *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание. – М.: Прогресс, 1988.

Вигнер 1968 – *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. Т. 94. Вып. 3. С. 535–546.

Волкова 2014 – *Волкова В.О.* Духовная симфония человека. – СПб.: Алетейя, 2014.

Когаловский 2014 – *Когаловский С.Р.* К проблеме реальности математики // Научный поиск. 2014. № 4 (14). С. 65–72.

Когаловский 2016a – *Когаловский С.Р.* К проблеме непостижимой эффективности математики // Научный поиск. 2016. № 1 (19). С. 61–64.

Когаловский 2016b – *Когаловский С.Р.* Меон и эйдос в математической деятельности // Вестник Ивановского государственного университета (Серия «Гуманитарные науки»). 2016. Выпуск 2 (16). С. 43–54.

Крушанов 2015 – *Крушанов А.А.* Возвращаясь к проблеме «непостижимой эффективности математики» // Вестник Российского философского общества. 2015. № 4 (71). С. 101–107.

Лебедев 2010 – *Лебедев С.А.* Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 62–75.

Лосев 1982 – *Лосев А.Ф.* Диалектика творческого акта (краткий очерк) // Контекст 1981 / под ред. Я.Э. Эльсберг. – М.: Наука, 1982.

Нейман 1983 – Нейман Дж. фон. Математик // Природа. 1982. 1983. № 2. С. 88–95.

Перминов 2012 – Перминов В.Я. Реальность математики // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 24–39.

Пиаже 1983 – Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. С. 90–101.

Постников 1997 – Постников М.М. Является ли математика наукой? // Математическое образование. 1997. № 2. С. 83–88.

Эпштейн 2001 – Эпштейн М. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. – СПб.: Алетейя, 2001.

Эпштейн 2003 – Эпштейн М. Культура как предмет творчества // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. – СПб.: Эйдос, 2003. № 15.

ON THE NATURE OF MATHEMATICS

S.R. KOGALOVSKII

Summary

The article examines attempts to clarify the nature of the remarkable effectiveness of mathematics referred to in the well-known work of E. Wigner and analyzed recent work on the problem of the reality of mathematics. The main result of this paper is the clarification of the cognitive nature of mathematics: mathematics is a developing conceptual framework and «technical» tools of metatheoretic modeling performed and used with the help of ideal methods of research developed through the formation and development of their tools and the “means of production”. So, mathematics is, first of all, developing subjectivity which carries the possibility of deepening self-knowledge of man as of Man Investigating and an opportunity to discover deeper laws of the world. Ultimately this is the source of its remarkable effectiveness. The clarification of the cognitive nature of mathematics opens up the opportunity to research the following issue: the extent to which today's General mathematical education meets its cognitive and epistemological nature - as metatheoretic area of knowledge with opportunities arising from this its quality, or only as “part of physics”.

Keywords: ontology, subjectness, meta-object modeling, cognitive nature of mathematics.

Kogalovskii, Sergey – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Department of Mathematics, Physics and Teaching Methodology, Shuya branch of Ivanovo State University, Shuya.
askogal@yandex.ru

Citation: *KOGALOVSKII S.R.* (2017) On the Nature of Mathematics. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 80-95.

REFERENCES

Arnold V.I. (1998) ‘On Teaching Mathematics’. In: *Advances in Mathematical Sciences*. 1998. Vol. 53. Is. 1 (319), pp. 229-234 (in Russian).

Epstein M. (2001) *The Philosophy of the Possible. The Modalities in Thought and Culture*. Saint Petersburg, 2001 (in Russian).

Epstein M. (2003) 'Culture as a Subject of Creativity'. In: *International Readings on Theory, History and Philosophy of Culture*. Saint Petersburg, 2003. Vol. 15 (in Russian).

Kogalovskii S.R. (2014) 'To the Problem of the Reality of Mathematics'. In: *Scientific Search*. 2014. Vol. 4 (14), pp. 65-72 (in Russian).

Kogalovskii S.R. (2016) 'To the Problem of Incomprehensible Efficiency of Mathematics'. In: *Scientific Search*. 2016. № 1 (19), pp. 61-64 (in Russian).

Kogalovskii S.R. (2016) 'Meon and Eidos in Mathematical Activities'. In: *Bulletin of Ivanovo State University (Series Humanities)*. 2016. Issue 2 (16), pp. 43-54 (in Russian).

Krushanov A.A. (2015) 'Returning to the Problem of «the Incomprehensible Effectiveness of Mathematics»'. In: *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2015. Vol. 4 (71), pp. 101-107 (in Russian).

Lebedev S.A. (2010) 'The Levels of Scientific Knowledge'. In: *Voprosy filosofii*. 2010. Vol. 1, pp. 62-75 (in Russian).

Losev A.F. (1982) 'Dialectics of the Creative Act'. In: *Context 1981*. Moscow, pp. 48-78 (in Russian).

Neumann J. von. (1983) 'Mathematician'. In: *Nature*. 1983. Vol. 2, pp. 88-95 (Russian trans.).

Perminov V.Ya. (2012) 'The Reality of Mathematics'. In: *Voprosy filosofii*. 2012. Vol. 2, pp. 24-39 (in Russian).

Piaget J. (1983) 'The Psychogenesis of Knowledge and Its Epistemological Significance'. In: *Semiotics*. Moscow, pp. 90-101 (Russian trans.).

Postnikov M.M. (1997) 'Is Mathematics a Science?' In: *Mathematics Education*. 1997. Vol. 2, pp. 83-88 (in Russian).

Volkova V.O. (2014) *A Spiritual Symphony of a Man*. Saint Petersburg, 2014. (in Russian).

Wartofsky M. (1979) *Models. Representation and Scientific Understanding* (Russian translation: Progress, Moscow, 1988).

Wigner E. (1968) 'The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences'. In: *Advances in Physical Sciences*. 1968. Vol. 94. Issue 3, pp. 535-546 (in Russian).

ОНТОЛОГИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**Б.И. КУДРИН****Аннотация**

Мертвое физическое породило живое, биологическое явило материальное, техническое. Техноэволюция объяснима технетикой – наукой о технической реальности. Техническое преобразовало биосферу в техносферу. Жизнь человека невозможна вне составляющих технетики. Это сущности: техника, технология, материалы, продукты потребления, эко-воздействие. Техническое может быть мертвым, живым, технетическим. Каждая из составляющих документально конструируется по законам первой научной картины мира. Изготовленное изделие как штука-особь отличается гауссово от расчетных параметров вида. Множество технических изделий образует сообщества – техноценозы. Они объективно характеризуются инвариантностью видовой структуры и соотношением «крупное–мелкое». Ценологический математический аппарат гиперболических H -распределений составляют основу мировоззрения третьей научной картины мира с видением мира при отсутствии среднего и бесконечно большой дисперсией. Техноэволюция определяется законом информационного отбора, диктующим три узловые точки научно-технического прогресса.

Ключевые слова: техническая реальность, наука технетика, единство сущностей, гиперболическое распределение, техноценоз, инвариантность структуры, информационный отбор, без среднего.

Кудрин Борис Иванович – доктор технических наук, профессор кафедры философии Национального исследовательского университета МЭИ (Московский энергетический институт), российский исследователь техники.

www: kudrinbi.ru
coenose@rambler.ru

Цитирование: КУДРИН Б.И. (2017) Онтология технической реальности // Философские науки. 2017. № 6. С. 96–103.

Трудно назвать все вопросы, которые возникли, когда человечество во второй половине XX в. начало осознавать возможную гибель цивилизации, а вместе с тем и свою собственную. Основным среди них, хотя до конца и не осознаваемым в таком качестве, является вопрос о самой цивилизации как особом состоянии материи и, если так можно выразиться, о физической природе цивилизации, ее естественном базисе.

Ответ на него ищут в рамках двух общепризнанных и хорошо разработанных научных картин мира: первой – классической электро-механической Ньютона – Максвелла, второй – постклассической вероятностно-статистической.

Однако эти картины мира игнорируют тот существенный факт, что цивилизация порождена индустриализацией, что она имеет сугубо

техническую природу. Даже в каждом и любом животном и растении, не говоря уже о человеке и его непосредственной среде, можно обнаружить техногенное присутствие. Примеры: дуст в пингвинах, остатки лекарств в питьевой воде Калифорнии. Или: после семи дней ходу от ближайшего жилья (пешком по тайге) мною был собран лишайник *Usnea longissima Ach.*, в котором тяжелых металлов оказалось в 3–5 раз больше, чем в образцах 1939 г. Техническая реальность проникла вглубь на километры, недоступные живому, а верхние границы уже непредсказуемо выше. Таким образом, я обращаю внимание на факт, что техносфера, не став ноосферой, по Тейяру де Шардену и Вернадскому, поглотила, упрощенно говоря, биосферу.

Это позволяет выдвинуть концепцию ценологического видения мира, согласно которой цивилизация выступает как техническая реальность, появление, существование и развитие которой объективно и диктует жизнь, поведение, деятельность любого и каждого индивида. Речь идет о техническом уровне материи, а техническое бытие развивается по своим собственным законам, которые поддаются строгому сугубо научному математизированному обобщению и для своего понимания не требуют «примысливания» человека. Такая наука о технической реальности и эволюции может быть названа неологизмом – технетикой [Кудрин 1996] как шаг вслед за физикой и биологией. Технетика перекрывает кибернетику, действующую в рамках системной методологии второй научной картины мира.

Технетика выдержана в духе постнеклассического мировоззрения, исследуя сообщества (техноценозы, от *cenosis*) слабо связанных и слабо взаимодействующих изделий, классифицируемых как штуки-особи по видам в цехах и заводах, квартирах и городах, отраслях и регионах, по стране в целом. Тем самым технетика осмысливается как та последняя реальность, к которой мы подошли, желая, если говорить по Аристотелю, выяснить первые начала для сущего как такового или, пользуясь языком Хайдеггера, первоначально, в самом грубом виде понять, что такое действительность, по крайней мере, действительность нашего человеческого дома.

Технетика сущностно включает пять составляющих (что было реализовано еще 2,5 млн лет назад *homo habilis*, человеком умелым, уже изготавливавшим до 80 видов изделий из кремниевых пород, дерева, растений) [Ферсман 1946 (ред.)]: создаваемую и эксплуатируемую технику, разрабатываемую и применяемую технологию, получаемые и используемые материалы, производимую и потребляемую продукцию, возникающие и частично реализуемые отходы. И каждая из сущностей как объект познания и управления характеризуется своим техноценозом, инженерно изучаемым и используемым с 1967 г., философски осмысливаемым с 1976 г. [Лем 1973].

Рассмотрим последовательно все пять сущностей.

Техника – онтологическая основа, своего рода субстанция технической реальности. Лишь она обеспечивает производственную и культурную деятельность человека, саму возможность социальной и личной жизни, существование информационной и социальной реальностей. Техника в ее сегодняшнем развитии представляет собой совокупность таких изделий, каждое из которых алгоритмически закреплено документом [Единая система конструкторской документации (ЕСКД) 1991]. Гносеологически не ясен механизм структурной гиперболической *H*-устойчивости каждого техноценоза при эволюционном росте видового разнообразия, непрерывном вымирании технических видов и смерти каждой особи-штуки-изделия из-за физического износа и морального старения. Но в любом случае техника образует каркас, структуру любого ценоза.

Технология – в древности абстрактно формулируемое знаками и устно передаваемое, а сейчас документально фиксируемое информационное и социальное знание того, каким образом, где и на чем, из чего и как можно что-либо изготовить [Единая система технологической документации (ЕСТД) 1982]. Технология – душа технической реальности; это знание, пусть морально и стареющее, но тем не менее – закрепляющееся в культуре навечно.

Материал – сущностно есть нечто материальное: физическое, биологическое, техническое, появляющееся на краткое время, чтобы воплотиться в другой материал или в конечный *продукт*, выпуск которого порождает *экологические* последствия (отходы, сбросы, выбросы).

Собственно техника мною делится на технику мертвую (болт, молоток), локально не противодействующую законам термодинамики; технику живую, т.е. сделанную сознательно по чертежам – генам (трансгенные продукты, овечка Долли); технетическую (электродвигатель, автомобиль, дом), которая индивидуализируется паспортом (нумеруется) и для своего функционирования требует энергии, материала, инфраструктуры, информационного и социального обеспечения. Именно технетическая техника составляет в XXI в. материальную и идеальную основу любого функционирующего и эволюционирующего техноценоза. Объективность развития и наличие технической реальности как таковой признаны лишь в XX в., когда техническое ушло от Каппа и Форда в компьютерную непредсказуемую всеобщность Гейтса.

Здесь принципиально: все, что делается технетикой, точно и однозначно определяемо законами первой научной картины мира, где устойчивые элементарные частицы (электрон, нейтрон, фотон и др.) неотличимы друг от друга. Но есть парадокс, не осмысливаемый философами: точно рассчитанное в принципе не может быть изготовлено точно в таком же виде. Всегда есть допуски и отклонения. И это не случайность, а проявление действия второй, вероятностно-

статистической (получившей общее признание после дискуссии о вероятностной причинности Бора – Эйнштейна), в пределе – гауссовой, картины мира. Мысленная конструкция Ньютона – Максвелла реализуется элегантно «Мерседесом», допуски на параметры которого определяются математическим ожиданием и предсказуемы дисперсией (допустимой ошибкой).

Посмотрим на ценологическую структуру мира максимально обобщенно. Через три минуты после «Большого Взрыва» – создания Вселенной – родились элементарные частицы, затем атомы и химические элементы, галактики, Солнечная система, минералы и т.д. Образовывались сообщества-ценозы чего-либо, где как элемент выделяется дискретная штука-особь, обязательно классифицируемая по видовым признакам (кролик, заяц). Оказалось, что любой ценоз в постнеклассических рамках третьей научной картины мира структурно неотличим по параметрам гиперболического H -распределения, характеризующим разнообразие и соотношение «крупное – мелкое».

Для распределения интенсивности гравитационного поля звездных систем (галактик) это сделал Хольцмарк (1910), получивший характеристический показатель $\alpha=1,55$. Для минералов Земли – Ферсман (тоже 1,5, а это позволяет рассматривать каждое месторождение и каждый образец как ценоз). Биоценозы с начала XX в. многие H -структурировали и получали аналогичные результаты [Williams 1964], включая работы акад. Сукачева по Крыму в 20-е гг. Техноценозы впервые в мире с 1967 г. исследованы мною на основе 1000 выборок и генеральных совокупностей, охватывающих свыше 2,5 млн штук-особей-единиц оборудования (техники), технологии, материалов, продукции, отходов с показателем разнообразия видов $0,5 < \alpha < 1,5$ для каждой из сущностей технетики. Изучение информценозов связывают с законами Ципфа, Брэдфорда, Мандельброта; социоценозов – с Бальби (1830), Парето (1897). Парето-закон проверен по энергозатратам, продукции, штатам по всем предприятиям черной металлургии [Черметэлектро 1995] за 21 год, а с 1990 г. – по всем регионам Российской Федерации (это послужило ценологической основой стратегического прогноза электропотребления на перспективу).

Во всех случаях структура, математический аппарат H -распределений оказываются идентичными, результаты – переносимыми из одной области в другую. Несмотря на субъект-объектные различия физической, биологической, технической, информационной, социальной реальностей, общность структуры ценозов позволяет встать на позицию познавательного оптимизма и говорить о трансдисциплинарности ценологии. Что создает ценологическую идентичность структур – вот сугубо научная проблема, которая оказывается в то же время и философским вопросом, восходящим к античным первоисточникам этой древнейшей области знания.

Говоря о единстве Мира, можно говорить о наличии и направленности отбора, обеспечивающего эволюцию и отражающего специфику той или иной реальности. Эволюция любого технического определяется законом информационного отбора, который отличается от дарвиновских представлений (1859) отделением документа от самого изделия. Вектор техноэволюции объективно однонаправлен и необратим. Генотип – перечень чертежей изделия – зажил собственной жизнью, определяемой документальным отбором. Фенотип – изготовленное изделие, появившись, не эволюционирует, хотя стареет и умирает. Закон задает видовое и параметрическое разнообразие структуры техноценозов, т.е. определяет соотношение «редкое – частое», «крупное – мелкое».

Одновременно закон информационного отбора, если привлечь для его интерпретации кибернетический подход Шмальгаузена, определяет схему техноэволюции. Схема очерчивает три узловые точки научно-технического прогресса. **Первая:** НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, в результате которых создается технический вид как некоторый абстракт, прообраз, служащий для последующего изготовления штуки-особи изделия как продукта по определенной технологии, из определенных материалов, продукции заданных параметров с регламентированными отходами (съездами КПСС и сейчас определенная как «машиностроение»); **вторая** – комплекс видов деятельности, включая инвестиционное проектирование, обеспечивающий построение, функционирование, развитие ценоза (завод, регион) – капитальное строительство (Госстрой, фирмы); **третья** – собственно информационный отбор (штрих-код, Госплан, рынок), опирающийся на нормативные, рыночные, экологические и другие ограничения. В отличие от биоэволюции техноэволюция возможна в виртуальном варианте, порождающем документ, что и объясняет несравнимо большие темпы эволюции.

Обращаясь к классической, постклассической, постнеклассической научным картинам мира, следует отметить дискретность объекта-ценоза, особи-штуки, вида исследуемого рода и общность структуры. Различие выражается в том, что каждая из картин опирается на свои научные постулаты, области применения, специфический математический аппарат, свои идеальные объекты исследования, наконец, свои методы познания.

Аристотель считал, что «суть бытия не существует ни в чем, что не есть вид рода» [Аристотель 1934]. Будем мысленно определять и отделить вид для каждой из реальностей: физической, биологической, технической, информационной, социальной. Тогда я вижу, что Мир, единый в момент рождения Вселенной, породил 10 стабильных элементарных частиц. Из них было сотворено сто – 10^2 химических элементов Менделеева, из которых на Земле образовано 10 тысяч – 10^4 минералов.

Природа не остановилась на этом, создав 10^8 видов живого, скачком продолжив эволюцию – 10^{16} технического, а запутавшись в сделанном – 10^{32} единиц информации, которые отражают 10^{64} фиксированных единиц действий социального. Уже говорят, что объем данных, накопленных человечеством к 2020 г., составит 40 зеттабайт ($1 \text{ ZB} = 10^{21}$ байт). Последняя величина предлагаемого ряда близка к числу элементарных частиц во Вселенной, принимаемому по Дж. Литлвуду равным 10^{79} . Не есть ли это достижение равновеликости бытия, измеренного таким числом? А идеальное, замкнутое на Интернет и компьютерный интеллект, видится конечным на сегодня результатом цивилизации.

Напомним, что вопрос о биологическом виде закрыт Линнеем (1735). Его бинарная номенклатура признана естествоиспытателями. Для технического (до завершения индустриализации) еще существовала в мире и в стране документация, в которой содержался весь перечень технических видов (см. историю ленд-лиза США – СССР). Для XXI в. ценологическая теория однозначно запрещает возможность иметь полный перечень технических видов, понимая под этим (1974) [Справочник американской техники и промышленности 1946] все то, что требует для изготовления и пользования своей собственной технической документации на модель, марку, тип, типоразмер, артикул, профиль, сортамент и др.

Итак, все реальности образовались последовательно – одна за и из другой, существуют как самодостаточные, эволюционируют по своим вполне определенным законам, ориентируясь, с точки зрения классической науки, на идеальные объекты, состояния, явления, процессы, виды. Но фактическая реализация идеального образца ведет к отличиям от «задуманного» Природой (человеком); каждое единично «созданное» находится в границах видовых параметров, определяемых, в пределе, нормальным законом Гаусса. Единичное разных видов и разных реальностей неотвратимо собирается в сообщества-cenosis, образуя своего рода «трансцендентные» объекты.

Для познания последних необходимо конвенционно обозначить границы ценоза и дать качественное его описание, преодолеть счетность элементов и практическую бесконечность наличествующих слабых связей и слабых зависимостей; ввести родо-видовые отношения; и, применив *H*-анализ, сформулировать организационно-управленческие цели, опирающиеся на структурную устойчивость разнообразия и на соотношение «крупное – мелкое».

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1934 – *Аристотель*. Метафизика. Кн. 7. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.

Единая система конструкторской документации 1991 – Единая система конструкторской документации. Общие правила выполнения черте-

жей. – М.: Гос. комитет СССР по управлению качеством продукции и стандартам, 1991.

Единая система технологической документации 1982 – Единая система технологической документации. Термины и определения основных понятий. – М.: Изд-во стандартов, 1982.

Кудрин 2014 – *Кудрин Б.И.* Отличие ценологического *H*-закона от законов и распределений Парето–Хольцмарка–Виллиса–Лотки–Брэдфорда–Ципфа–Мандельброта // Семнадцать лекций по общей и прикладной ценологии. Лекция 7. 3-е изд. – М.: Технетика, 2014.

Кудрин 1996 (ред.) – Математическое описание ценозов и закономерности технетики. Философия и становление технетики / под ред. Б.И. Кудрина. Вып. 1. Доклады Первой Международной конференции. Новомосковск, 24–26 января 1996 г. Философия и становление технетики. Вып. 2. Ценологические исследования. – Абакан: Центр системных исследований, 1996.

Лем 1973 – *Лем С.* Рекомендательное письмо в журнал «Вопросы философии» от 01.11.1973.

Справочник американской техники и промышленности 1946 – Справочник американской техники и промышленности. Т. 1. – Нью-Йорк: Амторг, 1946.

Ферсман 1946 (ред.) – Рассказы о науке и ее творцах / под общ. ред. акад. А.Е. Ферсмана. – М.: Л., 1946.

Черметэлектро 1995 – Информационный банк «Черметэлектро». – М.: Электрика, 1995.

Яблонский 1986 – *Яблонский А.И.* Математические модели в исследовании науки. – М.: Наука, 1986.

Williams 1964 – *Williams C.B.* Patterns in the Balance of Nature, and the Related Problems in Quantitative Ecology. – L., N. Y.: Academic Press, 1964.

ONTOLOGY OF TECHNICAL REALITY

B.I. KUDRIN

Summary

The physical lifeless created the alive, the biological gave rise to the material technical. The laws of technical evolution are explained by the technetics – the science of technical reality. The technical transformed the biosphere into technosphere. The life of man is impossible without the components of the technetics. These are the essences: technique, technology, materials, products of consumption, ecological influence. The technical may be lifeless, alive, technical. Each of the components is documentary constructed according to the first world science concept laws. The manufactured product as an individual unit differs by Gauss from the calculated parameters of species. The quantity of technical units of enterprise or city forms singular communities – technical coenosises. They are characterized by the invariance of coenosis structure: the invariance of coenosises' structure and the big-small ratio. The cenological mathematical apparatus of hyperbolic *H*-distributions form the foundation of the third science world concept. The technical evolution is defined by the informational selection law, dictating three main points of scientific-technical progress.

Keywords: the technical reality, the technetics: technique, technology, materials, products of consumption, ecological influence, the individual unit, the technical unit, the invariance structure; the informselection.

Kudrin, Boris – D.Sc in Technology, Professor of the National Research University *Moscow Power Engineering Institute*, Russian technology researcher.

www: kudrinbi.ru

coenose@rambler.ru

Citation: *KUDRIN B.I. (2017) Ontology of Technical Reality In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 6, pp. 96-103.*

REFERENCES

Aristotel (1934) *Metaphysics*. Russian Translation: State Socio-economic publishing house, Moscow, Leningrad, 1934.

Directory of American Technology and Industry (1946) Vol. 1. American Joint-Stock Company “Amtorg”, New York.

Fersman A.E. (ed.) (1946) *Stories about Science and its Creators*. Moscow, Leningrad (in Russian).

Informational bank “Chermetelectro” (1995). Electrica, Moscow (in Russian).

Kudrin B.I. (ed.) (1996) *Mathematical Description of Coenosis and the Laws of Technetics 1996. Philosophy and Emergence of Technetics*. Iss. 1. Reports of the First International Conference. Novomoskovsk, January, 24–26, 1996; Iss. 2. Philosophy and Emergence of Technetics. “Coenological Research”. Centre of Systems Research, Abakan (in Russian).

Kudrin B.I. (2014) ‘Difference Between Coenological *H*-law and the Distribution Laws of Pareto – Holtsmark – Willis – Lotka – Bredford – Zipf – Mandelbrot’. In: 17 Lectures on General and Applied Coenology. 3rd ed. Lecture 7. Technetics, Moscow (in Russian).

United System of constructional documentation. General rules for making working drawings (1991). State Committee on the Quality of Production and Standards Management, Moscow (in Russian).

United System of Technological Documentation. Terms and Definitions of Main Conception (1982). Editions of Standards, Moscow (in Russian).

Williams C.B. (1964) *Patterns in the Balance of Nature, and the Related Problems in Quantitative Ecology*. Academic Press, London and New York.

Yablonsky A.I. (1986) *Mathematical Models in Science Research*. Science, Moscow (in Russian).



ФИЛОСОФИЯ ЦИФРОВОГО МИРА



Цифровая цивилизация: вызовы и трансформации современности

СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: БУДУЩЕЕ. ВОЙНЫ. СИНЕРГЕТИКА*

Т.С. АХРОМЕЕВА, Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, С.А. ПОСАШКОВ

Аннотация

Стремительное развитие цифровой реальности сейчас ставит человечество перед выбором направления его будущего прогресса. В статье рассматривается вариант технологического будущего, выдвинутый экспертами Всемирного экономического форума в Давосе, и его альтернатива. Особое внимание уделено информационным войнам, рефлексивным технологиям, а также проекту создания сети ситуационных центров, который сейчас реализуется в России.

Анализ тенденций развития, рисков и перспектив ведется с позиций постнеклассической научной рациональности, теории рефлексивного управления и теории самоорганизации.

Ключевые слова: цифровая реальность, постнеклассическая научная рациональность, информационные войны, проектирование будущего, междисциплинарные подходы, рефлексивное управление, синергетика, взаимодействие «субъект – среда», система ситуационных центров России, новая индустриализация.

Ахромеева Татьяна Сергеевна – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша, Москва.

maglichek@gmail.com

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, заведующий отделом Института прикладной математики им. М.В. Келдыша, Москва.

gmalin@keldysh.ru

Посашков Сергей Александрович – кандидат физико-математических наук, декан факультета прикладной математики и информатики Финансового университета при Правительстве РФ, Москва.

s.posashkov@fa.ru

Цитирование: АХРОМЕЕВА Т.С., МАЛИНЕЦКИЙ Г.Г., ПОСАШКОВ С.А. (2017) Смыслы и ценности цифровой реальности: Будущее. Войны. Синергетика // Философские науки. 2017. № 6. С. 104–120.

* Исследование выполнено за счет грантов Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 15-03-00404 и № 16-23-01005), Института прикладной математики им. М.В. Келдыша и Российского научного фонда (проект № 17-18-01326, Институт философии).

В 1960–1980-х гг. произошла первая цифровая революция. Основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб в работе «Четвертая промышленная революция» называет ее *третьей промышленной революцией* и полагает, что «ее катализатором стало развитие полупроводников, использование в шестидесятых – персональных компьютеров и сети Интернет в девяностых» [Шваб 2017, 16]. По его мысли, сегодня мир стоит у истоков четвертой промышленной революции, которая вновь будет цифровой: «Ее основные черты – это “вездесущий” и мобильный Интернет, миниатюрные производственные устройства (которые постоянно дешевеют, искусственный интеллект и обучающие машины» [Шваб 2017, 16].

По-видимому, такая интерпретация происходящих в последние полвека перемен является либо их недооценкой, либо сознательным введением в заблуждение. И в этой статье мы представим другой взгляд на сущность, цели и перспективы цифровой революции. На наш взгляд, она не является в полном смысле промышленной, – ее влияние на производственные технологии оказалось гораздо меньше, чем ожидалось и планировалось. Широкое внедрение компьютеров в промышленность пока не оправдывает возлагавшихся на них надежд. Влияние цифровой революции на общество, человека и перспективы развития цивилизации гораздо глубже и масштабнее. Это влияние требует философского и методологического анализа и переосмысления стратегии развития России.

Основа научной деятельности – диалог. И в этих заметках мы будем опираться на упомянутую работу К. Шваба и дискутировать с ней. В этой работе представлен вариант будущего, в котором нет места для России. Мы будем дискутировать также с глубокой и содержательной книгой В.Е. Лепского [Лепский 2016], в которой отчасти дается ответ на вопрос, как использовать «окно возможностей», связанное с освоением информационной Вселенной и как отвечать на вызовы второй цифровой революции.

Будущее

Мечты, которые сбываются, – не мечты, а планы.

А. Вампилов

Давосский экономический форум представляет собой не только площадку для обмена мнениями политиков и общественных деятелей. Это прежде всего точка сборки экспертного сообщества, ориентированного на проектирование будущего, на то, чтобы показать транс-

национальным корпорациям и крупнейшим мировым компаниям их место в происходящих переменах, объяснить им «их маневр».

Каким же мыслится будущее экспертам Давоса? Чтобы представить это, достаточно взглянуть на переломные моменты, которые, по мнению Международного экспертного совета, должны произойти до 2025 г. [Шваб 2017]:

- 10% людей носят одежду, подключенную к сети Интернет;
- 90% людей имеют возможность неограниченного и бесплатного (поддерживаемого рекламой) хранения данных;
- 1 триллион датчиков, подключенных к сети Интернет;
- первый робот-фармацевт в США;
- 10% очков для чтения подключены к сети Интернет;
- 80% людей с цифровым присутствием в сети Интернет;
- производство первого автомобиля при помощи 3-D печати;
- первое правительство, заменяющее перепись населения источниками больших данных;
- первый имеющийся в продаже имплантируемый телефон;
- 5% потребительских товаров создано с помощью технологии 3D-печати;
- 90% населения используют смартфоны;
- 90% населения имеют регулярный доступ к сети Интернет;
- бесплатные автомобили составляют 10% от общего количества автомобилей на дорогах США;
- первая пересадка печени, созданной с использованием технологии 3D-печати;
- 30% корпоративных аудиторских проверок проводит искусственный интеллект;
- правительство впервые собирает налоги при помощи цепочки блоков (технологии блокчейн);
- более 50% домашнего интернет-трафика приходится на долю приложений и устройств;
- превышение количества поездок/путешествий на автомобилях совместного использования над поездками на частных автомобилях;
- первый город с населением более 50 000 без светофоров;
- 10% всемирного внутреннего продукта хранится по технологии цепочек блоков (технологии блокчейн);
- первый робот с искусственным интеллектом в составе корпоративного совета директоров.

Знаковой лентой 1990-х гг. является фильм Э. и Л. Вачовски «Матрица». В этой антиутопии представлен мир, который управляется с помощью гигантской компьютерной сети (Матрицы), почти все люди находятся в наркотическом сне и размещаются в капсулах с питательным бульоном. Мир, который Матрица создает в их воображении, не имеет ничего общего с неприглядной реальностью, в которой они на

самом деле находятся. Естественно, всем происходящим управляет небольшое количество «хозяев дискурса». Путь, прочерченный экспертами Давоса и К. Швабом, прямым ведет к «прозрачному миру»; а затем и в мир «Матрицы».

Давосский императив предполагает развитие нынешних тенденций. Поэтому естественно спросить себя, какова главная функция компьютеров в настоящее время.

Очевидный и наивный ответ состоит в том, что они повышают производительность труда в промышленности. Но это неверно! В 2000-х гг. лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Солоу, исследуя влияние внедрения вычислительных машин на производительность труда в различных отраслях в США, пришел к парадоксальному выводу. Широкое внедрение компьютеров не привело к росту производительности труда ни в одной отрасли кроме производства компьютеров. Недавние данные по динамике мультифакторной производительности труда и капитала, представленные известными российскими экономистами Т. Гуровой и Ю. Полуниним, подтверждают этот грустный вывод. [Гурова, Полунин 2017]

Тем не менее компьютеры в современном мире играют очень важную роль. Это роль «убийц времени», позволяющих отвлечься и совершить экскурсию в «виртуальную реальность». Если обозначить дробью, числитель которой — число часов в день, которые человек проводит у экрана компьютера, а знаменатель — время, когда он пользуется своим гаджетом, то картина оказывается весьма красноречивой [Пази 2017]. Япония — 2,9/0,6; Китай — 3,4/2,6; Таиланд — 4,7/3,9; Бразилия — 5,2/3,9; США — 4,3/1,9; Россия — 4,7/1,4.

Представим себе, что каждому человеку предложили ежедневно проводить около 6 часов в тюрьме — конечно, он с негодованием откажется. Однако именно это он за свои деньги делает, жертвуя своей реальной жизнью ради виртуальной, призрачной компьютерной реальности... Иными словами, мир стремительно движется курсом Давоса по направлению к «Матрице»...

Есть ли альтернативы и можно ли свернуть с этой колеи? На наш взгляд, можно. Прежде всего, это касается управления. Какая методология позволяет анализировать перемены такого масштаба? По-видимому, здесь применимы идеи *глобальных научных революций*, выдвинутые В.С. Степиным [Касавин И.Т. (ред.) 2004]. Развивая теорию научных революций Т. Куна, В.С. Степин выделил такие переломные моменты в науке, когда основания одной науки начинают менять основания другой. При этом происходит радикальная перестройка картины мира конкретной научной дисциплины, ее идеалов, норм и философских оснований и главное — типов научной рациональности — классической, неклассической и постнеклассической.

«Первый из них (классика) характеризуется особым пониманием идеалов объяснения и описания. Предполагается, что объективность объяснения и описания достигается только тогда, когда в цепочке деятельности «субъект — средства (операции) — изучаемый объект» объяснение сосредоточивается только на объекте и будет исключено все, что относится к субъекту, средствам и операциям деятельности.

Второй (неклассика) эксплицирует связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Объяснение и описание включают принцип относительности объекта к средствам наблюдения связи (квантово-релятивистская физика)

Третий (постнеклассика) расширяет поле рефлексии над деятельностью, учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностями средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами. В явном виде учитывается связь между внутринаучными и внеаучными социальными целями и ценностями» [Гурова, Полунин 2017, 61–66].

Схема «классика — неклассика — постнеклассика» оказалась очень конструктивной и так же, как куновская теория научных революций, применимой к переменам меньшего масштаба, причем не только в научной, но и в технической сфере. Например, В.Е. Лепский очень удачно применил этот подход к стратегиям и способам ведения информационных войн [Лепский 2016].

Научно-техническая революция изменила очень многое, однако сейчас назрели перемены в обществе, в образе жизни, во внутреннем мире людей, поэтому можно говорить о *социально-технологической революции*, которая раздвигает рамки давосского проекта и других технократических проектов будущего. [Иванов, Малинецкий 2017]

Посмотрим с этих позиций на технологии выработки управленческих решений и методы управления обществом. С 1960-х гг. началась революция в сфере управления, которая продолжается по настоящее время. Связана она с тем, что очень быстро стали доступны огромные объемы информации, которые могут быть использованы при принятии управленческих решений. При этом информация должна быть понята, осмыслена и принята во внимание, что намного превосходит возможности одного, пусть даже очень подготовленного, человека. В самом деле, психологические исследования показывают, что активно, творчески руководитель может работать не более, чем с 5–7 людьми. Принимая решение, он может учесть не более 5–7 факторов.

Впервые на эту проблему указали военные и, в частности, выдающийся военный теоретик Карл фон Клаузевиц: «Война — область случайности... недостоверность известий и предположений — постоянное вмешательство случайности — приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением дел, чем он ожидал» [Клаузевиц 2002, 78–79].

Затем с той же «проблемой информационного потопа» столкнулись авиаконструкторы, медики, специалисты по управлению рисками и инженеры, занимающиеся диагностикой сложных технических систем. Общность этой проблемы, в решении которой действительно могли бы помочь компьютеры, была осознана выдающимся математиком, философом, мыслителем Н.Н. Моисеевым [Моисеев 1979].

Способом справиться с «информационным потоком» должны были стать *ситуационные центры*. В таких центрах вводилась дисциплина принятия решения — команда, вырабатывающая его собиралась в одной комнате, ее членам информация представлялась в наиболее удобной и наглядной форме, ход обсуждения и принятые решения протоколировались.

Могут ли такие центры существенно улучшить государственное управление?

Безусловно могут, если во главе такого центра стоит компетентный талантливый человек, и если лица, принимающие решения (ЛПР), воспринимают эту технологию и выполняют принятые таким способом решения. Ярким подтверждением этого является деятельность Стаффорда Бира во время кризисной ситуации в Чили в 1970-х гг. [Бир 2005]

В настоящее время в России принято решение создать в министерствах и ведомствах России, а также в субъектах Федерации *сеть ситуационных центров, работающих по единому регламенту*.

Следующее поколение компьютерных систем поддержки принятия решений — *когнитивные центры* — можно сопоставить с неклассической парадигмой управления [Малинецкий, Митин, Маненков, Шишов 2011]. В ее основе лежат две идеи. Первая — моисеевская идея диалога с ЭВМ, когда можно, предложив вариант решения проблемы, тут же посмотреть, какими будут наиболее вероятные последствия принятых решений. Однако для этого надо иметь *математические модели* объектов управления и систем, с которыми они взаимодействуют. Вторая идея — *настройка когнитивного центра на управляющего субъекта*. Известно, что выдающиеся руководители решали одни и те же проблемы разными способами, и проявление этой индивидуальности является их сильной, а не слабой стороной.

Кроме того, в настоящее время появились возможности, работая с большими данными, строить такие системы, как «социальный барометр», способные по слабым сигналам предсказывать опасные или кризисные состояния социально-экономических и социально-технологических систем. Кроме того, современные информационные технологии позволяют организовать консилиум ведущих экспертов по данной проблеме, независимо от того, где они в настоящее время находятся.

Опыт построения и использования когнитивных центров при участии Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН оказался весьма позитивным [Павловский 2014]. Однако так же, как и ситуационные центры, они не получили того распространения, которого заслуживали. Причина этого – «футурофобия» – неготовность многих руководителей заглядывать в будущее, иметь дело со среднесрочными и долгосрочными прогнозами, объективно воспринимать складывающиеся тенденции.

С постнеклассикой можно связать так называемые *центры развития*, идея которых была высказана В.Е. Лепским. Одной из острейших проблем современной России, да и мира, является согласование интересов общества, государства, различных социальных групп.

Эту задачу в той или иной степени решают Общественная палата РФ, ток-шоу на актуальные темы на федеральных каналах, различные форумы в Интернете. Можно сказать, что это – воплощение на следующем уровне *организационно-деятельностных игр*, идея которых родилась в методологическом кружке Г.П. Щедровицкого. Когда все вовлеченные в проблему могут оперировать *одной и той же достоверной информацией*, представленной в наглядном и понятном виде, и с помощью моделей могут воочию увидеть к чему приведет воплощение их идей, многие проблемы решаются гораздо быстрее. Кроме того, подобные системы создают множество возможностей для использования механизмов не представительной, а прямой демократии.

Социальная ситуация в России представляется неблагоприятной – судя по опросам, 95% населения страны не считает, что они могут каким-то образом повлиять на принимаемые государственные решения и несут за них какую-либо ответственность. Интересны в этой связи признания одного из архитекторов российской государственности (Системы) Глеба Павловского. Он считает нашу государственность неуязвимой в мирные времена и готовой к военным, тем не менее: «Интересно и все еще не распознано стремление Системы к внедрению неравенства в обществе с высоким уровнем равенства – постсоветским... Неравенство в РФ насаждали принудительно, как кукурузу, не запрашивая политического согласия... Внешнюю политику Системы РФ надо описывать как антиэкспертную, проводимую вопреки знаниям о себе и мире» [Павловский 2014, 73, 163].

Иными словами, на разных уровнях мы имеем дело с *бессубъектностью* – сначала с трудностями, а затем и с нежеланием достучаться до «верха», чтобы добиться реализации своих предложений или проектов. В этом контексте центры развития могут оказаться очень важным *инструментом сборки субъектов российского развития и консолидации общества*.

Обратим внимание еще на два направления цифровой революции, которые являются альтернативами Давосу. В 2016 г. в мире на производстве трудилось 1 824 000 роботов, в среднем в мире на 10 тыс. работающих приходилось 69 роботов, однако их распределение по странам крайне неравномерно: В Южной Корее на 10 тыс. работающих приходится 531 робот, в Японии — 305, в Германии — 301, в США — 170, а в России... 2 робота [Роботы 2017]. Нашу страну на профессиональных конференциях часто называют «родиной робототехники без роботов».

Роботизация российской промышленности позволит выйти на другой уровень качества, точности и эффективности производства. Сейчас все чаще говорят о новой индустриализации России. Роботизация должна стать одним из ключевых направлений этого проекта.

Еще одно, крайне важное для России изобретение, которое может свернуть с пути, ведущего в «Матрицу», — 3D принтеры. Эти устройства позволяют послойно печатать объекты, компьютерные образы которых имеются. Количество материалов, которыми они могут печатать, уже очень велико — от пластика и титана до клеток человека. Устройства эти очень быстро дешевеют. Однако не менее важно и другое. При металлообработке и многих других технологиях, лежащих в основе современной промышленности, 98% добытого из земли идет в отходы или промежуточное потребление и лишь 2% вещества — в конечный продукт. При использовании 3D-принтеров пропорция обратная! И это позволяет многие отрасли промышленности «поставить с головы на ноги», сделав их ресурсосберегающими.

В цифровом мире джокером, опасности, возможности и судьба которого пока не вполне ясны, является блокчейн (blockchain, цепочка блоков) [Поппер 2016]. Эта технология родилась на стыке Интернета, криптографии с открытым ключом и платежных систем.

Блокчейн может существенно повлиять на социальную систему, на процедуру и роль выборов в обществе. Анализ данных с избирательных участков по ряду российских выборов, выложенных в Интернет, позволяет выявить достаточно большой процент фальсификаций [Подлазов 2014]. Несмотря на указания из Федерального центра, направленные на организацию честных выборов и усилия Центризбиркома, у региональных элит остается достаточно большое пространство для манипуляций. Технология блокчейн в принципе исключает такую опасность — у каждого избирателя появляется возможность выяснить, в чью пользу был посчитан его голос и при необходимости доказать, что он проголосовал так, а не иначе. Но для этого должны быть люди, которые считают необходимым это сделать и понимают важность голосования. Технологии не могут заменить человека, но могут сильно повлиять на него.

Войны

Если бы в наших силах было запихнуть джинна обратно в бутылку, мы бы так и поступили, но это невозможно.

Р. Кларк, Р. Нейман. Третья мировая война

Информационные войны начались за тысячи лет до нашей эры. Об этом виде противоборства Наполеон писал: «Четыре газеты могут принести врагу больше зла, чем стотысячная армия». Афиши московского генерал-губернатора Ф.В. Растопчина 1812 г. вошли в классику контрпропаганды [Волковский 2003].

В монографии [Лепский 2016] В.Е. Лепский, следуя степинской схеме, разделяет технологии управления в таких войнах на классические (ориентированные на взаимодействие «субъект — объект»), неклассические (взаимодействие «субъект — субъект»), и постнеклассические («субъект — среда» или «субъект — метасубъект»). Это не означает, что «раньше воевали одним способом, а теперь другим». Скорее, это отражение развития научных представлений, которые постепенно «дорастали» до осмысления различных методов и приемов, применяемых на практике.

Защита от таких информационных воздействий является частью обеспечения информационно-психологической безопасности (ИПБ). Значение этой сферы в России, к сожалению, недооценивается. В 1990-е гг. под руководством В.Н. Лопатина были подготовлены проекты федеральных законов «об информационно-психологической безопасности» и «Безопасности психосферы», в которых закладывались правовые основы работы по обеспечению национальной безопасности в этой области. Однако затем эта работа была прекращена. Ее итоги В.Е. Лепский, активно участвовавший в ней, оценивает так: «Построение системы обеспечения ИПБ в России осталось на уровне утопических идей и научных публикаций, реально ничего сделано не было... К сожалению, приходится констатировать, что важнейшая для обеспечения национальной безопасности России проблематика ИПБ, актуальность которой еще более возросла в условиях широкого распространения технологий управленческого хаоса, “оранжевых революций и арабской весны”, была практически “свернута” в 2000–01 годах» [Лепский 2016, 69–70].

Информационные войны, способы манипуляции массовым сознанием подробно описаны и детально проанализированы [Лепский 2016, Волковский 2003, Кара-Мурза 2000], а результаты таких войн у нас перед глазами. Поэтому обратим внимание на новое измерение, которое дает перенос противостояния стратегических субъектов в цифровое пространство.

В настоящее время в военной сфере происходит переход от стратегии Клаузевица к стратегии Сунь-цзы (китайского полководца конца 544—496 гг. до н.э.). Если Клаузевиц считал, что победа достигается уничтожением части вооруженных сил неприятеля в ходе сражения, то Сунь-цзы полагал, что в идеале следует одерживать победы, не выходя на поле боя [Сунь-цзы 2014].

Это объективно связано с тем, что благодаря усилиям ученых, политиков, военных в течение 70 лет удалось довести до сознания людей, что ограниченный ядерный конфликт нанесет непоправимый ущерб вовлеченным в него цивилизациям (и может дать большие бонусы другим), а последствия неограниченной войны не просчитываются. С другой стороны, изменились цели войны — вполне достаточно, чтобы противник принял предлагаемые ему правила игры или, к примеру, чтобы значительная часть его населения была готова стать «американцами третьего сорта». Желательно добиваться этого с минимальными издержками и борьба в цифровом пространстве, с одной стороны, открывает для этого все новые возможности, а с другой несет совершенно новые риски.

Это пространство можно разделить на несколько уровней: информация — знания — технологии — смыслы и ценности — цивилизационные проекты. Война может вестись на каждом из них или сразу на нескольких.

Информационное пространство огромно и продолжает стремительно расширяться. В 2016 г. Интернетом пользовались 3 419 млн человек (на 10% больше, чем в 2015). Если в 1997 г. интернет-трафик составил 0,3 Гб/сек, в 2002 г. — 100 Гб/сек, то в 2018 г. он должен превысить 50 000 Гб/сек [Пази 2017]. Естественно, сказать обо всем невозможно, но на некоторые из аспектов этих перемен, меняющих мировоззрение, стоит обратить внимание.

Стремительный рост виртуального пространства приводит к потере его наблюдаемости, как следует из теории управления и управляемости [Лем 1996]. Поэтому часть важнейшей информации, необходимой для принятия политических, экономических, военных решений, теряется, искажается, не собирается и не доходит до лиц, принимающих решения. Естественно, эти каналы особенно уязвимы для манипуляций возможного противника.

Войны обычно ассоциируются с битвами, сражениями, стремительными перемещениями огромных армий. Однако в виртуальном пространстве становятся возможными «медленные войны», или «криптовойны». Успехи крупных стран в экономике, а значит со временем и в геополитике, определяются наличием *собственных* высоких технологий, а последние — знаниями, людьми и организациями, которые на основе этих знаний могут создавать технологии. Достаточно позаботиться, чтобы этих знаний, людей или организаций не было, и

тогда через 10–15 лет позиции соперника станут существенно слабее нынешних.

В центре внимания ученых, экспертов, аналитиков сейчас находятся кибервойны, которые ведутся на технологическом уровне с помощью уже созданного цифрового оружия. Здесь ситуация удивительным образом совпадает со схемой прочерченной выдающимся футурологом и фантастом Станиславом Лемом: *быстрое развитие новых технологий → появление уязвимостей, опасностей и рисков, на осмысление и парирование которых не хватает времени → использование этих уязвимостей криминалом → разработка на основе этих уязвимостей средств вооруженной борьбы и соответствующих военных структур → начало гонки вооружений в этой сфере и создание новых технологий* [Лем 1996].

Проблема цифровых технологий состоит в том, что, несмотря на все вложенные средства и усилия, люди пока не научились писать программы, в которых было бы меньше одной ошибки (неточности, уязвимости) на 1000 команд. Например, операционная система компании Microsoft, установленная на компьютере, на котором набирается этот текст, содержит, по оценкам экспертов, около 50 тыс. уязвимостей. Разведки используют примерно 1500–2000 из них.

В настоящее время около 20–30 стран уже создали наступательные киберподразделения. Эффективность действий в цифровом пространстве очень высока. Войну в Заливе (Ирак, 1991) называют Первой кибервойной. Атака американских подразделений на компьютерные системы управления вооруженными силами Ирака парализовала эти системы и привела к потере управления. До начала войны эксперты оценивали потери сил антиамериканской коалиции в 30 000 убитых. Применение кибервооружения позволило уменьшить эти потери в 100 раз, до 340 человек [Тоффлер, Тоффлер 2005].

Во многих отношениях цифровое оружие сравнимо по своим боевым возможностям с известным прежде оружием массового поражения, а в некоторых отношениях превосходит его. Этот тезис подтверждают и аргументы ведущих американских экспертов в области национальной безопасности [Кларк, Нейк 2011].

«Кибервойна реальна... То, что США и другие страны способны сделать в киберпространстве, может уничтожить современное государство...

Кибервойна охватывает все сферы. Системы, которыми мы располагаем, от банков до радаров противовоздушной обороны, доступны из киберпространства, их легко можно захватить или вывести из строя...

Кибервойна уже началась. Ожидая нападения, государства готовятся к битве. Они проникают в сети и инфраструктуру, припасают

«черные ходы» и логические бомбы, и делают это уже сейчас, в мирное время».

Оранжевые революции, волна которых прокатилась по миру, уже обсуждались подробно и с разных позиций. Цифровые технологии сделали их доступным и распространенным средством смены пристрастий элит по двум главным причинам.

Во-первых, Интернет, социальные сети, гаджеты могут многократно ускорить социальные процессы, быстро донести шокирующую информацию до большого количества людей, перевести человека в «быстрый мир». Чтобы осмыслить ситуацию и принять разумное решение, нужно время и сосредоточенность. В «быстром мире» кукловоды этого времени человеку не дают, поэтому он реагирует часто инстинктивно, а не осознанно, или стремится «делать как все». Слом сознания, утрата человеком твердой опоры под ногами происходит, когда доступные ему «средства порядка» оказываются слабее, чем надвигающийся на него хаос — они с ним не справляются и человека не защищают — пишет известный социолог [Кара-Мурза 2000]. В виртуальном цифровом мире этот хаос, снятие табу организовать гораздо проще, чем в реальном.

Во-вторых, парадоксальная особенность оранжевых революций состоит в том, что власть, казалось бы, имея все в руках — армию, полицию, СМИ, спецслужбы — «не может» справиться с толпой, в руках которой пока ничего нет, кажется, что у нее «связаны руки». «Связать руки» в цифровом прозрачном мире политику, партии, группе, отдельному человеку стало гораздо проще. Счета, недвижимость, здоровье, знакомства, родные и близкие, прошлое, даже в идеальном случае, будучи известными и препарированными профессионалами нужным образом, дают возможность «сломать», дискредитировать или заставить действовать определенным образом практически любого человека. Деятельность Эрика Сноудена и Джулиана Ассанжа наглядно показала, что в нынешней цифровой реальности делается именно это!

Удивительным образом нынешний цифровой мир возвращает нас к мифу о могущественных богатырях, способных в одиночку победить целые армии. В самом деле, хакер, имея лишь ноутбук в руках, может разрушить огромную финансовую империю, украв данные миллионов пластиковых карт, парализовать разведку страны, опубликовав данные ее агентов, или «подвесить» весь мировой спорт высших достижений, вскрыв его непрерывную связь с допинговой и антидопинговой индустрией (Fancy Bear против VADA). Эти действия наглядно показывают, где таится смерть Кашея и как можно переломить кончик роковой иглы.

Синергетика

Я констатирую, я соглашаюсь, я принимаю, я анализирую вторую революцию, революцию XX века, революцию постмодерна, которая является тотальным процессом деструкции очевидного. То, что поражает смысл, от смысла и погибает.

Ж. Бодрийяр

Что же является ключом к осмыслению стремительно растущей странной и удивительной цифровой реальности? Судя по всему, этим ключом станет *теория самоорганизации*, или *синергетика*. В самом деле, вернемся к степинской триаде «классика — неклассика — постнеклассика». Любопытно, что и синергетика развивалась по схожей схеме. Характерный признак научной революции — преобразование: иногда то, что казалось сложным вдруг неожиданно оказывается простым, а иногда простое — сложным. Классика синергетики связана с общностью формирования механизмов возникновения свойств и структур в физических, химических, биологических системах. За внешним разнообразием и сложностью описания скрывались внутреннее единство и простота. Неклассика синергетики связана с открытием динамического хаоса. Она очертила принципиальные ограничения научного прогноза, подобно тому, как квантовая механика выявила ограничения на точность одновременного измерения разных величин в микромире. И важный мировоззренческий вывод — мы не можем слишком далеко заглядывать в будущее, потому что мир продолжает создаваться, и мы можем влиять на это. И, наконец, постнеклассика, — в синергетике это сложность, человекомерные системы, рефлексивность, эволюция, целостные системы. При этом может рассматриваться самоорганизация в пространстве информации, стратегий, решающих правил, в пространстве фенотипов и генотипов [Малинецкий 2007 (ред.)].

Что дала цифровая реальность? Другие типы самоорганизации, наряду с прежними, локальными: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», дальние глобальные: «Возлюби дальнего своего». Кроме того, вместо ограниченного числа сотрудников, соратников, собеседников (5–7 человек, группы из 15–17 человек уже нестабильны) — сотни, а иногда и тысячи «друзей» в социальных сетях. Но в реальном и виртуальных пространствах общения есть и сходные черты: оба представляют собой «малые миры», — для обоих характерен установленный С. Милгрэмом «закон 6 рукопожатий» (рукопожатие — личное знакомство).

Центральная тема В.Е. Лепского — сборка стратегического субъекта через взаимодействие и повышение уровня рефлексии [Лепский 2016]. Вместе с тем такая сборка — не что иное, как *результат самоорганизации*.

Рефлексия же может рассматриваться как механизм самоорганизации поведенческих стратегий в процессе эволюции, резко повышающий шанс выжить у объектов, которые его приобрели. В эволюционной кибернетике — направлении, развиваемом В.Г. Редько, на уровне математических моделей рассматривается, как в ходе развития биосферы могло происходить возникновение рефлексии и сознания [Редько 2005].

Синергетика может пролить свет еще на одну актуальную проблему цифровой реальности, связанную с сетью ситуационных центров. По некоторым размышлениям становится ясно, что не стоит опускать человека до уровня робота и от робота требовать решения чисто человеческих задач. Каждому — свое. Но мы делаем именно это, оценивая школьников по способности «правильно» заполнять тесты единого государственного экзамена (ЕГЭ) и формально оценивая губернаторов по 47 параметрам. Последний случай схож с задачами медицинской диагностики связанными с выявлением в терминах синергетики параметров порядка — ведущих переменных, которые определяют все остальные.

В деятельности врача и губернатора таких параметров может быть очень немного (но в разных ситуациях они будут различными). Если у нас есть специалисты, работа которых хороша, то мы можем выявить их скрытое знание, их параметры порядка и положить их в основу компьютерных систем поддержки принятия решений [Малинецкий 2007 (ред.)]. Но для этого надо разбираться, чем же губернаторы реально управляют и каковы критерии качества управления, по которым его можно оценивать. Это требует серьезной совместной работы математиков, специалистов по госуправлению, лиц принимающих решения. Это нелегкий путь, но он гораздо конструктивнее, чем сочинения, программы и базы данных ученых на заданную тему «Если бы губернатором был я».

Мир вступил в эпоху нестабильности, быстрых перемен, которые синергетика описывает лучше других подходов. Это осознается в мире, хотя само слово «синергетика» часто заменяется эвфемизмами «Мировая система приобретает пригожинские свойства — то есть она все больше похожа на физические, химические и общественные системы, описанные Ильей Пригожиным. В них все элементы находятся в состоянии постоянных флуктуаций. Части каждой системы становятся крайне уязвимыми для внешних воздействий: изменение цен на нефть, внезапный взрыв религиозного фанатизма, сдвиг баланса вооружений и так далее. Множатся контуры положительной обратной связи — то есть некоторый процесс, однажды запущенный, начинает жить своей жизнью, не собираясь стабилизироваться и привнося в систему дополнительную неустойчивость» [Тоффлер, Тоффлер 2005, 364].

В свое время В.С. Степин выдвинул тезис о том, что именно междисциплинарные подходы и в частности, синергетика, станут ядром

научной картины мира и позволят осмыслить новую реальность. Анализ цифровой реальности с этих позиций подтверждает этот взгляд.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бир 2005 – *Бир С.* Мозг фирмы. 2-е изд. – М.: УРСС, 2005.
- Волковский 2003 – *Волковский Н.Л.* История информационных войн. Часть I. – СПб.: Полигон, 2003 (Военно-историческая библиотека).
- Гурова, Полуниин 2017 – *Гурова Т., Полуниин Ю.* Наступление «синих воротничков» // Эксперт. 2017. № 3. 16–22 января. С. 12–17.
- Иванов, Малинецкий 2017 – *Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.* Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2017 (Будущая Россия. № 26).
- Кара-Мурза 2000 – *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000 (Серия: История России. Современный взгляд).
- Касавин И.Т. 2004 (ред.) – Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина / отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 2004.
- Кларк, Нейк 2011 – *Кларк К.Р., Нейк К.* Третья мировая война. Какой она будет? – СПб.: Питер, 2011.
- Клаузевиц 2002 – *Клаузевиц К. фон.* О войне. Т. 1. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002 (Классическая военная мысль).
- Лем 1996 – *Лем С.* Сумма технологии // *Лем С.* Собр. соч. Т. 13 (дополнительный). – М.: Текст, 1996.
- Лепский 2016 – *Лепский В.Е.* Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). – М.: Когито-Центр, 2016.
- Малинецкий 2007 (ред.) – Новое в синергетике. Новая реальность, новые проблемы, новое поколение / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: Наука, 2007 (Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения).
- Малинецкий, Митин, Маненков, Шишов 2011 – *Малинецкий Г.Г., Митин Н.А., Маненков С.К., Шишов В.В.* Когнитивный вызов и информационные технологии // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 8. С. 707–716.
- Моисеев 1979 – *Моисеев Н.Н.* Математика ставит эксперимент. – М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1979.
- Павловский 2014 – *Павловский Г.* Система РФ в войне 2014 года. De Principatu Debili. – М.: Европа, 2014.
- Пази 2017 – *Пази М.* Большой информационный взрыв. Объемы интернет-контента стремительно меняют инфосферу Земли // Русский репортер. 2017. № 2. С. 52–53.
- Подлазов 2014 – *Подлазов А.В.* Опыт изучения московской электоральной статистики (по итогам выборов) // Социологические исследования. 2014. № 6 (362). С. 77–88.
- Поппер 2016 – *Поппер Н.* Цифровое золото. Невероятная история Биткойна. – М.: И.Д. Вильямс, 2016.
- Редько 2005 – *Редько В.Г.* Эволюция, нейронные сети, интеллект: Модели и концепции эволюционной кибернетики. 3-е изд. – М.: КомКнига, 2005 (Синергетика: от прошлого к будущему).

Роботы 2017 – Роботы вместо рабочих. Индустриальный мир стремительно автоматизируется // Русский репортер. 2017. 27 февраля – 13 марта. С. 48–49.

Сунь-цзы 2014 – *Сунь-цзы*. Трактат о военном искусстве. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014 (Азбука-классика)

Тоффлер, Тоффлер 2005 – *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2005 (Philosophy).

Шваб 2017 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. – М.: Издательство «Э», 2017 (Top Business Awards).

**SENSES AND VALUES OF DIGITAL REALITY:
FUTURE. WARS. SYNERGETICS***

T.S. AKHROMEeva, G.G. MALINetskiy, S.A. POSASHKOV

Summary

Fast development of digital reality now puts a question to mankind about its future progress. We consider the project of technological future proposed by experts of the World Economic Forum and its alternative. Special attention is paid to information wars, reflexive technologies of social process control and Russian project of situation centers net.

Analysis of development trends, risks and perspectives is made from point of view of postnonclassical science rationality, theory of reflexion control and synergetics.

Keywords: digital reality, postnonclassical scientific rationality, information wars, future design, interdisciplinary approaches, reflexive control, synergetics, interaction «subject – medium», situation centers system of Russia, new industrialization.

Akhromeeva, Tatyana – Ph.D. in Physics and Mathematics, Research Fellow at the Keldysh Institute of Applied Mathematics, Moscow.

maglichek@gmail.com

Malinetsky, George – D.Sc. in Physics and Mathematics, Head of Department of modeling of nonlinear processes at the Keldysh Institute of Applied Mathematics, Moscow.

gmalin@keldysh.ru

Posashkov, Sergey – Ph.D. in Physics and Mathematics, Dean of the Department of Applied Mathematics and Informatics of Financial University of Russian Government.

s.posashkov@fa.ru

Citation: *AKHROMEeva T.S., MALINetskiy G.G., POSASHKOV S.A.* (2017) Senses and Values of Digital Reality: Future. Wars. Synergetics. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6. pp. 104-120.

* The research was carried out thanks to funding of Russian Humanitary Science Foundation (projects № 15-03-00404 and № 16-23-01005), Keldysh Institute of Applied Mathematics and Russian Science Foundation (project № 17-18-01326, Institute of Philosophy).

REFERENCES

- Bir S. (1972) *Brain of the Firm*. The Penguin Press, London; Herder and Herder, USA (Russian translation: Editorial URSS, Moscow, 2005).
- Clarke R.A., Knake R.T. (2010) *Cyber War. The Next Threat to National Security and What to Do about it*. ECCO, An Imprint of Harper Collins Publishers (Russian translation: Piter, Saint Petersburg, 2011).
- Clausewitz C. von (1984) *On War*. Princeton University Press, Princeton (Russian translation: AST, Moscow; Terra Fantastica; Saint Peterburg, 2002).
- Gurova T., Polunin Yu. (2017) 'The Offensive of Blue-Collars'. In: *Expert*. 2017. Vol. 3, pp. 12-17 (in Russian).
- Ivanov V.V., Malinetskiy G.G. (2017) *Russia: 21st Century. The Strategy of Breakthrough. Technology. Education. Science*. 2-nd ed. LENAND (Future Russia. Vol. 26), Moscow (in Russian).
- Kara-Murza S.G. (2000) *Mind Manipulation*. Algoritm. Moscow (in Russian).
- Kasavin I.T. (ed.) (2004). *Man. Science. Civilization. To 70th Anniversary of Academician Stepin*. Canon+, Moscow (in Russian).
- Lem S. (1964) *Summa Technologiae*. University of Minnesota Press. Minneapolis (Russian translation: Text, Moscow, 1996).
- Lepskiy V.E. (2016) *Control Technologies in Information Wars (From Classics to Postnonclassics)*. Cogito-Center, Moscow (in Russian).
- Malinetskiy G.G. (ed.) (2007) *New in Synergetics. New Reality, New Problems, New Generation*. Nauka, Moscow (in Russian).
- Malinetskiy G.G., Mitin N.A., Manenkov S.K., Shishov V.V. (2011) 'Cognitive Challenge and Information Technologies'. In: *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2011. Vol. 81, No 8, pp. 707-716 (in Russian).
- Moiseev N.N. (1979) *Mathematics Sets up Experiment*. Nauka, Moscow (in Russian).
- Pazi M. (2017) 'The Big Information Explosion. The Internet Content Volume Rapidly Changes the Earth Infosphere'. In: *Russian Reporter*. 2017. 13-27 March, pp. 52-53 (in Russian).
- Pavlovskiy G. (2014) *RF Sistem in the War of 2014 Year. De Principatu Dabili*. Evropa, Moscow (in Russian).
- Podlazov A.V. (2014) 'Experience of Investigation of Moscow Electoral Statistics (on the Results of Elections)'. In: *Sotziologicheskije Issledovaniya*. 2014. Vol. (362), pp. 77-88 (in Russian).
- Popper N. (2015) *Digital Gold: the Untold Story of Bitcoin* (Russian translation: I.D. Willams, Moscow, 2016).
- Redko V.G. (2005) *Evolution, Neural Networks, Intellect: Models and Concepts of Evolutionary Cybernetics*. 3rd Edition. KomKniga, Moscow (Synergetics: From Past to Future) (in Russian).
- Robots (2017) 'Robots Instead Workers. Industrial World is Rapidly Automating?'. In: *Russian Reporter*. 2017. 27 February-13 March, pp. 48-49 (in Russian).
- Schwab N. (2016) *The Fourth Industrial Revolution* (Russian Translation: Э, Moscow, 2017).
- Sun Tzu (2014) *Treatise About Military Art* (Russian Translation: Azbuka, Azbyka-Attikus, Saint Petersburg, 2014).
- Toffler A., Toffler H. (1993) *War and Anti-war. Survival at the Dawn of the 21st Century*. Curtis Brown Ltd., Synopsis (Russian translation: AST, Tranzitkniga, Moscow, 2005).
- Volkovskiy N.L. (2003) *History of Information Wars*. Part 1. Poligon, Saint Petersburg (in Russian).

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Аннотация

Современные цифровые технологии радикально меняют экономику, образ жизни в целом. Рынок труда требует качественно иного содержания подготовки выпускников учебных заведений. Цифровизация затрагивает не только содержание образования, но и его организацию. Эти процессы имеют неоднозначные последствия для позиционирования как университетов, так и преподавательского труда. Необходимые компетенции приобретаются часто за стенами учебных заведений, потому что образовательные программы часто не успевают за динамикой технологий. Рынок онлайн-образования вызывает вопрос о статусе университетского диплома. Преподаватель превращается из носителя транслируемых знаний и умений в навигатора, который помогает ориентироваться в базах знаний. Все эти вопросы стоят особенно остро применительно к реформированию российской системы высшего образования. Необходимая оптимизация подменяется простым сокращением количества университетов, сокращением их финансовой поддержки. Оценка содержания научной деятельности подменяется формальными реквизитами науки-метрии. Преподавательский труд приобретает прекарный характер.

Ключевые слова: высшее образование, онлайн-образование, университет, цифровая экономика, цифровые компетенции.

Тульчинский Григорий Львович – доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» - Санкт-Петербург, заслуженный деятель науки России.
gtul@mail.ru

Цитирование: *ТУЛЬЧИНСКИЙ Г.Л.* (2017) Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 121–136.

Четвертая индустриальная революция приносит и принесет в нашу жизнь немало перемен. Компьютерные ИТ-технологии не решили проблем голода, воды, климата, экологии, здоровья, безопасности. Но они придают новое качество общественной и личной жизни, как открывая новые возможности, так и одновременно порождая новые вызовы.

Место «информационного общества» заступает проектно-сетевой социум, в котором сырьевая (природная) и даже трудовая рента вытесняется рентой сетевой – от порожденных кем-то знаний, которые легко можно найти в свободном доступе [Болтански, Кьяпелло 2011]. Становятся все более важными навыки ориентации в этом море знаний, их переработки, оперирования данными, сгенерированными

другими. Речь идет не о компилировании, а именно о расширении применения и применении в иных предметных сферах. Именно на этом построен успех современных сетевых проектов. Uber придумал эффективное управление миллионами автомобилей. Airbnb, Alibaba создали сетевые платформы управления огромным количеством сервисов. Subway имеет точек фаст-фуда больше, чем McDonald's, с персоналом в 500 раз меньше. Lyft сделала совсем ненужными знания сложной сети городских улиц, необходимые для таксистов Лондона.

Достижение успеха, чем дальше, тем больше предполагает воображение, нестандартность, инициативность, широкий горизонт видения, лидерство, т.е. способности, недоступные полной алгоритмизации и роботизации. В этом и заключается потенциал «креативного класса» и концентрации этого капитала в городах и агломерациях, задающих новую волну урбанизации принципиально иного плана. [Флорида 2014].

От освоения и развития этой экономики знаний выиграет самая интеллектуальная часть населения земного шара. Страны с сырьевой экономикой смогут выжить только если воспользуются окном возможностей использования сырьевой ренты на вложения в человеческий и социальный капитал, развитие экономики знаний, получая ренту уже от сетевых проектов. Страны, отставшие в освоении новых технологий, испытают наплыв низкоквалифицированных работников, не нашедших себе применения на цивилизационном фронтире. Все это может вызвать новые социальные конфликты.

В этой связи крайне важно позаботиться об изменении подходов к образованию. Происходящая цифровизация и перспективы ее углубления и расширения ставят вопросы об изменении не только организации образования, но и самой психологии отношения к нему. Собственно, это уже и происходит. В приведенных далее рассуждениях предпринята попытка рассмотрения таких изменений.

Изменения рынка труда

Технологии, ритм жизни, деловой активности настолько ускорились, что никакая, однажды полученная в образовательном учреждении специальность, не дает гарантии куска хлеба на всю оставшуюся жизнь. Приобретенный в вузе набор компетенций «выгорает» в течение трех-четырех лет, и нужно быть готовым к тому, что придется, как минимум, два-три раза радикально сменить профессию или круг обязанностей.

Этот процесс ускоряет развитие цифровой экономики: роботизация, интернет вещей (IoT), автоматизированная обработка больших массивов данных (Big Data), использование распределенных реестров (block chain). Интернет вещей, по данным исследования The Future of Jobs, число рабочих мест в сфере услуг ремонта и техобслужи-

вания сокращается и будет сокращаться на 8% ежегодно. Так, сайт HeadHunter недавно автоматизировал первичный отбор кандидатов: система сама отсеивает резюме, и с подбором смогут справляться три человека вместо пяти. Сбербанк в перспективе перехода на block chain планирует сокращение персонала на 30%. Такое сокращение в 2016 г. произошло в пяти крупнейших мировых банках, перешедших в своих взаиморасчетах на электронную валюту. Теперь количество этих банков возросло до 60. Но роль и влияние block chain не ограничиваются биткоинами. Эта технология радикально меняет работу нотариата, экспертных услуг в оценке недвижимости, артефактов. Влияет она и на общественно-политические процессы – от чиновной работы до технологии выборов.

В новых моделях деловой активности и управления все чаще ставятся совершенно новые требования к работникам. Недавно бизнес-школа «Сколково» и Агентство стратегических инициатив составили список профессий, которые вскоре исчезнут. Это – нотариус, библиотекарь, копирайтер, испытатель, системный администратор, банковский операционист, аналитик, секретарь, логист, водитель, диспетчер и журналист. Перечень соответствует данным опроса 2550 сотрудников российских предприятий, проведенного рекрутинговой компанией Naus [Naus 2017]. По мнению участников опроса, скоро исчезнут профессии бухгалтера и продавца (по 15%), водителя (8%), переводчика и оператора (по 4%), турагента и экскурсовода. По мнению 60%, их профессия сильно изменится через 10 лет и потребует новых навыков. 2% убеждены, что их специальность исчезнет из-за роботизации и автоматизации. Только 1% россиян уверены, что их профессия будет нужна через 10 лет. [Горелова 2017]

При этом важно понимать, что устаревают не столько профессии, сколько навыки.

Так, бухгалтера-счетовода могут заменить роботы, а услуги бухгалтера – финансового аналитика, аудитора будут востребованы. Даже в IT программист, который пишет коды для стандартной учетно-управленческой системы, может оказаться невостребованным – в отличие от разработчиков уникальных программ, связанных со спецификой и перспективой производства. Аналогична и перспектива библиотекарей, переводчиков, экскурсоводов, турагентов: либо осваивать цифровые технологии, либо создавать уникальные услуги. Для турагентов, например, это могут быть, эксклюзивные туры, экскурсии с необычным сценарием, в том числе – с использованием дополненной реальности – история с охотой на покемонов убедительно продемонстрировала такие возможности. Библиотекари могут работать в онлайн-овых системах, составляя каталоги книг. Переводчики – пользоваться системами машинного перевода.

Работодатели нацелены на повышение эффективности, а оптимизация персонала в участившиеся кризисы показала, что необходимый объем работы может выполнять и меньшее количество сотрудников. Поэтому в последние два года резко выросла доля компаний, которые готовы менять численность персонала: как набирать, так и сокращать сотрудников [Подцероб 2017]. В этой ситуации динамичной пластичности идеальный кандидат, помимо компетенций и знаний по конкретной специальности, должен быть компетентен в смежных отраслях, иметь широкий горизонт понимания технологических и бизнес-процессов. Сложился рынок так называемых гибридных специальностей — специалистов широкого междисциплинарного профиля, типа физиков или IT-специалистов с хорошим знанием психологии и социологии. Современный специалист на химическом производстве — не просто химик, а инженер по IT с химическим образованием и опытом работы. Сотрудники отделения банка все меньше занимаются операционной работой — за счет внедрения технологий и дистанционных сервисов они играют роль финансовых консультантов. И несомненно — большое будущее у биоинженеров и биотехнологов. Непрерывное, постоянное приобретение новых знаний, умений, навыков становится залогом конкурентоспособности.

Ситуация усугубляется расширением прекаризации труда, который ранее был уделом только фрилансеров, домохозяек, студентов, отходников и прочих работников, занятых неполный рабочий день. Современные работодатели (часто ссылаясь на кризис и оптимизацию) стремятся переводить работников за штат, чтобы избавиться от социальных обязательств, перекладывая издержки на работников, что превращает саму личность, ее окружение и образ жизни в источник прибыли [Стэндинг 2014]. Достижения профсоюзов в борьбе за права занятых обнуляются. Недаром подверженных прекаризации работников стали даже называть прекариатом, приходящим на смену пролетариату. Тренд прекаризации совмещается с возможностями дистантного труда, например, на удаленном доступе к сети. А это значит — рост зависимости от цифровой компетентности.

Есть и парадоксальные, на первый взгляд, следствия цифровизации. Так, некоторое разочарование молодежи в эфемерности модных профессий в финансовом секторе и даже в IT подстегнуло интерес к традиционным занятиям, основанным на ручном труде, использовании реальных инструментов и материалов для создания конкретного вещественного продукта, с элементами перформанса. Речь идет о публичном контакте с клиентами, возможности не только ярко представить свои способности и внешность, но и получить обратную связь в живом общении [Осежо 2017]. В принципе эту тенденцию подтверждают и данные упомянутого опроса россиян. Среди профессий, представители которых (тот самый 1%) уверены в перспективе их

востребованности, в основном — консультанты по личностному росту, бизнес-тренеры, сотрудники отделов продаж, менеджеры по внутренним коммуникациям. Растет число вакансий для этих специалистов и по данным HeadHunter за 2016–2017 гг. Для коучей рост спроса составил 12%, для менеджеров по внутренним коммуникациям — 1,3%, для специалистов по сбыту — 1,2%.

Но и в этом случае многое будет зависеть от цифровой компетентности. Если сейчас бизнес-тренеры пользуются спросом, то уже в ближайшей перспективе этот рынок насытится, и перспективы профессии будут связаны со способностью сделать мобильное приложение с тренингом, или вести сетевые вебинары, тем самым снизить цену на услуги, увеличив охват клиентов.

Изменения внутренней образовательной среды

Система образования, особенно на уровне средней школы, по самой своей природе достаточно инерционна. Но высшая школа не может не реагировать на вызовы цифровизации.

Прежде всего, цифровизация затронула саму организацию образовательного процесса. Уже около 10 лет во многих университетах используются программы (Blackboard, SAKAI и т.п.), с помощью которых до каждого студента и преподавателя доводится вся необходимая информация, преподаватели знакомят слушателей с программой курса, домашними и контрольными заданиями, ведется учет промежуточной и итоговой аттестаций. В результате образовательный процесс упорядочивается и систематизируется, становится прозрачным для деканатов и образовательных офисов, других служб университетов. Да и для студентов снимаются многие вопросы, устраняется почва для недоразумений и кривотолков.

Собственно техническое обслуживание таких внутривузовских систем не очень трудоемко. Но у преподавателей появляется дополнительная нагрузка по введению и обработке информации по каждому читаемому курсу. При добросовестном отношении к делу это занимает ежедневно 1–1,5 часа.

Изменения содержания и формата образования

Широкое и интенсивное развитие компьютерных, прежде всего — on line, образовательных программ, радикально меняет процесс и формат высшего образования, является серьезным вызовом высшей школе — как по содержанию образовательного процесса, так и по его организации. Эти вызовы нуждаются в серьезном осмыслении. Дело заключается не только и не столько в записи лекций, подготовке электронных версий учебников. Речь идет о «разгерметизации» образования, выходе его за пределы университетских учебных аудиторий и лабораторий, а также библиотек.

Цифровизация требует новых, совершенно иных компетенций, отличных от тех, которыми обладают выпускники российских вузов. Складывается парадоксальная ситуация — многие из необходимых новых компетенций приобретаются за стенами учебных заведений. Недаром в РАНХиГС, сразу после заседания президентского совета по цифровой экономике, поставили задачу внедрить в образовательные программы изучение технологии блокчейна и всего, что связано с этой технологией применительно к менеджменту и госуправлению — вплоть до создания специализированной кафедры [Май 2017].

Главной функцией обучения, образования становится «научить учиться», быть готовым к переменам, к работе с более сложными проектами, заимствованию передовых, в том числе — зарубежных практик, расширению кругозора, отслеживая тенденции в других отраслях и профессиях. Более того, цифровая компетентность выпускников университетов должна превышать существующую номенклатуру компетенций — чтобы работать на опережение ситуации.

Времена, когда лектор являлся первоисточником дисциплины, а обучение сводилось к прослушиванию лекций и обсуждению на семинарах дополнительной литературы, сводимой зачастую к ридерам (фрагментам первоисточников), стремительно уходят, а, в общем-то, и уже ушли. Студенты, вооруженные гаджетами, даже во время традиционной лекции могут неоднократно обратиться к первоисточникам, современным трактовкам, зачастую опережая в такой осведомленности самого лектора. И те преподаватели, которые требуют на экзаменах и зачетах воспроизведения содержания своих лекций, те вузы, которые борются с доступностью информации, запрещая использование электронных источников информации, не только становятся анекдотическими персонажами — они просто выпадают из профессиональной деятельности, становясь неконкурентоспособными и невостребованными.

Цифровые технологии радикально меняют содержание преподаваемых дисциплин и форму их подачи. Это не только ставшие уже рутинной электронные презентации или использование видео. Возможны прямые подключения к электронным базам данных, новостям, проходящим форумам. В проведении практических занятий возможно использование социальных сетей. С использованием скайпа, мессенджеров возможно участие в занятии ведущего специалиста, эксперта. Издательства, специализирующиеся на учебной литературе все больше переходят на электронные версии учебников и учебных пособий.

Бурными темпами развивается массовое онлайн-образование. Уже с конца 1990-х в Интернете стали появляться видеозаписи лекций учебных заведений и отдельных преподавателей. В начале 2010-х появились полноценные интерактивные курсы со сдачей тестов и

экзаменов. В настоящее время некоторые популярные курсы насчитывают сотни тысяч студентов. А университеты и отдельные преподаватели активно выходят на рынок MOOC (MOOC – Massive open online courses) – уже сложившейся международной формы дистанционного образования с открытым доступом в Интернете.

Один только такой проект Coursera, основанный профессорами Стэнфорда Э. Ыном и Д. Коллер, охватывает в настоящее время почти 25 млн пользователей, которым предлагается более 2 тысяч курсов по 160 специализациям от полутора сотен образовательных учреждений. Поскольку проект сотрудничает с университетами (среди которых элитные университеты), слушатели, пройдя курсы и сдав тесты и экзамены, получают полноценные сертификаты. Технической платформой являются как сайт Coursera, так и мобильное приложение для iPhone и Android.

С 2009 г. запущен сайт Academic Earth, на котором размещены видео лекции профессоров МТИ, Беркли, Гарварда, Принстона, Стэнфорда, Йеля по экономике, политологии, математике, физике, химии, истории, философии, литературе, психологии и т.д. – вплоть до теологии.

Успешно работает и российская национальная платформа открытого образования (НПОО). Так, с 2016 г. по всем курсам НИУ ВШЭ на НПОО пользователи – после прохождения тестирования с идентификацией личности – могут получить подтвержденный сертификат – фактический аналог академической справки, который может быть принят к перезачету другими вузами. Процедура подтверждения сертификата платная – ее стоимость в 2017 г. составляет 1000 рублей. Если у слушателя нет цели получить сертификат, то он может пройти курс бесплатно.

Развитие бесплатного онлайн-образования топовых университетов мирового уровня является серьезным вызовом мелким региональным вузам. Однако если грамотно совмещать форматы образования онлайн и офлайн в реализации, то региональные вузы могут предлагать и реализовывать качественные, а то и уникальные образовательные программы. Студенты, обучающиеся в традиционных вузах, все чаще по необходимости или по желанию дополняют свое образование онлайн-курсами – формат удобен не только возможностью получить знания от лучших специалистов, но и возможностью обучения в любое время.

Последнее немаловажно. Начиная со второго курса большинство студентов начинают работать «без отрыва от учебы». К этому их вынуждают не только материальные обстоятельства (необходимость оплачивать учебу, проживание в другом городе и т.д.), но и понимание жизненной перспективы. Выпускник, отучившийся 4, то и, с учетом магистратуры, все шесть лет, и только после этого выходящий

на рынок труда, изначально и заведомо проигрывает однокашнику, который уже приобрел навыки, находится в конкретной позиции. Похоже, большинству университетов придется смириться с низкой посещаемостью занятий, переходом все большего числа студентов на индивидуальные планы, переносы сессий и т.п.

Изменения позиционирования вуза

Но сможет ли решать эти задачи университет, ориентированный на то, чтобы давать человеку знания и навыки по какой-то одной узкой специальности, да еще на основе утвержденных государственных стандартов (ФГОС)? Сама эта профессия преобразуется за те четыре года — шесть лет, которые студент проведет в университете.

Совершенно радикальную стратегию полного отказа от высшего образования предлагает американский миллиардер П. Тиль, призывающий на своем электронном ресурсе [Thiel 2017] молодежь бросать университеты. Вместо сидения в аудитории он дает на два года \$100 000 для разработки и реализации стартапа, не претендуя на авторскую собственность [Clynes 2017].

Необходимо, чтобы образование давало уверенность и готовность к изменениям, делало молодого человека менее зависимым от фактов и узких знаний, учило развиваться вместе с технологиями. А это значит, что университет должен учить: оперативно решать задачи, находить необходимые информацию и знания, уметь работать в команде, видеть перспективу и готовиться к ней, уметь принимать решения, разрабатывать и реализовывать проекты, отвечать на запросы, строить коммуникации и партнерство.

Известный физик, основатель теории струн М. Каку полагает, что будущее образование не будет базироваться на запоминании, а станет *индивидуальным и автономным*. Мы будем сами нести ответственность за свое образование и выбирать, что на данный момент нам нужно усвоить и с кем общаться.

Ширящееся онлайн-образование, возможности использования в образовательных программах электронных курсов, подготовленных другими университетами, порождает вопрос — а кто выдает диплом и отвечает за выпускника? Формируется новая образовательная сфера, «рисуемая», поверх выглядящих подмалевками существующих форм образования, обучения, воспитания, подготовки и переподготовки кадров. (Недаром столь активно развивается домашнее образование.) Эта, не имеющая пока названия, новая система образования складывается и ею уже активно пользуются.

К этому можно добавить и образовательные бизнес-структуры, выдающие свои сертификаты. И возникает вопрос — а так ли уж нужны дипломы? Работодателю нужны не столько диплом, сколько конкретные компетентности, которые можно приобретать на различных

курсах и с опытом. Да и среди работников, особенно фриланса, уже сложилась практика «горизонтального образовательного роста», когда человек, имеющий аттестат о среднем образовании, становится весьма востребованным специалистом, квалификация которого подтверждается сертификатами авторитетных курсов и тренингов. А у работодателей, набирающих постоянный штат, популярность приобретают не столько дипломы, сколько персональные учебные и сертификационные портфолио, которые будут определять возможность кандидата занимать соответствующую должность. Вспоминается история одного московского аспиранта, решившего по гранту получить образование в США. Он поступил в колледж на восточном побережье. Выполняя задание по программированию, он обнаружил неустранимую ошибку в программе. Через неделю к нему приехали из головного офиса Microsoft, и со словами – кончай учиться, поехали работать – увезли его в Сиэтл, где он и трудится вот уже несколько лет.

Похоже, что дипломы учебных заведений теряют значение. Исключение составляют единичные университеты, за выпускников которых конкурируют работодатели. С сожалением, но приходится признать, что среди таких вузов российские отсутствуют. А погоня за позициями в международных рейтингах университетов выглядит натушной и малоэффективной – к чему мы еще вернемся ниже.

Однако помимо образования традиционный университет выполняет еще одну важную роль в социализации наиболее продвинутой части нового поколения, в ее вхождении в профессиональную среду. Университет формирует профессиональную сеть – не только межпоколенческую между учителями и учениками, но и горизонтальную – выпускники каждого года надолго сохраняют отношения, основанные на памяти совместных лет учения. Каждый университетский выпуск не только пополняет профессиональную сеть формальных и неформальных отношений, но и запускает новые сетевые отношения, уже отчасти сложившиеся внутри поколения за время обучения. Давно замечено, что личные отношения между однокашниками и даже выпускниками разных годов, но одного университета, одного факультета и образовательной программы закладывают довольно конструктивную основу партнерских связей и профессиональной карьеры. Эти отношения сохраняются и в бизнесе, и в научной деятельности.

На этих механизмах и основана роль университетов, резко возрастающая в периоды модернизации общества, когда требуются дополнительные усилия по выходу к цивилизационному фронтиру за счет освоения и разработки новых практик, технологий. Университет при этом выступает именно ценностно-нормативным «инкубатором» социума. Сюжет из «Гадких лебедей» Стругацких, где «мокрецы» похищали детей, чтобы вырастить и воспитать из них «новых людей»,

в гиперболизированной форме дает представление о роли университета.

Сохранится ли эта роль университетов в ситуации цифровизации? Отношения, возникающие в Интернете дистантны и носят очень избирательный характер.

Изменение позиционирования преподавателя

Приведет ли индивидуальность и автономность обучения к полному исчезновению профессии учителя? Вряд ли. Пока жив человек, процесс социализации и индивидуализации предполагает личностное общение.

Но роль преподавателя, само содержание его работы в условиях цифровизации существенно меняется. Его задачей становится не столько разработка курса, содержания лекций и практических занятий, их регулярное обновление в соответствии с новыми теоретическими концепциями и разработками, а также новыми технологиями, практиками, эмпирическими данными, публикациями научной и учебной литературы, сколько отслеживание электронных ресурсов и баз данных, где все эти материалы представлены. В том числе он должен быть в курсе образовательных программ и услуг, предлагаемых другими университетами. Преподаватель становится не столько источником знаний, сколько навигатором, предлагающим оптимальную для целей данного курса траекторию знакомства с базами данных, разработку практических заданий, кейсов для обсуждения, и, конечно, тестирования прохождения студентами этой траектории. А если преподаватель или руководитель образовательной программы хочет использовать какие-то представленные в сети курсы или их фрагменты, он сам должен пройти эти курсы, чтобы понимать их возможности.

Российская специфика

А куда без нее... Речь идет о выходе в отечественных университетах на первый план экономико-управленческих функций.

Выталкивание российской школы на рынок привело к достаточно печальным последствиям. Привыкшие к государственному финансированию, и, в результате мало и плохо продуманных реформ, посаженные на голодный паек, вузы кинулись зарабатывать деньги, чтобы хотя бы как-то обеспечивать зарплату, хозяйственное содержание, техническое оснащение... Как грибы после дождя, фактически на базе каждой кафедры стали создаваться платные отделения, факультеты и т.п. К рынку образовательных услуг активно подключились новые коммерческие, частные вузы.

В результате количество вузов в РФ в несколько раз превысило количество вузов в СССР. В конце 1990-х в России не учился только

предельно ленивый. Доходило до того, что семинарские занятия проводились на потоках. В некоторые годы число поступивших в них превышало количество закончивших среднюю школу. А некоторые уважаемые люди умудрялись за пару лет получить шесть высших образований.

При этом количество преподавателей осталось тем же. Профессор получал от 6 до 20 тысяч рублей. Преподаватели были вынуждены метаться по 3–4 местам работы. Как было сказано об этом времени: преподаватели делали вид, что учат, а студенты делали вид, что учатся. Более того, нередко студенты с жалостью смотрели на преподавателей, существовавших на жалкие гроши и пытавшихся чему-то учить, наставлять молодежь – как на то ли неудачников, то ли странных романтиков.

Коррозия неизбежно затронула и диссертационные советы. Сложилась ситуация не столько рынка образовательных услуг, сколько откровенной торговли дипломами и прочими научными сертификатами. Университеты утратили статус модернизационных инкубаторов. Не случайно новая элита направила своих детей на учебу за границу – как гарантию качества образования и перспектив роста (профессионального, делового, статусного).

Рано или поздно, эту ситуацию надо было выправлять. Управленческое, даже административное вмешательство было необходимо. Процесс начался в годы «тучных коров». Тогда было два возможных сценария: или ставки на модернизацию, превращение университетов в инновационные центры, или – административной прополки с перераспределением финансовых средств.

Первый путь предполагал приход в университеты работодателей, создание в университетах современной технологической базы, у ориентированных на ренту российских бизнеса и власти не было (и нет) реальной заинтересованности в модернизации и инновациях, элементарном развитии НИОКР. Отраслевые НИИ были приватизированы и быстро превратились в бизнес-центры как арендные площадки для офисов. Наука, которая по инерции концентрировалась в системе РАН, зависла как облако – без связи с реальным производством.

Второй путь представлялся более простым и легким. Были приняты чисто административные решения... Во-первых, резко сократить количество вузов. Цифры были взяты с потолка. Важным представлялось просто начать. Для этого, во-вторых, нужны были основания, критерии. В качестве таковых были взяты чисто административные показатели «эффективности»: количества преподавателей на одного студента (чем меньше, тем лучше), количество публикаций в престижных журналах, места университета в зарубежных рейтингах и т.д. В процессе «оптимизации» качество образования и научной деятельности не интересовало никого. Контент научных публикаций во вни-

мание не брался. Главное — индексация в РИНЦ, Scopus, Web of Science, индекс цитирования, индекс Хирша и прочая чисто количественная наукометрия... Условным качеством рассматривалось количество иностранных преподавателей и студентов, публикации за рубежом...

Хотелось и внутренний менеджмент университетов выстроить так, чтобы он, с одной стороны, позволил бы уменьшить сопротивление нововведениям, а с другой — придал бы управленческому дизайну вид современных зарубежных образцов. «Оптимизаторов» можно понять — им нужны были ориентиры. Но выбранные ориентиры не были встроены в некую внятную концепцию развития социума.

Ситуация усугубилась, когда пришли годы «тощих коров», а за ними и нынешние непростые времена. Задача оптимизации свелась к простой и тотальной экономии всего и на всем: на книгах, оснащении, и — количестве преподавателей, фонде их заработной платы. Но инерция администрирования сохранилась. И результат получился довольно печальный. Не буду ничего говорить о внешнем контуре. Об этом написано много и многими. Истории с «Топ 100», диссертационными советами — все это на виду и на слуху. Не всегда обсуждается то, что служилось внутри университетов.

Ликвидация организационной структуры факультет-кафедра с переходом на разделение управления образовательными программами на академическое (содержание программ, подбор преподавателей на них) и организационное (офисы, занимающиеся расписанием, работой со студентами) привело к неоднозначным последствиям.

Возникли две самостоятельные параллельные линии, на притирку которых ушло и уходит много времени и сил. Офисы образовательных программ встроены в административную вертикаль. Академические советы программ образуют свои формальные и неформальные связи и отношения. В этой ситуации зависли бывшие кафедры — ныне департаменты — с непонятным набором функций и зон ответственности. На них еще возлагаются задачи проведения конкурсов на замещение вакансий. Но при этом совет программы может привлекать любых преподавателей, включая преподавателей других департаментов и совместителей. В результате штатные преподаватели могут запросто оказаться без учебной нагрузки. Поэтому закономерен следующий шаг — перевод преподавателей на годовой контракт. А при проведении ежегодных конкурсов они должны предъявлять качественные публикации, участие в масштабных НИР и т.п. Но даже это не является гарантией успешного прохождения конкурса. Можно приводить много примеров из опыта различных вузов, когда конкурс успешно проходили люди без публикаций, тогда как опытные специалисты с серьезными публикациями оказывались за бортом. При этом аргументы руководителями программ приводятся донельзя простые, вроде: «Я этого человека не воспринимаю».

При этом административный управленческий персонал резко вырос и продолжает разрастаться, напоминая аверченковскую МУРКУ [Аверченко 2007]. Нововведения привели не только к деградации университетской автономии, когда назначения на все должности осуществляются вышестоящей инстанцией. Такой централизации не знала даже советская высшая школа. Более того, теперь и вопрос о допуске к защите подготовленной соискателем диссертации решается исключительно администрацией университета.

Начавшись с благих намерений по устранению отмеченных выше негативных явлений, чисто управленческий подход самой логикой его реализации вывел на первый план установку на «короткие мысли» оптимизации «здесь и сейчас». Университет предстает сугубо коммерческой, но не научно-образовательной организацией, для которой важны именно «длинные» мысли выполнения университетской миссии. Поэтому практикуемая «оптимизация» университета сопровождается разрушением научных школ, профессиональных судеб научных работников и преподавателей, профанацией научной и образовательной деятельности, ненужной и даже нездоровой конкуренцией специалистов, атомизацией университетского сообщества.

Столь длинное отступление от главной темы важно для понимания того, на какую почву легла цифровизация в отечественном образовании. Цифровые технологии рассматриваются как инструмент экономии на учебных часах. Электронные курсы администраторами понимаются как экономия на штатных преподавателях, которых обвиняют (как прозвучало на одной представительной конференции по новым технологиям образования) в том, что они сопротивляются нововведениям, потому что эти нововведения позволяют контролировать образовательный процесс. А преподаватели готовы работать даже за малые деньги — лишь бы руководство вуза не контролировало происходящее в аудитории. Такие пассажи можно было бы рассматривать как случайность, оговорку... Но практика подтверждает — внедрение электронных курсов рассматривается, прежде всего, как способ экономии на часах и преподавателях.

При этом тратятся серьезные деньги на участие в международных рейтингах, во имя чего некоторые университеты даже выделяют преподавателям специальные средства на платные публикации, вокруг чего сразу же сложился рынок организации таких публикаций в журналах и сборниках, индексируемых в Scopus и WoS. То, что эти сборники и журналы являются фактически «братскими могилами» не читаемых текстов, никого не волнует. Контент научных публикаций никого и не интересует. Наука превратилась в набор наукометрических данных — формальных реквизитов, не более.

Не менее трагикомично выглядят и попытки «огораживания» отечественных вузов государственными стандартами программ.

Так или иначе, но преподавание в университете становится прекарным трудом [Тульчинский 2015]. Профессор из «мокреца» Стругацких превратился в странного персонажа. Он должен много и долго учиться, заниматься исследованиями, публиковаться в престижных журналах... И – работать на годовом контракте, когда о планомерной, выстраиваемой на перспективу научной и образовательной деятельности можно говорить только условно, а профессура пополняет ряды прекариата.

Очевидно, что при этом ни о каком производстве востребованных профессионалов речь уже не идет. Более того, сплошь и рядом ни о какой ориентации на реальный рынок труда также нет речи. Главное – завлечь абитуриентов ярким названием образовательной программы, электронной упаковкой курсов... Как честно сказал один из руководителей такой программы – обмануть абитуриентов.

Можно, конечно, сказать, что такое положение дел – только одно из проявлений ситуации в современной России, находящейся в перманентном кризисе. Один из вариантов выхода отечественной высшей школы из этой ситуации уже был рассмотрен [Горин, Нецадин, Тульчинский 2016]. Главное – чтобы важное дело цифровизации в высшей школе вместо производства новых сообществ компетентной профессиональной элиты, способной к развитию и консолидации, не выродилось в редукцию образования как бизнеса, воспроизводящего маловостребованных одиночек.

А молодые люди, озабоченные перспективами востребованности, тем временем делают свой выбор вне стен университетов. Нередко – с помощью своих гаджетов.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болтански, Кьяпелло 2011 – *Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма. – М.: НЛЮ, 2011.

Горелова 2017 – *Горелова Е.* Профессии живые и мертвые // *Ведомости.* 2017. № 4342. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694454-ischezayuschei-professiei>

Горин, Нецадин, Тульчинский 2016 – *Горин Н.И., Нецадин А.А., Тульчинский Г.Л.* Перезревшая необходимость реформы высшей школы, или Почему бизнес должен прийти в университеты. Часть I // *Философские науки.* 2016. № 1. С. 21–38; Часть II // *Философские науки.* 2016. № 2. С. 22–35.

Мау 2017 – *Мау В.* Как российская система образования готовится к приходу цифровой экономики (Интервью). – URL: <https://lenta.ru/articles/2017/07/23/mauinterview/>

Подцероб 2017 – *Подцероб М.* Придется меняться // *Ведомости.* 2017. № 4342. – URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694456-rinok-truda>

Стэндинг 2014 – *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Тульчинский 2015 – *Тульчинский Г.Л.* Элиминация университетского этоса: преподавание как прекарный труд // *Ведомости прикладной этики*. 2015. Вып. 47. С. 76–83.

Флорида 2014 – *Флорида Р.* Кто твой город. Креативная экономика и выбор места жительства. – М.: Strelka Press, 2014.

Clynes 2017 – *Clynes T.* Peter Thiel thinks you should skip college, and he' even pay your for your trouble. – URL: www.newsweek.com/2017/03/03/peter-thiel-fellowship-college-higher-education-559261.html

Hays 2017 – *Hays* – Recruiting Experts Worldwide. – URL: www.hays.ru/
Опрос

Ocejo 2017 – *Ocejo R.E.* Masters of Craft: Old Jobs in the New Urban Economy. – Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2017.

Thiel 2017 – *thiefellowship.org*

DIGITAL TRANSFORMATION OF EDUCATION: CHALLENGES OF HIGHER SCHOOL

G.L. TULCHINSKII

Summary

Modern digital technologies change radically the economy, the way of life at hole. The labor market requires a qualitatively different content for the training of graduates of educational institutions. Digitalization affects not only the content of education, but also its organization. These processes have ambiguous consequences for the positioning of both the university and the teaching work. Necessary competences are often purchased outside the educational institutions, because educational programs often do not keep up with the dynamics of technology. Online education market raises the question about the university degree status. The professor turns from a carrier of knowledge and skills into a navigator which helps to navigate the knowledge bases. All these issues are particularly acute in relation to the reform of the Russian system of higher education. The necessary optimization is replaced by simply reducing the number of universities and reducing their financial support. Evaluation of the content of scientific activity is replaced by the formal requisites of scientometrics. Professor's work acquires prekarial character.

Keywords: higher education, online education, university, digital economy, digital competences.

Tulchinskii, Grigorii – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Department of Applied Political Science of the National Research University “Higher School of Economics” – St. Petersburg, Honored Scientist of Russia.
gtul@mail.ru

Citation: *TULCHINSKII G.L.* (2017) Digital Transformation of Education: Challenges for Higher School. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 121-136.

REFERENCES

Boltanski L., Chiapello È. (1999) *The New Spirit of Capitalism* (Russian translation: NLO, Moscow, 2011.)

Clynes T. (2017) 'Peter Thiel Thinks You Should Skip College, and He' Even Pay You for Your Trouble'. Available at: www.newsweek.com/2017/03/03/peter-thiel-fellowship-college-higher-education-559261.html thielfellowship.org

Florida R. (2008) *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where You Live the Most Important Decision of Your Life* (Russian translation: Strelka Press, Moscow, 2014).

Gorelova E. (2017) 'Professions Living and the Dead'. In: *Vedomosti*. 2017. Vol. 4342. Available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694454-ischezayuschei-professiei> (in Russian).

Gorin N.I., Netschadin A.A., Tulchinskii G.L. (2016) 'Perverted Need for Higher Education Reform, or Why Business Should Come to Universities'. Part I. In: *Philosophical Sciences*. 2016. Vol. 1, pp. 21-38; Part II. In: *Philosophical Sciences*. Vol. 2, pp. 22-35 (in Russian).

Mau V. (2017) 'How the Russian Education System Prepares for the Arrival of the Digital Economy' (Interview). Available at: <https://lenta.ru/articles/2017/07/23/mauinterview/> (in Russian).

Ocejo R.E. (2017) *Masters of Craft: Old Jobs in the New Urban Economy*. Princeton University Press, Pinceton (NJ).

Podcerob M. (2017) 'Have to change yourself'. In: *Vedomosti*. 2017. Vol. 4342. Available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/06/15/694456-rinok-truda> (in Russian).

Standing G. (2014) *The Precariat. The New Dangerous Class* (Russian translation: Ad marginem, Moscow, 2014).

Tulchinskii G.L. (2015) 'Elimination of the university ethos: teaching as a precarial work'. In: *Vedomosti of applied ethics*. 2015. Issue. 47, pp. 76-83 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ АГРЕССИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

А.А. ЛИСЕНКОВА

Аннотация

В статье акцентируется внимание на трансформации механизмов агрессии в условиях бурного роста информационных потоков. Раскрывается влияние на данный процесс публично поощряемых норм и ценностей современного общества. Смещение акцентов и повсеместная публичность привели к росту девиаций и появлению новых форм репрезентаций себя в виртуальном пространстве. Негативные явления, охотно тиражируемые и распространяемые в цифровом контенте, привели к появлению моды на агрессию и показную жестокость, а размывание границ между нормой и девиацией – к искажению ценностей и смыслов. Материальная, ценностная дифференциация породила маргинальные группы, диктующие свои условия в интернет-пространстве, которые с помощью различных форм агрессии создают благоприятные условия для повсеместной истерии и скандала. Публичная агрессия и показная жестокость становятся нормой публичного дискурса, что приводит к еще большей сегрегации общества. Любой информационный повод превращается в невротический дискурс с делением на группы «своих» и «чужих», а альтернативная точка зрения и аргументированный диалог практически исключены из современного публичного поля. Поощрение интолерантного поведения усугубляет коммуникативный дисбаланс в современном российском обществе, выступая дополнительным стимулом негативного, конфликтного диалога, обесценивающего и унижающего ценности оппонента. Разобщенность общества активизирует крайне фундаменталистские течения, способные из on-line перейти в реальные столкновения. С ростом подобных тенденций в обществе угрозы перехода неконтролируемой агрессии из виртуального сетевого мира в повседневную жизнь становятся близкой реальностью, а прогнозирование и выработка превентивных мер оказываются одной из ключевых задач современного общества.

Ключевые слова: агрессия, Интернет, виртуальное пространство, негативная консолидация, деструктивность, девиация.

Лисенкова Анастасия Алексеевна – кандидат культурологии, доцент кафедры социально-культурных технологий и туризма Пермского государственного института культуры.

alisenkova76@gmail.com

Цитирование: ЛИСЕНКОВА А.А. (2017) Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137–147.

В современном, новом, постоянно изменяющемся, слабо прогнозируемом мире в состоянии постоянной политической, экономической, культурной турбулентности и хаотичности, при невероятной скорости и плотности информационных потоков и новой интегрированной

во все сферы человеческой повседневности цифровой реальности агрессия становится не только способом самовыражения и защиты индивида, но и способом репрезентации и идентификации.

Сегодня в условиях сложившейся социальной напряженности, изменения форм и механизмов коммуникации, фрагментарности восприятия и мышления, с одной стороны, с другой стороны, усиливается интеграция человека в глобальное сообщество, наблюдается все большая дивергенция и поиск доверительного круга «своих». Современный мир рождает «массы отчужденных людей». Наиболее ярко эти тенденции проявляются в цифровом пространстве. Неравномерность и избыточность информации становится источником, возбуждающим эмоциональную сферу человека, а возможности Интернет-коммуникации (открытость, анонимность, доступность) позволяют реализовывать негативные эмоции и настроения, вовлекая в этот процесс незнакомых собеседников, размывают границы между девиацией и нормой.

Появление цифровой культуры Web2.0, которая во многом определяет характер современной эпохи, так называемой «эры постмодерна», «цифровой эры» привело к интеграции, глобализации, фрагментаризации и виртуализации всех процессов человеческой жизни. Цифровое пространство стало средой, в которой человек находится от рождения до смерти, и даже после смерти, так как аккаунты пользователей существуют и после того как человек ушел в мир иной.

Смещаются акценты, меняется картина мира, сжимаются временные рамки, течение жизни подчиняется другим нормам и правилам, которые в свою очередь постоянно меняются. Это все приводит к психологическим кризисам и травмам людей, которые не успевают вписываться в новую картину мира. Поэтому исследование новых форм коммуникации и их влияние на повседневную жизнь индивида включено в контекст новой культурной реальности, сформировавшейся и продолжающей формироваться и развиваться под влиянием постоянной трансформации цифровых технологий. Цифровые технологии стали основанием не просто нового типа коммуникации, но основанием нового типа культуры в целом.

Материальная дифференциация, рост темпа жизни, снижение культурного уровня людей и т.п. стимулируют рост агрессии. Разобщенность общества по ценностным установкам делит и сетевое сообщество на группы «своих» и «чужих». Многие пользователи не уважают свободу «другого» и в принципе не готовы принять его существование, замыкаясь в своих узких сообществах. Появление «других» вносит хаос в привычный ход вещей и ставит под сомнение «правильность» системы ценностей, принятых в группе, стимулируя агрессию в первую очередь в молодежной среде. Интернет-среда стала пространством демонстрации моды на агрессию, преумножая

и тиражируя эти тенденции. В этом сложном процессе интеграции человек также обретает новые коммуникативные интерфейсы и сам интерпретирует и транслирует события общественной жизни. Данные интерпретации и трансляции склонны к взаимному умножению и наложению, тем самым создавая диссонанс и множественность голосов, в результате чего человек ощущает постоянный информационный шум, информационное давление и перенасыщение информацией. Индивид находится в условиях, когда он не способен воспринять тот информационный поток, который на него ежедневно обрушивается, являясь одним из основных стимулов стрессогенности и порождая немотивированную агрессию и взаимную ненависть. Информационный повод вытеснен информационным шумом. Возросшие объемы информации, доступ к цифровым массовым коммуникациям привели к гиперинформационной нестабильности и хаосу.

Это приводит к росту готовности к агрессивному поведению в связи с необходимостью эмоциональной разрядки инстинктивных (вitalных) агрессивных побуждений и мотивов, связанных с ростом и увеличивающейся плотностью современных мегаполисов, в которых при видимом скоплении людей, индивид ощущает себя совершенно одиноким. Стирание границ и рамок между нормой и девиацией, тем, что разрешено и тем, что запрещено, дозволенным и недозволенным приводит к массовому изменению поведения, неумению встраиваться в постоянно меняющиеся правила игры, ко все большему расслоению и неравенству в обществе. Цифровые технологии выступили, с одной стороны, пространством эмоционального выброса, разрядки и реализации возможных девиаций, с другой стороны – катализатором агрессивных настроений общества.

Рост агрессии мы наблюдаем ежедневно на экранах телевизоров и мониторов, сегодня ни одна программа или сюжет не обходится без сообщений об актах насилия. Благодаря развитию цифровых средств коммуникации и массовой информации появилась возможность быть постоянно включенным и обучаться агрессивному поведению, а снижение уровня толерантности только усугубляет данный процесс. Интернет за счет безнаказанности и удаленности дает большие возможности для реализации различных вариантов агрессивного поведения. Истеричность сюжетов в традиционных СМИ перетекает в агрессивный дискурс в цифровой среде. Публичная истерика стала новым информационным трендом нашего времени.

По данным исследования интернет-портала Pew Research Center, 73% пользователей сети были свидетелями агрессии в отношении других, 40% испытали ее лично на себе и 20% ответили на агрессию агрессией [Агрессия 2017]. Важным видится тот факт, что сетевая агрессия – это, как правило, преднамеренное, добровольное действие, и любой из участников коммуникации без последствий может по-

кинуть сетевое пространство в любой момент, не отвечая агрессору, но это происходит далеко не всегда, так как главная цель агрессора втянуть собеседника в процесс коммуникации. Например, сегодня более 40% обращений, поступающих в службу поддержки «Дети онлайн», связаны с агрессией в интернет-среде. 17 слов из каждой тысячи, написанных в сообщениях пользователями социальной сети «ВКонтакте», содержат ненормативную лексику. В 79,3% фактов агрессивного поведения в Интернете агрессором является незнакомый для жертвы человек, т.е. не имеющий чувства личной неприязни к собеседнику [Агрессия 2017].

В разное время к феномену агрессии формировалось разное отношение.

К проблеме агрессии обращаются психологи, философы, культурологи, находя истоки агрессии не только в удовлетворении первичных (витальных) физиологических потребностей человека, но и в противостоянии мотивов, потребности в доминировании, вызывающих острую психологическую напряженность.

С появлением и развитием цифровых технологий, тех возможностей и угроз, которые стали доступны современному человеку, актуальность изучения феномена агрессии, несомненно, приобретает глобальный и остро насущный характер.

Феномен агрессии исследовали в различное время философы, психологи, культурологи, социологи, лингвисты, среди которых наибольший интерес представляют работы Ф. Ницше, Э. Фромма, З. Фрейда, К. Лоренца, А. Бандуры, Г.Э. Бреслава, К.С. Лебединской, Р. Бэрона, А. Налчаджяна, Н.Д. Левитова, Ю.Б. Можгинского, П.А. Ковалева, Ю.В. Щербининой, А. Патерсона, Д. Коннора, А.А. Реана, М.М. Райской, Д. Ричардсона, И.А. Фурманова, Л.М. Семенюк, О.И. Шляхтиной, Г. Спенсера.

В современных исследованиях феномена агрессии существует два направления, объясняющих возникновение агрессивного поведения: биологическое и психологическое.

Наиболее полно современные подходы к исследованию проблем агрессии в обществе отражены в работах Барбары Крэйхи. Биологический подход объясняет возникновение агрессии с трех позиций: этологической (в качестве основного стимула агрессивного поведения выступает внутренняя энергия индивида), социобиологической (агрессия, выступает как результат эволюции) и генетического поведения человека (агрессия, в качестве наследственной предрасположенности). Психологический подход обозначает другие ключевые позиции в отношении агрессивного поведения: в первую очередь, это психологический подход З. Фрейда, в котором агрессия рассматривается как человеческий инстинкт разрушения (стремление к Танатосу). Агрессию в качестве целенаправленного побуждения и действия,

связанного с ростом мотивационной напряженности и фрустрированного поведения индивида, анализируют и представляют теории фрустрации К. Лоренца, Э. Фромма и А. Бандуры. «Стимулы, которые постоянно связаны с факторами, провоцирующими агрессию, или с самой агрессией, могут постоянно склонять индивида, ранее спровоцированного или фрустрированного, к агрессии» [Бандура 2000, 430]. Следующий подход рассматривает появление агрессии в качестве ключевой реакции на отрицательные эмоции, – таков когнитивный неассоцианизм Л. Берковица: «Препятствия провоцируют агрессию лишь в той степени, в какой они создают негативный аффект» [Берковиц 2001, 187]. В рамках психологических теорий также рассматривается модель Д. Зильманна связывающая степень агрессии со степенью возбуждения индивида. Чрезвычайно важным с точки зрения функционирования коммуникационных процессов в цифровой среде видится социально-когнитивный подход в рамках психологических и философских теорий агрессии, ставящий степень агрессии в прямую зависимость от объема и скорости переработки и искажения информации, что приводит к искаженной картине мира. Теория научения Б. Скиннера и А. Бандуры описывает агрессию как результат специфического социального поведения, основанного на приобретении опыта агрессии и усвоении примеров агрессивного поведения: «Личность наблюдает образчик поведения или читает о нем, но не демонстрирует его открыто, пока не возникнут соответствующие обстоятельства» [Бандура 2000, 52].

Таким образом, все ведущие подходы к исследованию феномена агрессии в обществе, представленные разными научными направлениями и школами, можно разделить на две большие группы, первая из которых включает биологические подходы, где агрессия – это фундаментальное свойство человека, основанное на витальных инстинктах. Вторая группа включает антропосоциогенные теории, основанные на утверждении социальных причин агрессии, обусловленных особенностями и способами взаимодействия индивидов в обществе.

С этих позиций мы видим, что современное общество формирует и задает нормативные рамки существования человека в современном мире, «научает» его агрессивному поведению и дозволенным и поощряемым формам его проявления. Как отмечал Х. Хекхаузен, «культура формирует и задает норму, которая определяет тип и частоту агрессивных форм поведения... декларирует и санкционирует свои специфические нормы и критерии, тем самым, предопределяя, что можно разрешать, что запрещать и что поощрять» [Хекхаузен 2003, 83]. Более того, актуальные и популярные сегодня средства массовой информации диктуют и формируют моду на агрессию, для этого достаточно обратить внимание на темы передач в вечерней сетке

вещания телевизионных каналов, или ТОП-5 новостей поисковой системы «Яндекс». Как отмечал Э. Фромм, «если в человеке и развиваются дурные наклонности, то причиной этого являются дурные обстоятельства, дурное воспитание и дурные примеры» [Фромм 2004, 279]. Образцы деструктивного, агрессивного поведения человек как правило черпает и усваивает из трех источников: семья, субкультура в которой он в данное время находится и символическое поле, которое его окружает, диктуемое средствами массовой информации. Индивид находит источник одновременно и вдохновения, и эмоциональной разрядки и проявления девиаций в средствах массовой информации, особенно цифровых, где он может выступать не только пассивным зрителем, но и творцом, быть не только ведомым и управляемым, но и сам манипулировать другими, управляя собственным стрессом в поисках выплеска негативных эмоций.

К сожалению, виртуальная коммуникация сегодня выступает не только средством управления состоянием стресса, но и источником его возникновения и тиражирования. Проблема агрессии в Интернете, ее распространение на все сферы бытия человека связана с тем, что в цифровом пространстве, как в зеркале, отражаются проблемы современного социума: рост агрессивности, снижение толерантности. Параллельно протекают два процесса: падение уровня культуры и связанный с этим явлением рост агрессии, что приводит к потере культуры толерантной коммуникации в цифровой среде. Повсеместный доступ к информации о процессах, формирующих установки толерантного поведения и сознания сегодня не обеспечен.

Проблема толерантных отношений в современном обществе не только не нивелируется в связи с декларируемым прогрессом, а наоборот обостряется и выходит на передний план с усложнением и интенсификацией жизни современного общества. Происходит усиление чувства интолерантности, отчужденности и одиночества в повседневных человеческих отношениях, что только усугубляет сложившийся комплекс коммуникативных проблем и увеличивает степень коммуникативного стресса общества в целом. Интернет-общение принимает форму негативного, агрессивного диалога, так как сама конфликтная ситуация не обременяется последствиями, а зачастую служит фактором разрядки или самоутверждения участников коммуникации за счет порицания, противопоставления, унижения друг друга, обесценивания интересов, норм и ценностей оппонента. Цифровая интернет-среда становится пространством, где можно безнаказанно выплеснуть негативные чувства и эмоции, ненависть, агрессию, гиперсексуальность. Интернет объединил сотни миллионов участников по всему миру независимо от возраста, национальной принадлежности, пола и уровня образования. Огромное количество маргинальных групп принесло в сеть стабиль-

ность, банальность и агрессию. Интернет-коммуникации создали особое, до сих пор не осознанное пространство потоков и смыслов, представляющее многозначную, многомерную и насыщенную среду, привлекательную для манипуляции как отдельными людьми, так и большими сообществами, без выхода в реальное пространство действия. Эта тенденция породила невиданную «эпидемию» словесной (вербальной) агрессии в пространстве Интернета. Бестелесность, анонимность, мнимая свобода и открытость породили целый ряд деструктивных и негативных явлений в сети, которые выразились в различных вербально-агрессивных формах: замечаниях, взаимных обвинениях, угрозах, порицании, оскорблении оппонентов, враждебности по отношению к «другим»/«не таким», конфликтность и конформизм. Как правило, все эти яркие проявления агрессии, по мнению исследователей коммуникативной интернет-среды, связаны с «неблагополучным социокультурным положением в большинстве современных логосфер: с ростом асоциальности, с общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, пропагандой насилия в средствах массовой информации, с существенным ослаблением коммуникативных механизмов, традиционно сдерживающих проявления агрессии слова» [Щербинина 2006, 6].

Негативное выражение эмоций через агрессию в интернет-пространстве выступает альтернативой реальному физическому действию, и критическая масса сетевой агрессии растет пропорционально росту социальной напряженности и снижению уровня толерантности в обществе, трансформируясь в сетевую форму «языка вражды». Как отмечал Э. Фромм, «задушенная» внутренняя свобода провоцирует появление агрессивности. Насмешки, жаргонизация, уничижительное отношение, грубость, доходящая до откровенного хамства, угрозы, травля — все эти бесконечные попытки доминирования, управления и манипулирования сознанием человека стимулируют рост напряженности и конфликтности во всех группах нашего общества.

Интернет стал благоприятной средой для продвижения криминальных установок и ценностей, обеспечивая анонимную коммуникацию внутри и между преступными группами. В последнее время агрессия в интернет-среде стала модной формой удовлетворения тщеславия и негативной репрезентации «явления себя миру», благодаря возможности трансляции «вещных доказательств» и «героизма», снятых на различные гаджеты сцен жестокости, насилия и агрессии. Тенденция выкладывать в социальные сети ролики со сценами избиения, насилия, унижения других приобретает пугающие масштабы. Интернет стал благоприятной средой «научения», распространения и тиражирования моды на жестокость и агрессию. Становясь средством объединения различных субкультур, интернет-среда и особенно

среда социальных медиа создала невиданные возможности для консолидации «своих» и дивергенции «чужих» по различным признакам. Стремление к самовыражению, привлечению публичного внимания и самопродвижению спровоцировало рост девиантных проявлений в социуме.

Сетевые формы агрессии стали определяться условиями и характером интернет-дискурса, темой и контентом ресурса, в границах которого они существуют, настроениями и темами актуальными сегодня в обществе, а также рамками и границами общественно поощряемых и порицаемых тем. Анонимность, влекущая за собой безнаказанность, расширение состава участников коммуникации за счет маргинальных групп повысили градус сетевой нетерпимости и повлекли за собой формирование негативных форм поведения у всех участников коммуникационного процесса. Различные виды сетевой агрессии: пранкерство, троллинг, кибербуллинг, флуд, хайтерство, астротурфинг, флейминг — создают деструктивный фон для сетевого взаимодействия. Для данных групп примитивность, деструктивное поведение, позволяет не только провоцировать собеседников и привлекать внимание, репрезентируя себя миру, но и служит способом и мотивом обретения собственной идентичности в противопоставлении себя массе, объединению в группы «своих» и противопоставлении себя «чужим».

Формы социальной агрессии в интернет-среде имеют свои уникальные характеристики. Во-первых, они могут существовать исключительно в виртуальных сообществах, так как в реальных условиях у индивида возникает гораздо больше барьеров и ограничений для проявления агрессии по отношению к другому участнику коммуникационного процесса. Во-вторых, они обладают специфическими механизмами мгновенного возбуждения лавинообразной неконтролируемой агрессии, быстро распространяющейся на всех участников виртуального сообщества. И в-третьих, необходимо учесть, что уникальность виртуальных сетевых форм социальной агрессии состоит в том, что у потенциальной жертвы конфликта отсутствует возможность физического или визуального контакта с инициатором самой конфликтной ситуации.

Все эти формы проявления агрессии в интернет-среде рассматриваются как пусковой механизм создания ситуации скандала, жесткой провокации и служат виртуальным средством с возможностью организации физических агрессивных акций.

По мнению исследователя цифрового контента интернета Дж. Сулера [Suler 2004, 321–326], существуют шесть основных причин «цифрового раскрепощения» и агрессивного поведения пользователей.

1. Асинхронность (ощущение безвременья, того, что все протекает не в реальном времени).

2. Анонимность (невозможность, по мнению пользователей, соотнести поступок с личностью).
3. Невидимость (того, кого не видят невозможно осудить).
4. Солипсическая интроспекция (попытка, не видя людей угадать их намерения).
5. Диссоциативное воображение (ощущение несуществующего, нереального мира в сети).
6. Отсутствие авторитетов (свобода и обезличенность коммуникации)

На современном этапе состояние коммуникативных агрессий характеризуется расширяющейся практикой их виртуального проявления, технологической оснащенностью и спонтанностью вовлечения разных социальных сил в данный процесс, но чем более общество в идеологическом плане маргинализировано, криминализировано по незначительным преступлениям, так называемым «преступлениям без жертв», чем более оно интолерантно к любым проявлениям инаковости, тем более оно агрессивно, и эта агрессия способна вылиться из виртуального дискурса в реальное столкновение. В этой связи опасения вызывают те коммуникативные агрессии, которые активизируют различные по статусу социальные группы – от широко информированных верхов до непросвещенного низа – способные консолидировать участников сетевых сообществ вокруг радикальных идей, воспользовавшись их зреющей готовностью к переносу агрессии из символического виртуального пространства в физическое реальное действие.

Разобщенность общества по ценностным кластерам взращивает в группах с разной ориентацией фундаментализм, но пока виртуальный, «беззубый». Многие интернет-пользователи не только не готовы уважать мнение и свободу «другого», но и признавать сам факт его существования, так как в тех группах, где они преимущественно общаются, «других» нет. Если «другой» появляется на территории «чужого кластера», то он априори становится врагом, так как само его существование ставит под сомнение и угрозу систему ценностей, которая сложилась в группе.

Ситуацию спасает то, что для пользователей сети характерна ориентация на избегание реальных действий, которая выражается в замене действиями виртуальными. В этой связи необходимо снижать градус истеричности и публичного поощрения негативных форм девиации в виртуальном пространстве, поощряя все формы толерантного поведения, предоставляя возможности для дискуссий и различных видов творчества, декриминализируя незначительные правонарушения и создавая условия для плюрализма различных точек зрения. Сегодня остро необходима выработка конструктивных превентивных мер в ответ на провокации, формирование методов критического анализа

информационного потока, снижение информационного неравенства и образования, обеспечение доступа к различным источникам информации всех групп населения через создание альтернативных средств массовой информации.

Проявление агрессии в интернет-среде – это сложное и многогранное явление современной действительности, требующее дальнейшего изучения и анализа, с целью создания инструментов, снижающих градус недоверия, вражды в обществе, механизмов, способных защитить его. Для этого необходим многоаспектный анализ информационно-коммуникативных процессов, протекающих в виртуальном пространстве. С целью прогнозирования возникающих угроз и девиаций необходимо всестороннее изучение феномена цифровой агрессии, понимание истоков деструктивности и методов минимизации негативных отклонений.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Агрессия 2017 – Агрессия в Интернете: статистика и выводы. – URL: <https://geektimes.ru/post/248068/> (дата обращения 16.03.2017)

Бандура 2000 – *Бандура А.* Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000.

Берковиц 2001 – *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001.

Фромм 2004 – *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.

Хекхаузен 2003 – *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер, М.: Смысл, 2003.

Щербинина Ю.В. – *Щербинина Ю.В.* Вербальная агрессия. – М.: КомКнига, 2006.

Suler 2004 – *Suler J.* The online disinhibition effect // *Cyberpsychology & behavior.* 2004. Vol. 7. № 3. P. 321–326.

THE PHILOSOPHY OF AGGRESSION IN THE DIGITAL AGE

A.A. LISENKOVA

Summary

The article focuses on the transformation mechanisms of aggression in the rapid growth of information flows. It reveals the impact of publicly encouraged norms and values of modern society on this process. The shift of emphasis and the widespread publicity led to a rise in deviancy and the emergence of new forms of representations of themselves in cyberspace. Negative phenomena readily replicated and distributed in digital content led to the emergence of the fashion for ostentatious aggression and violence, and blurring the boundaries between normality and deviation-to-distortion values and meanings. Material, value differentiation gave rise to marginal groups dictating the conditions in the Internet space and using various forms of aggression to create favorable conditions for the widespread hysteria and scandal. Public aggression and ostentatious cruelty become the norm of public discourse, which leads to further

segregation of society. Any newsworthy turns into a neurotic discourse with the division into groups of “us” and “them”, and an alternative point of view and reasoned dialogue are virtually excluded from modern public field. The promotion of intolerant behaviour exacerbates the communicative imbalance in the modern Russian society, speaking an additional incentive negative, conflict dialogue, devaluing and degrading of the value of the opponent. The enslavement of society activates extremely fundamentalist trend, which on-line go into a real collision. With the growth of such trends in society, the threat of uncontrolled transfer of aggression from the virtual network world in everyday life, become a close reality and the forecast and development of preventive measures are one of the key tasks of modern society.

Keywords: aggression, Internet, virtual space, negative consolidation, destructiveness, deviation.

Lisenkova, Anastasia – Ph.D. in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Socio-cultural Technology and Tourism, Perm State Institute of Culture.

alisenkova76@gmail.com

Citation: *LISENKOVA A.A.* (2017) Philosophy of Aggression in the Digital Age. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 137-147.

REFERENCES

Aggression on the Internet: statistics and conclusions (2017). Available at: <https://geektimes.ru/post/248068/> (accessed 16.03.2017) (in Russian).

Bandura A. (2000) *Theory of Social Learning*. Eurasia, Saint Petersburg (in Russian).

Berkowitz L. (2001) *Aggression: Causes, Consequences and Control*. Praym, Saint Petersburg (in Russian).

Fromm E. (1973) *Anatomy of human destructiveness* (Russian Translation: AST, Moscow, 2004).

Heckhausen H. (1991) *Motivation and activity* (Russian Translation: Peter, Saint Petersburg; Smysl, Moscow, 2003).

Shcherbinina Yu.V. (2006) Verbal aggression. – M.: KomKniga, 2006. (in Russian).

Suler J. (2004) ‘The online disinhibition effect’. In: *Cyberpsychology & behavior*. 2004. Vol. 7. No 3, pp. 321-326.

АДАПТАЦИЯ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА К ВИРТУАЛЬНОМУ МИРУ

О.Н. ВЕРШИНСКАЯ

Аннотация

В статье предлагается взглянуть на проблему использования Интернета людьми старшего возраста с двух сторон: со стороны классической статистики и междисциплинарного подхода, использующего достижения культурологии, психологии и социологии. Статистический анализ проблемы показывает, что большая часть людей старшего возраста в РФ еще не живет в виртуальном пространстве. Однако ответа на вопрос, кто из людей старшего возраста еще не пользуется Интернетом и почему, при этом нет. Понять это можно, если попробовать посмотреть на проблему не с позиций позитивизма, изучающего проблемы ставшего, а используя междисциплинарный подход к проблемам становления. Ведущая роль в междисциплинарных исследованиях придается личностным смыслам, неформальным правилам и отношениям.

Ключевые слова: пользователи Интернета, междисциплинарный подход, онлайн и офлайн население, мотивационная цепочка, информационные болезни социализма, адаптация к виртуальному миру.

Вершинская Ольга Николаевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.
vershinskaya@mail.ru

Цитирование: ВЕРШИНСКАЯ О.Н. (2017) Адаптация людей старшего возраста к виртуальному миру // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 148–159.

Место компьютера в мире человека и место человека в новом цифровом мире – тема серьезных исследований в мировой науке. Цифровые технологии там рассматривают в единстве их технической, коммуникативной, социальной, гуманитарно-психологической и экономической сторон. Наступила эпоха IV коммуникационной революции, меняющая правила и возможности коммуникации между людьми. Первой революцией в коммуникации было изобретение письменности, второй – изобретение книгопечатания, затем телеграфа и теперь – Интернета, радикально меняющего формы и способы коммуникации.

По показателю вовлеченности населения в сеть Интернет Россию можно отнести к развитым странам, хотя по показателю экономического развития в целом она обычно относится к категории «развивающаяся экономика».

Сравним по этому показателю РФ и США. Мы увидим, что за период с 2005 по 2015 гг. в США общее количество пользователей

Интернета увеличилось с 15% взрослого населения до 87%. Однако по сравнению с предыдущими периодами прирост этот сильно замедлился. На отрезке времени с 1995 по 2004 гг. он составлял 48%, а за период с 2004 до 2015 гг. – 22% [PEW Research Center 2015]. Скорость распространения Интернета снизилась, что можно объяснить определенным «удовлетворением аппетита» на услуги сети.

В РФ в 2015 г. количество интернет-пользователей на 100 человек приблизилось к показателю США (71 и 84 человека соответственно), но темпы роста этого показателя за период 2005–2015 гг. у России намного выше, чем у США – этот показатель вырос с 43 (2005) до 71 человека (2015), т.е. в 1,6 раза, а в США – с 72 до 84 человек (см. рис. 1). Процесс интернетизации в РФ начался позднее, но шел более быстрыми темпами, поэтому разрыв между РФ и США по этому показателю сократился и стал незначительным.

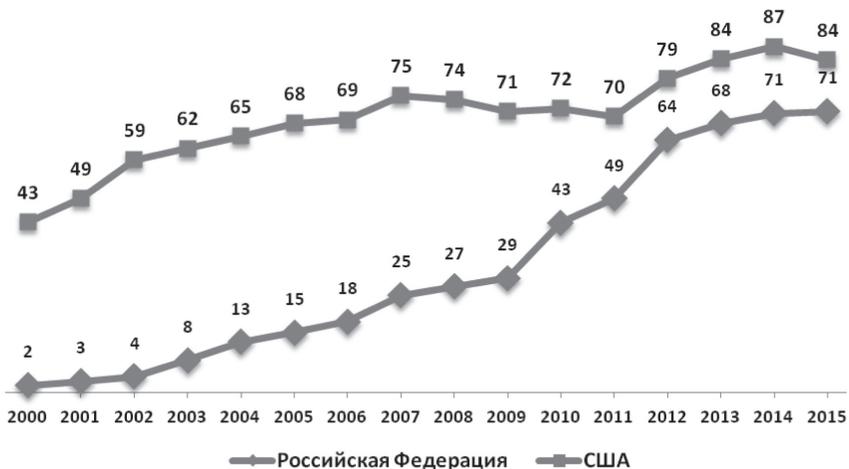


Рис. 1. Динамика коэффициента интернет-пользователей в РФ и США (на 100 человек населения, 2000–2015 гг.) [Фонд Общественное Мнение 2015; PEW 2015]

Включенность в Интернет населения России в целом соответствует мировым тенденциям. Уровень вовлеченности населения России в Интернет на конец 2015 г. превысил 70%. В середине 2015 г. практически все трудоспособное население РФ было «охвачено» Интернетом. Для наиболее молодой группы – 18–29 лет – показатель вовлеченности в сеть Интернет составляет 97%.

Однако рисунок 2 показывает, что вовлеченность людей 60+ в РФ еще невелика, вне сети находится 77% этой группы, в то время как в США число людей старшего поколения (65+), находящегося в сети, увеличилось за рассматриваемый период до 61%.

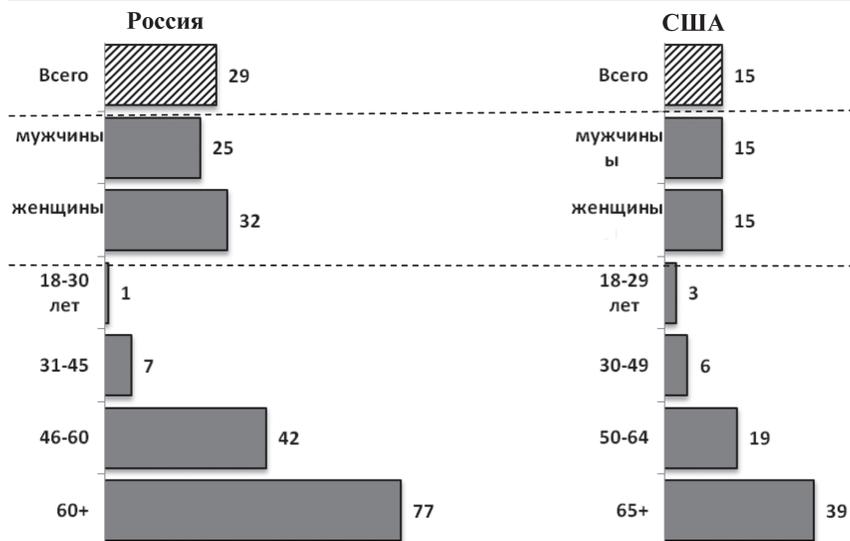


Рис. 2. Сравнение населения вне сети в РФ и США в демографических группах в 2015 г. (% от взрослого населения) [Фонд Общественное Мнение 2015в; «Омнибус» GfK; PEW 2015]

Если сравнить социально-демографические характеристики онлайн и офлайн населения в 20 странах [Offline 2014] с самым высоким количеством непользователей (75% от всех 4,4 млрд), установлено, что онлайн населением являются жители городов (76%), моложе 25 лет (47%), с высоким уровнем дохода и грамотные, а офлайн населением являются в основном жители сельской местности (65%), с низким уровнем доходов (50%), неграмотные (28%), старших возрастов (18%) и женщины (52%).

Возрастная структура интернет-пользователей в 2015 г. по сравнению с 2005 г. демонстрирует значительное увеличение количества пользователей старших возрастов – 23% против 2% соответственно. Однако хотя для групп пожилых людей, людей со средним уровнем образования, с низким уровнем дохода вовлеченность в Интернет значительно выросла по сравнению с 2005 г., она все еще далека до насыщения, что свидетельствует о наличии существенных перспектив роста.

Ситуация в РФ соответствует глобальным трендам распространения Интернета:

- число людей вне Интернета в мире сокращается;
- повышается количество женщин интернет-пользователей;
- повышается количество пенсионеров интернет-пользователей;

- уменьшается число интернет-пользователей через стационарные компьютеры, растет число пользователей с мобильных устройств.

Классический статистический анализ проблемы показывает, что большая часть людей старшего возраста в РФ еще не живет в виртуальном пространстве. Ответить на вопрос, кто из людей старшего возраста уже живет в виртуальном мире и почему, можно, если попробовать посмотреть на проблему не с позиций позитивизма, а используя междисциплинарный подход к проблемам становления, поскольку позитивизм изучает проблемы ставшего, а не становящегося,

Идея необходимости использования междисциплинарного подхода в исследованиях общественных и гуманитарных наук уже довольно давно витает в воздухе. Так, в 1993 г. мною была опубликована статья «Культурно-информационный фактор социально-экономического развития» [Вершинская 1993] в журнале «Экономика и математические методы». Большого интереса статья не вызвала. С 1993 г. я пишу о необходимости междисциплинарного подхода к изучению социальных последствий распространения ИКТ, но технократический подход к их рассмотрению до сих пор продолжает доминировать.

В статье предпринята очередная попытка показать разницу в оценках, в глубине оценок, при статистическом и междисциплинарном подходах. Хочется подчеркнуть, что нужно брать в рассмотрение работы и культурологов, и психологов, которые считают, что психология является мостом между естественнонаучным и гуманитарным знанием. Сюда же относится и культурно-исторический подход Л.С. Выготского, который настаивал, что без анализа переживаний, смысл общения не понять.

Мощь позитивизма, который ярко зацвел в общественных и гуманитарных науках в 1960 гг., не убывает. Анализируются большей частью существующие институты, так как позитивистская ориентация не позволяет решить задачу их становления и развития [Тулчинский 2016а]. Позитивизм доказал свою пользу в сборе эмпирических фактов и их обработки посредством количественных методов, что позволяет конкретизировать описание, детализировать соотношение между фактами. Позитивистская модель не случайно сохраняет привлекательность, она дает возможность обработки эмпирических данных качественными и количественными методами, проследить зависимости между данными, предлагать различные модели, строить индуктивные обобщения, аргументировано представлять следствия из этих обобщений.

Однако предлагаемые объяснения строятся без понимания сути, природы, возникновения и развития самого явления. Объяснение через подведение под общую категорию, исключение актора деятельности и его мотивации являются слабостями позитивизма. Доминирование позитивистской установки на описание и количественные

методы обработки этих описаний детализируют сложившуюся ситуацию, но не дают объяснения динамики ее развития и факторов этого развития [Заостровцев 2014]. В социальных науках важно не просто констатировать и описывать ситуацию, но и понять процесс ее возникновения и развития.

В социальных и гуманитарных науках, изучают не только познающий субъект, но и участников исследуемой предметности, акторов, имеющих рациональную мотивацию, на которых можно возложить ответственность за попытки реализовать эту мотивацию. Каждый из таких акторов располагает какими-то ресурсами, имеет намерения, цели и планы, организует и координирует какие-то действия. За любым фактом и событием можно проследить мотивационную цепочку строящихся и реализуемых планов, замысел некоего актора. Задача состоит именно в учете и раскрытии мотивации акторов, включая в анализ их намерения и ресурсы.

В условиях распространения ИКТ новые информационные ресурсы играют ключевую роль. На фоне возрастания интенсивности коммуникации становится ясно, что упорядоченная и систематическая коммуникация ведет к закреплению *новых* традиций, вплоть до их полной институционализации [Тульчинский 2016в].

Главный пафос работ Д. Норта, Ю. Хабермаса, Д. Макклоски, А. Кламера – это конструктивистская установка, когда идеи порождают институты, а не наоборот. Акцент ставится на становлении и развитии институтов, чего позитивизм не позволяет сделать.

Сама идея интенциональности социально-экономического развития, важности факторов, снижающих неопределенность (мнения, убеждения и пр.) принадлежит Д. Норту [Норт 1997, 175; Норт 2010, 42–63]. По мнению Норта, интенциональность социальных процессов принципиальна и изначальна в формировании институтов. Заслугой Д. Норта и его сторонников является перенос внимания на то, что в основании формирования институтов лежит именно конструктивная интенциональность: не институты порождают убеждения, а наоборот. Суть понимания процесса социальных изменений – в убеждениях и в том пути, которым они развиваются.

Как отмечает А. Кламер [Кламер 2015], стены, отделяющие одну дисциплину от другой, все еще остаются толстыми. Аналитические суждения истинны по законам логики, это теоретические выводы. Истинность синтетических суждений находится в зависимости от того, о чем свидетельствуют факты. Посредником между мыслью и реальностью является язык. А. Кламер отстаивает ту точку зрения, что экономическая наука – это, прежде всего, дискурсивная практика, или разговор. С этих позиций он рассматривает реальную практику привлечения внимания к собственным идеям относительно ведения споров, публикаций в журналах и пр.

Существуют сюжеты, которые традиционно недооценивались профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении других наук: философии, психологии, социологии, культурологии. Превращение экономической науки в подлинно гуманитарную дисциплину, трактующую хозяйственную жизнь человека в неразрывной связи с миром социальных институтов и культурных ценностей, — задача современной науки.

Д. Макклоски в книге «Риторика экономической науки» пишет о том же, т.е. что актуальная парадигма современной экономической науки остро нуждается в пересмотре, что особенно справедливо для тех областей, где экономическая логика встроена в социальный, политический и культурный контекст [Макклоски 2015].

Опережающая культура мышления этих выдающихся специалистов говорит о том, что ведущая роль в междисциплинарных исследованиях отводится личностным смыслам, неформальным правилам и отношениям. Личностные мотивации — это мотивационная цепочка: намерения (хочу — не хочу), возможности (могу — не могу, ресурсы, способности), решение (мое — не мое), воля, оценка (обществом, группой или личностью) как обратная мотивирующая связь намерений, действий, средств, результатов.

Для анализа *намерений* участников коммуникации используются методы психологии, так как нельзя забывать о психологической реальности изучаемой деятельности и социально-психологических рисках, возникающих в результате потребления растущего количества электронных услуг. Появилась уже сверхновая статистика, психометрия, или психография. Это методика, с помощью которой Трамп выиграл у Клинтон и которая пользовалась методами традиционной статистики. Речь идет о психологическом таргетировании и персонализированной рекламе. В целом в психологии разработано множество теоретико-экспериментальных подходов, включая контент-анализ, где главное — выбрать единицу анализа, служащую индикатором интересующего исследователя явления; интент-анализ, анализ намерений, позволяющий путем изучения речи говорящего выявить скрытый смысл его речи, намерений, и целей; метод мотивационно-целевого, интенционального анализа процессов общения. Метод мотивационно-целевого анализа процессов общения, разработанный Т.М. Дридзе [Дридзе 2009], основан на том, что потребность субъекта в реализации коммуникативного намерения, возникает под воздействием трех сил: проблемной жизненной ситуации, его намерений и избранной технологии, В зависимости от своего интеллектуального и социокультурного потенциала, направленности сознания, свойств индивидуального внимания, ценностных ориентаций, волевых и нравственных качеств люди могут по-разному интерпретировать информацию. В зависимости от избранной технологии общения

люди могут по-разному ощущать психологическую реальность коммуникации.

В памяти человека остается:

10% информации — от просто прочитанного;

20% информации — от услышанного;

30% информации — от увиденного;

50% информации — от одновременно услышанного и увиденного.

Особенность проходящей научно-технической революции, которая как раз и позволяет одновременно слышать и видеть, в том, что вторгаясь в информационную сферу, она вызывает тектонические социокультурные сдвиги, такие как появление новых видов грамотности, частичная смена модели передачи культуры, когда старшие учатся у младших владению современными технологиями; расширение границ взаимопомощи и взаимоинформирования, появление новых средств коммуникации, переход от категории нужды к категории выбора.

Какие мотивации руководят поведением людей, когда они используют или не используют ИКТ? Проведенные исследования показывают, что ведущая роль в развитии информационного общества в России принадлежит социокультурным и социально психологическим факторам.

Долгие годы существовали чисто российские феномены, которые автор назвал «информационными болезнями социализма», тормозящие (и тормозящие до сих пор для лиц старшего возраста) восприятие информации в нашей стране:

— информационное безразличие и нетребовательность, возникшие из-за отсутствия привычки к информационной обеспеченности. Информационные потребности удовлетворяются на основе свободного выбора, к которому мы не были приучены;

— социальная значимость информации мало осознавалась населением, знания и профессионализм общественно не поощрялись;

— существовал эффект тезаврирования информации: много собирали и хранили информации, мало ее использовали;

— в нашей культуре была мало развита прагматическая функция знаний, функция «знать, чтобы мочь» сознательно подавлялась в ориентированной на закрытость командно-административной системе.

Поведение в сфере потребления информации в повседневной жизни обуславливается не только полученными профессиональными знаниями, но и культурными и повседневными знаниями, передаваемыми через семью. Форму использования ИКТ определяют социальные связи, положение в семье, культурный капитал.

Можно выделить следующие модели потребления: по образованию, возрасту, доходам; по набору информационных благ; по регулярности и интенсивности их потребления.

Структурообразующий характер информационных взаимодействий показывает, какие социальные группы удается идентифицировать по признаку потребления одинаковой информации.

В полной мере это относится и к старшему поколению, 77% которого находится вне сети. Для выяснения того, кто еще не в сети, в странах ЕС появился проект Agism, Сегрегация людей старшего возраста.

Группа сотрудников Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН, занимающаяся анализом социальных последствий распространения ИКТ, изучает процессы адаптации старшего поколения к виртуальному миру по целому ряду причин:

- 1) для изучения трансформации механизмов коммуникации;
- 2) в попытке понять, насколько виртуальный мир помогает старшему поколению обходиться без помощи, самому за собой ухаживать...
- 3) понять, как люди старшего возраста пытаются приспособить виртуальный мир под себя;
- 4) какой у пользователя старшего поколения механизм формирования потребительского поведения: подражание, заражение, убеждение, внушение;
- 5) использование методов поведенческого анализа, т.е. психологических методов, позволяет в первую очередь, понять готовность к самообразованию.

Наши гипотезы таковы.

1. Пользователи старшего возраста проводят свободное время в основном в Интернете. Блуждания по просторам Интернета пользователь предпочитает любому иному виду отдыха и времяпрепровождения.

2. Большая часть печатных СМИ для пользователей старшего возраста стали электронными.

3. Постепенно развивается поверхностное внимание, концентрированное внимание уходит благодаря многозадачности.

4. Идет процесс превращения продвинутых навыков в базовые, процесс уменьшения роли традиционной культуры, электронная культура — уже не просто дополнение к ней.

5. Жизнь пользователя стала более мобильной в плане затрачиваемого времени и ощущения комфорта (в бытовом плане, в плане финансов, в плане общения).

6. Общение сегодня происходит в основном с мобильных, а не стационарных устройств.

7. Интернет удовлетворяет познавательные потребности, потребности повседневной жизни, эстетические потребности (специализированные сайты — литература, музыка, выставки, театр, кино), потребности в эмоциях (любви, единомыслии, уважении и др.), в самореализации (реализация целей, способностей и пр).

Само определение проблемы адаптации основано на разных подходах. Интернет определяет адаптацию как формы ознакомления и формы приспособления. Но при этом приспособление и есть перевод на русский язык слова адаптация. Другое определение понятия адаптация дано в коллективной монографии ИСЭПН РАН «Адаптационные стратегии населения». Адаптация тут определяется как выработка модели потребления в соответствии со своими ресурсами [Авраамова 2004 (ред.)].

Ресурсами адаптации являются:

- возраст и пол,
- уровень информированности,
- уровень образования,
- имеющиеся социальные связи,
- способности.

Движущей силой современных социальных изменений служат ИКТ. Эти технологии и развитые на их основе электронные услуги становятся частью повседневной жизни. ИКТ изменяют модели жизнедеятельности и людей старшего возраста. Для новых возможностей, допускающих разные новые варианты действий, еще нет современных и адекватных правил. Еще не всегда понятно, какой тип поведения и знаний является нормативным, общепринятым. Однако уже появились реликты доцифрового века: стационарные телефоны, телефонные будки, факсы, справочники, географические карты,

Более того, в социуме наметился культурный разрыв, когда молодежь живет в одном смысловом мире, а пожилые люди в другом. Когда в обществе происходит техно-гуманитарный дисбаланс, те, кто не сумел приспособиться к новой реальности, из нее выпадают [Назаретян 2014]. Те, кто не приспособился к новой виртуальной реальности, лишаются всех ее преимуществ. В Интернете нет одиночества, и нет старости. Не сходя с места, люди попадают и в концерты, и в галереи, и в путешествия. Все это перестало звучать обыденно, а стало фактом реальности жизни онлайн-поколения старшего поколения. На глазах *меняется понятие частной жизни*. Для людей не имеет значения, что про них читают миллионы, главное, что с ними общаются, что им отвечают, что им пишут и присылают свои фото и высказывания.

Техно-гуманитарным балансом называется баланс между технологической мощью и качеством культурно-психологической регуляции, которая обеспечивает внутреннюю устойчивость общества. Рост технологической мощи повышает внешнюю устойчивость общества, но вместе с тем увеличивается и количество угроз, связанных с недальновидным использованием новых технологических возможностей. Если не происходит притирка к новым технологиям, общество подрывает природные (и/или геополитические) основы существования и становится жертвой собственного декомпенсированного

могущества. Закон техно-гуманитарного баланса выражает системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью — чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества.

Форму использования ИКТ определяют в первую очередь социальные связи человека, положение в семье и культурный капитал, роль которого уменьшается с развитием технологий. Информационную активность людей старшего возраста необходимо стимулировать. Для выживания в искусственно созданном виртуальном мире еще не разработана система правил и ограничений осуществления виртуальной деятельности. Выявить эти новые ограничения поможет изучение отношений между ИКТ и их пользователями. С точки зрения самых разных наук человек должен знать предельно допустимые значения главных параметров виртуального мира. Виртуальное пространство повседневности расширилось колоссально. «Люди-цифры» заменяют «Людей-слово». Интернет-пользователи в период IV коммуникационной революции думают в буквальном смысле иначе, чем предыдущие поколения. Доминирующим мышлением в XXI в. становится цифровое мышление.

У России есть перспективы войти в число мировых лидеров по цифровому развитию. Искусственный цифровой мир уже для многих стал частью современного мира. Появились новые социальные тенденции, новые стандарты поведения, новое понимание комфорта, новые виды деятельности, новая мораль, новая элита, новая культура.

Зарождаются новые стили жизни и модели потребления, происходит глобальный перенос культурной, социальной и экономической активности индивидов в виртуальное пространство.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аврамова 2004 (ред.) – Адаптационные стратегии населения / под ред. Е.М. Аврамовой. – СПб., 2004.

Вершинская 1993 – *Вершинская О.Н.* Культурно-информационный фактор социально-экономического развития // Экономика и математические методы. 1993. Т. 29. Вып. 4.

Вершинская 2009 – *Вершинская О.Н.* Гуманитарная информатика // Информационное общество. 2009. № 1.

Дридзе 2009 – *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. – М.: URSS, 2009.

Заостровцев 2014 – *Заостровцев А.П.* О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? – СПб.: Европейский университет, 2014.

Кламер 2015 – *Кламер А.* Странная наука экономика: приглашение к разговору / пер. с англ. И. Дягилевой; науч. ред. перевода Д. Расков. – М.: Институт Гайдара; Международные отношения; СПб.: СПбГУ, 2015.

Макклоски 2015 – *Макклоски Д.* Риторика экономической науки. – М.: Институт Гайдара, 2015.

Назаретян 2014 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. – М.: Аргамак-Медиа, 2014.

Норт 1997 – *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд эконом. книги «Начала», 1997.

Норт 2010 – *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. – М.: ВШЭ, 2010.

Тульчинский 2016а – *Тульчинский Г.Л.* Политические институты и символическая политика. – М.: ВШЭ, 2016.

Тульчинский 2016в – *Тульчинский Г.Л.* Социально-политические факторы динамики современного социума: нормативно-ценностный анализ // Человек. Культура. Образование. 2016. № 3 (21). С. 26–36.

Фонд Общественное Мнение 2015а

Фонд Общественное Мнение 2015в – Фонд Общественное Мнение. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2015/2016. Выпуск 52.

Offline 2014 – Technology, Media, and Telecom Practice // Offline and falling behind: Barriers to Internet adoption. – McKinsey & Company. October 2014.

«Омнибус» GfK. – URL: www.bizhit.ru

PEW 2015 – *PEW Research Center surveys* conducted March 17 – April 21, May 28-31 and June 10-July 12, 2015. – URL: <http://www.pewinternet.org/2015/06/26/americans-internet-access-2000-2015/>

World Development Indicators – *World Development Indicators*. – URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?Code=IT.NET.USER.P2&id=af3ce82b&report_name=Popular_indicators&populartype=series&ispopular

ADAPTATION OF PEOPLE 60+ TO VIRTUAL WORLD

O.N. VERSHINSKAYA

Summary

The paper reviews the problem of Internet usage by people 60+ from the two angles: classical statistics and interdisciplinary approach, based on culturology, psychology and sociology. Statistical analysis shows that the majority of people 60+ in Russia so far do not live in the virtual world, not answering the question why. We can try to understand who already lives in virtual world, if we look at the situation not from positivist point of view, which studies developed facts but from interdisciplinary approach which studies developing facts and processes. The leading role in interdisciplinary research is attributed to personal values, informal rules and relations.

Keywords: Internet users, interdisciplinary approach, on-line and off-line population, motivational chain, informational diseases of socialism, adaptation to virtual world.

Vershinskaya, Olga – D.Sc. in Economic Studies, Main Research Fellow at the Institute of Socio-Economic Studies of Population, Russian Academy of Sciences.

vershinskaya@mail.ru

Citation: *VERSHINSKAYA O.N.* (2017) Adaptation of People 60+ to Virtual World. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 6, pp. 148-159.

REFERENCES

Avraamova E.M. (2004) *Adaptational Strategies of Population*. Saint Petersburg (in Russian).

Dridze T.M. (2009) *Language and social psychology*. URSS, Moscow (in Russian).

Klamer A. (2007). Speaking of Economics: How to Get in the Conversation (Russian Translation by I. Diagileva; D. Raskov (ed. of trans.). Gaidar Institute, International relations, Moscow; Saint Petersburg University, Saint Petersburg, 2015).

Makklosky D. (1985) *The Rhetoric of Economics* (Russian Translation: Gaidar Institute, Moscow, 2015).

Nazaretian A.P. (2014) *Non-linear future. Megahistory, synergetika, cultural anthropology and psychology in global forecasting*. Argamak-Media, Moscow (in Russian).

North D. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (Russian Translation: Economic Book Foundation *Beginning*, Moscow, 1997).

North D. (2005) *Understanding the Process of Economic Change* (Russian Translation: Higher School of Economics, Moscow, 2010).

Tulchinsky G.L. (2016) *Political Institutions and Symbolic Policy*. Higher School of Economics, Moscow (in Russian).

Tulchinsky G.L. (2016) 'Socio-Political Factors of Modern Socium Dynamics: Norms-Values Analysis'. In: *Man. Culture. Education*. 2016. Vol. 3 (21), pp. 26-36 (in Russian).

Vershinskaya O.N. (1993) 'Cultural-Informational Factor of Socio-Economic Development'. In: *Economics and mathematical methods*. Vol. 29. Issue 4 (in Russian).

Vershinskaya O.N. (2009) 'Humanitarian Informatics'. In: *Information society*. Vol. 1 (in Russian).

Zaostrovtssev A.P. (2014) *On development and backwardness. How economists explain history?* European University, Saint Petersburg (in Russian).

CONTENTS

**THE FUTURE OF RUSSIA: STRATEGY OF PHILOSOPHICAL
COMPREHENTION**

**Reality and Prospects
of Russian Modernization ■**

<i>O.N. SMOLIN</i>	Socio-Economics: Labor – Budget – Pensions	7
--------------------	---	---

MODES OF SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT

**Social life:
Traditions. Intentions. Trends ■**

<i>A.N. DANILOV (Belarus)</i>	The Time of Great Presentiments	23
-------------------------------	---------------------------------	----

**Postmodernity:
The Search for New Ways of Interaction ■**

<i>EDITORIAL</i>	Formation of the phenomenon of «new modernity» as a new prospect of research	32
<i>V.I. SPIRIDONOVA</i>	“New Modernity” and the Traditional Values	35
<i>R.I. SOKOLOVA</i>	Is the Dialogue Between Russia and Germany Possible in the Era of “New Modernity”?	50

COGNITIVE SPACE

**Socio-Philosophical Aspects
of Scientific Knowledge ■**

<i>V.A. BAZHANOV (Ulyanovsk), E.E. SHABALKINA (Ulyanovsk)</i>	The Problem of Quest for the Neurophysiological Foundations of Morality: Neuroethics	64
<i>S.R. KOGALOVSKII (Shuya)</i>	On the Nature of Mathematics	80
<i>B.I. KUDRIN</i>	Ontology of Technical Reality	96

PHILOSOPHY OF THE DIGITAL WORLD

**Digital Civilization:
Challenges and Transformations
of Modernity ■**

<i>T.S. AKHROMEVA, G.G. MALINETSKIY, S.A. POSASHKOV</i>	Senses and Values of Digital Reality: Future. Wars. Synergetics	104
<i>G.L. TULCHINSKII (St. Petersburg)</i>	Digital Transformation of Education: Challenges for Higher School	121
<i>A.A. LISENKOVA (Perm)</i>	Philosophy of Aggression in the Digital Age	137
<i>O.N. VERSHINSKAYA</i>	Adaptation of People 60+ to Virtual World	148